

РУССКО- УКРАИНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РАЗГОВОРНИК



ОЫТЬ

ОБЩЕЙ
ИСТОРИИ



Русско-украинский исторический разговорник. Опыты общей истории

© НОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 2017

От составителей

Эта книга рождалась в муках, несоразмерных ее скромным габаритам. Причин тому несколько, но главная – сложность задачи, которую она призвана была решить. Задача эта состояла в том, чтобы представить публике ключевые моменты истории, общие для российского и украинского образов прошлого, ровно в том виде, в каком они предстают с точки зрения строгого научного знания, избавленного от домыслов, фантазий и фантомов политической целесообразности.

Мифологизированное повествование об общей в прошлом судьбе в форме публичной истории остается одним из важнейших инструментов формирования национальной идентичности. Этим инструментом нередко пользуются неблагонамеренные политики, мобилизующие сограждан на борьбу под знаменем восстановления «исторической справедливости». Уже четверть века в Восточной Европе не затихают «войны памяти», порождаемые конфликтами национальных образов истории, по необходимости создаваемых заново после крушения коммунистических режимов.

Украинско-российский случай особенно сложен ввиду того, что обе нации возводят себя к одному корню и длительное время сосуществовали в рамках единого имперского тела. После ликвидации Советского Союза в обеих странах начался процесс формирования новой гражданской идентичности, сопряженный с переосмыслинением исторического опыта и конструированием нового образа прошлого. Причем траектории этого осмыслинения и конструирования принципиально и драматически разошлись. В результате нынешние споры о значении тех или иных исторических событий и деятелей, остающихся

смыслоразличительными для обоих обществ, нередко ведутся в публичном поле по правилам «игры с нулевой суммой» – если одна из сторон присваивает событие/лицо в качестве собственного «подвига/героя», вторая считает необходимым или отказать оппонентам в праве притязать на это наследие, или опорочить его как «преступление/злодея».

Современный подход к проблеме общего наследия, на наш взгляд, состоит в выработке исторической оптики, позволяющей разделять общее прошлое, как разделяются знания или ценности. При разделе такого типа все стороны оказываются в выигрыше. Задача эта на материале российско-украинской памяти сейчас как никогда актуальна, поскольку нынешние мемориальные конфликты драматически влияют на перспективу возврата к добрососедству и сотрудничеству. Начинать же ее решение следует с расчистки общественных представлений о прошлом от многообразных и разновременных фантастических напластований, которыми обрастает историческая реальность в процессе утилитарно-политического использования.

Так возникла идея книги – словаря исторических образов, значимых для обеих национальных историй, но различно толкуемых. Причем каждая «словарная статья» должна в идеале совершенно исключать вненаучные утверждения. Составители полагали, что наиболее надежной и практически достижимой гарантией такого результата может служить совместная работа над каждым текстом двух профессиональных историков, принадлежащих к конфликтующим гражданским сообществам и хорошо знакомых с действительными и фантомными болевыми точками родных исторических нарративов.

Уже здесь составители столкнулись с первым препятствием, существенно повлиявшим на состав сборника, – некоторые

весьма авторитетные историки отказались участвовать в работе, полагая ее несвоевременной, неисполнимой в условиях острого политического противостояния, иные даже высказали убеждение, что сама возможность выработки такого общего лексикона утрачена навсегда. В результате в ткани сборника образовалась брешь, хронологически обнимающая весь XIX век, а по существу – оставляющая за границами публикуемого текста весь чрезвычайно важный процесс вызревания собственно украинского национального исторического нарратива и соответствующей идентичности. Впрочем, составители и не претендовали на полноту своего словаря, рассматривая его лишь как первый опыт подобной работы, которая в случае общественного одобрения, несомненно, будет продолжена.

Смыслоразличительные для нации события и целые эпохи в рамках «популярной истории» символизируются и тесно сопрягаются с определенными деятелями прошлого. Отсюда «персональный» характер нашего словника. Отбор персонажей может показаться поначалу произвольным, но он, как нам кажется, отражает объективную реальность. Не будет большим преувеличением сказать, что этот набор образуется пересечением двух множеств – «финалистов» телевизионных проектов, российского «Имя Россия» (2008) и украинского «Знаменитые украинцы» (2007–2008). Отметим, что большая часть исторических деятелей, «нominated» в московском и киевском телеэфирах, не совпадают. Конечно, это обстоятельство служит важным, хотя и косвенным, свидетельством практически достигнутой независимости и самобытности двух национальных историй. Но есть в телерейтингах и то, что позволяет трактовать понятие «общее прошлое» не как риторическую фигуру, а как реальность исторического сознания и мифологии россиян и

украинцев. Иерархия внутри национальных пантеонов, сформированных в результате электронных голосований (даже с учетом возможных накруток и манипуляций), оказалась типологически схожей. Так, победителями национальных марафонов оказались властители, князья из нашего общего Средневековья, герои как украинских, так и российских школьных учебников истории: Александр Невский («Имя Россия») и Ярослав Мудрый («Великие украинцы»). В десятке лидеров и украинских, и российских героев – главные национальные литераторы и интеллектуалы: Пушкин, Достоевский, Менделеев («Имя Россия») и Амосов, Шевченко, Сковорода, Леся Українка, Иван Франко («Великие украинцы»).

Процесс согласования текстов и поисков точных формулировок был долгим и напряженным. Он, безусловно, сам по себе заслуживает того, чтобы быть обнародованным – пусть не в виде текстов, но хотя бы в форме открытых диалогов и дискуссий. Мы и планируем запустить цикл таких мероприятий под эгидой Вольного исторического общества сразу после того, как книга выйдет из печати. К участию в постпубликационных диалогах будут приглашены и авторы очерков, вошедших в это издание, и те историки, которые по тем или иным соображениям прервали свое участие в проекте.

Итак, работа завершена, и нам остается лишь поблагодарить ее вдохновителя, писателя Людмилу Улицкую, благотворителей, иждивению и энергии которых эта книга обязана своим появлением на свет, и, конечно, авторов.

Анатолий Голубовский, Никита Соколов, члены совета Вольного исторического общества.

Вадим Аристов. Игорь Данилевский. Владимир Святославич. Легендарный КРЕСТИТЕЛЬ

Безусловно, самой яркой и значительной фигурой истории Древней Руси является князь Владимир Святославич (ок. 960 – 15 июля 1015). Приняв крещение (то ли в Василеве, то ли в Киеве, то ли в Корсуне) по греческому образцу, он принял решение сделать христианство государственной религией. Этот выбор и обеспечил ему место в исторической памяти народов, считающих себя наследниками культуры Древнерусского государства.

Однако сама эта память весьма противоречива. Дело в том, что о жизни и деятельности князя Владимира мы узнаем только из сравнительно поздних источников, созданных уже после его смерти. Сведения, которые они сохранили, во многом носят легендарный характер и подчас противоречат друг другу. Они и стали основой многочисленных мифов, возникших вокруг фигуры князя. Создатели таких мифов чаще всего просто пересказывают те или иные сведения, приглянувшиеся им, и «забывают» о тех свидетельствах исторических источников, которые в этот миф не «вписываютя».

Попытаемся разобраться в этой разноголосице исторических свидетельств и выяснить, что мы можем более или менее определенно сказать о том, каким был легендарный князь.

Уже само происхождение Владимира во многом загадочно. Дата его рождения неизвестна, поскольку в ранних летописях рождения княжичей, как правило, не фиксировались. Исходя из приблизительных дат рождений его отца (ок. 942) и старшего сына, Вышеслава (ок. 977), традиционно считается, что Владимир

родился примерно в 960 году. Обычно его называют «незаконнорожденным» (хотя неизвестно, существовало ли такое представление в дохристианской Руси) сыном князя Святослава Игоревича (ок. 942–972). Основанием для этого являются два связанных между собой сообщения «Повести временных лет».

Одним из поводов начала борьбы Владимира, который тогда княжил в Новгороде, за киевский престол якобы стало неудачное сватовство к полоцкой княжне Рогнеде. Гордая скандинавка (отец ее, Рогволод, по словам летописца, «пришелъ и-заморья», то есть из Скандинавии) на предложение Владимира будто бы ответила: «Не хочу розути робичича, но Ярополка хочу». Из этого обычно делается, казалось бы, вполне логичный вывод, что мать Владимира была рабыней. Иначе, с позиций «здравого смысла», называть Владимира «робичичем» не было никаких оснований. Правда, старославянское «робичищъ» означало «слуга»; однако это значение в данном контексте никогда не рассматривается, ввиду его полной – с точки зрения все того же «здравого смысла» – алогичности.

Это как будто подтверждается другим летописным сообщением, согласно которому мать нашего героя была ключницей княгини Ольги и звали ее Малуша, а отцом ее был некий Малк Любечанин. Известный советский историк Н. М. Тихомиров из этого даже делал вывод, что в данном случае мы имеем дело с первым свидетельством того, как дочь свободного горожанина попадает в рабскую зависимость...

Однако все не так просто. Дело в том, что «робичичами», или «чадами рабыниными», в древнерусской литературе назывались люди, не принявшие христианства, в противовес христианам – «сынам свободным». Именно в таком значении «робичич» упоминается будущим митрополитом-«русином» Иларионом в

знаменитом «Слове о Законе и Благодати». В основе этой фразеологии, видимо, лежит толкование апостолом Павлом (Гал. 4: 25–36) соответствующего места Книги Бытия, в котором речь шла об Измаиле – сыне праотца Авраама от рабыни Сары, Агари (Быт. 21: 1). Так что, «цитируя» полоцкую княжну, летописец, возможно, намекал, что та не пожелала идти за «сына греха», человека, не принявшего христианства. Естественно, из этого вряд ли следует, что сама Рогнеда была христианкой: в данном случае мы «слышим» голос летописца – монаха XI или XII века.

При таком толковании становится понятным и то, почему Рогнеда «хочет Ярополка»: по мнению М. С. Грушевского, тот был христианином. С этой точкой зрения, судя по всему, был согласен Б. А. Рыбаков: «М. Грушевский, задавая вопрос – откуда мог быть известен точный день смерти Ярополка, считает, что Ярополк, воспитанный бабкой-христианкой и женатый на христианке, мог и сам быть христианином... а факт крещения Ярополка, или хотя бы его склонности к христианству, мог объяснить живой интерес к этому князю как со стороны папы Бенедикта VII, так и со стороны византийского императора, одновременно приславших свои посольства к Ярополку в Киев». Следовательно, ответ Рогнеды содержал вполне ясный для древнерусского читателя намек на то, что Владимир – нехристь, язычник.

Такая точка зрения получает дополнительное подкрепление при обращении к источнику предания о сватовстве Владимира, отразившемуся, как считал А. А. Шахматов, в Корсунской легенде. Здесь на предложение киевского князя отвечает уже греческая царевна Анна, а не Рогнеда, и смысл ее ответа вполне однозначен: «Не хощу аз за поганаго (то есть за язычника. – И. Д.) ити». Аналогичный сюжет присутствует и в Хронике Галла Анонима. Здесь, в частности, рассказывается, как польский король

Мешко решил жениться на правоверной христианке Дубровке. Но та заявила, что не может выйти за него до тех пор, пока «не отказался от заблуждений язычества». Заметим, кстати, что это не единственное предание о Мешко, которое близко летописным легендам, в которых фигурирует Владимир Святославич. И уж совсем легендарными представляются сведения поздних летописей (Никоновской и Устюжской), будто Владимир родился в селе Будутине, куда разгневанная княгиня Ольга сослала Малушу.

Кстати, некоторые сомнения вызывает и имя матери Владимира. Малкой, Малкатой, Малкатошкой древнерусские источники называют царицу Савскую (как считают, переводчики с арамейского ошибочно приняли «Малка Ш(э)ва» за собственное имя).

Не менее сложными оказываются и сведения о сыновьях Владимира.

В «Повести временных лет» приводятся два не совпадающих между собой перечня сыновей киевского князя: под 6488 (980) и 6496 (988) годами. Сравнительно-текстологический метод не позволил в свое время выдающемуся исследователю древнерусского летописания А. А. Шахматову установить соотношения между этими текстами.

Первый перечень сообщает: «Бе же Володимеръ побежень похותью женьскою, и быша ему водимыя [то есть «законные» жены]: Рогънедь... от неяже роди 4 сыны: Изеслава, Мъстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; от Грекине – Святополка, от Чехине – Вышеслава; а от другое [то есть от двух других] – Святослава и Мъстислава; а от Болгарыни – Бориса и Глеба».

В отличие от него список 6496 года просто перечисляет: «Бе бо у него сыновъ 12: Вышеславъ, Изяславъ, Ярославъ, Святополкъ,

Всеволодъ, Святославъ, Мъстиславъ, Борисъ, Глебъ, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ».

А. А. Шахматов полагал, что первый из них является компиляцией, составленной автором Начального свода (1093–1096), предшествовавшего «Повести временных лет» (1113–1118). Источниками для нее якобы послужили какая-то нелетописная повесть о Владимире (возможно, Корсунская легенда) и второй из процитированных перечней, возводимый к Древнейшему своду 1030-х годов. Причем соединение было сделано «совершенно механически».

Неясным, однако, при этом оставался целый ряд вопросов. Скажем, зачем автору записи 6496 года потребовалось составлять перечень, в который вошли Станислав и Позвизд, больше нигде в летописи не упоминаемые? Если летописец хотел зафиксировать относительный возраст Владимировичей, то почему этот перечень не соотнесен с сообщениями о первоначальном распределении княжений и перераспределении владений между братьями после смерти старшего из них, Вышеслава? И главное – зачем потребовалось создавать второй перечень, мало того, изменять саму форму перечисления сыновей Владимира? Что заставило летописца распределить княжичей по матерям и на каком основании он устанавливал «материнство» (тем более что лишь одна из жен Владимира, Рогнеда, известна ему по имени)? И почему в новом перечне упомянуты не все Владимировичи, названные в статье 6496 года, а также не все жены Владимира, список которых, по словам А. А. Шахматова, «в Корсунской легенде... был, быть может, несколько полнее».

Примечательно между тем, что в обоих списках присутствует сакральное число 12. В Библии оно занимает особое место. Поэтому указание, будто у Владимира было 12 сыновей (или

детей), с большой вероятностью может расцениваться как «сигнал» о связи этих перечней с библейскими текстами.

Первое перечисление детей Владимира восходит, возможно, к следующему фрагменту книги Бытия: «Сынов же у Иакова было 12. Сыновья Лии: первенец Иакова Рувим, по нем Симеон, Левий, Иуда, Иссахар и Завулон. Сыновья Рахили: Иосиф и Вениамин. Сыновья Валлы, служанки Рахилиной: Дан и Неффалим. Сыновья Зелфы, служанки Лииной: Гад и Асир» (Быт. 35: 22–26).

В Библии, однако, говорится только о сыновьях патриарха, в то время как автор перечня 6488 года называет лишь десять сыновей Владимира и дополняет свое сообщение упоминанием двух безымянных дочерей князя. Быть может, у Владимира и, правда, было всего две дочери? Действительно, в летописном рассказе 6526 (1018) года о борьбе Владимировичей за киевский престол упоминается, что, возвращаясь в Польшу после захвата Киева Святополком Окайенным, Болеслав Храбрый забрал с собой двух сестер Ярослава. А. А. Шахматов считал, что именно это упоминание послужило автору перечня 6488 года источником записи о дочерях Владимира. Сообщение о плenении Болеславом сестер Ярослава Мудрого подтверждается немецким хронистом Титмаром Мерзебургским (975–1018). Но у немецкого хрониста фигурируют не две, а девять дочерей Владимира. Среди них была известная по «Повести временных лет» Предслава. Кроме нее, благодаря иностранным источникам, мы знаем еще трех дочерей Владимира, хотя и неизвестно, были ли они в числе пленниц Болеслава Храброго. Одна из них была выдана за норманнского маркграфа Бернгарда. Другая (как полагают, Премислава) вышла замуж за кузена венгерского короля Иштвана I герцога Ласло Сара. Наконец, третья (Добронега-Мария) была взята в жены польским королем Казимиром I Пястом.

Почему же летописец упомянул только двух дочерей Владимира? Быть может, запись составлена, когда другие дочери киевского князя еще не родились? Или же дочери от других жен Владимира летописца не интересовали? Не исключено, наконец, что текст дошел до нас в дефектном виде. Но если это так, странно, почему «пострадали» только упоминания о дочерях Владимира?

Упоминание только о двух дочерях, причем без имен, потребовалось, скорее всего, чтобы по форме приблизить летописный текст к библейскому прообразу и таким образом упорядочить перечень сыновей Владимира. Не исключено, что доведение числа детей Рогнеды до шести должно было намекнуть читателю на неполноправное положение полоцкой княжны в семействе Владимира. Ведь именно шесть сыновей родилось у Лии, нелюбимой жены Иакова, обманом выданной за него Лаваном. Однако более вероятным представляется другое объяснение. Благодаря упоминанию о дочерях изменилось место Владимировичей, следующих за ними: Святополка, Вышеслава, «второго» Мстислава, Бориса и Глеба. Тогда им соответствовали несколько иные имена отпрысков Иакова, а апокрифические характеристики их переносились на древнерусских княжичей. Скажем, летописные свидетельства о Борисе теперь восходили к библейским характеристикам Иосифа Прекрасного (например: «любимъ бо бе [Борис] отцемъ своимъ паче всехъ» – «Израиль любил Иосифа более всех сыновей своих, потому что он был сын старости его»), а Глеб Владимирович становился «двойником» Вениамина (ср. слова, которые автор «Страсти и сказания и похвалы святую мученику Борису и Глебу» приписывает Борису: «Оузрю ли си лице братьца моего мъншааго Глеба, яко же Иосифъ Вениамина»).

Таким образом, главные участники трагических событий, последовавших за смертью Владимира Святославича в 1015 году и подробно описанных в «Повести временных лет» (Ярослав, Святополк, Борис, Глеб и, возможно, «младший» Мстислав), получали характеристики через библейские образы, что могло существенно повлиять на оценку древнерусским читателем роли каждого из братьев в происшедшем.

Во всяком случае, использовать летописные перечни сыновей Владимира для выяснения их относительного старшинства, а также того, сколько именно детей было у киевского князя, вряд ли целесообразно. Придется согласиться с выводом А. А. Шахматова: «Нельзя придавать никакой цены указанию на то, что Борис и Глеб рождены от болгарки, Святослав и Мстислав от чехини».

Великий грешник

Ранние годы жизни Владимира – до принятия христианства – в летописи описываются в довольно мрачных тонах.

Начало правления Владимира в Новгороде (куда, по свидетельству летописца, он был приглашен самими новгородцами) было омрачено кровавой междуусобицей, которая разгорелась между наследниками Святослава Игоревича.

Под 975 годом в «Повести временных лет» помещено сообщение, что брат Владимира Олег, княживший после смерти отца в земле древлян, во время охоты убил приближенного занимавшего киевский престол Ярополка – некоего Люта Свеналдича. Желавший отомстить за сына Свеналд уговорил Ярополка начать войну против брата, чтобы захватить его владения. В ходе междуусобицы Олег погиб. Узнав об этом, Владимир бежал за море, в Скандинавию. Ярополк же посадил в Новгород своих посадников, став единоличным правителем Руси. Через некоторое время Владимир вернулся с отрядом наемников-варягов, изгнал из Новгорода ярополковых посадников и пошел на брата. Во время осады Киева он с помощью воеводы Ярополка Блуда выманил брата из столицы. Тот бежал в город Родню, где и был предательски убит Владимиром. Так Владимир стал киевским князем и правителем всей Русской земли.

В разгар братоубийственной распри и состоялось уже упоминавшееся сватовство Владимира к полоцкой княжне Рогнеде. Отказ, полученный новгородским князем, стал поводом для военного похода на Полоцк и захвата города. Затем, как рассказывает летописец, Владимир по наущению своего дяди по материнской линии Добрыни изнасиловал княжну на глазах у родителей, после чего убил их и двух братьев несчастной

Рогнеды, которую он взял себе в жены, прозвав Гориславой. Такова легенда.

Мало того, Владимир унаследовал от убитого им брата не только стольный град, но и красавицу-вдову, которая к тому же была уже беременна. Ее якобы привез из балканского похода Святослав в качестве своеобразного «сувенира» своему старшему сыну. Летописец дважды упоминает, что она была монахиней. Такое уточнение может показаться странным. Тем более что составитель летописи вообще крайне редко пишет о женщинах. Однако в данном случае речь, скорее всего, идет не столько о жене Ярополка, сколько о матери родившегося от этого «двойного» брака Святополка. Дело в том, что, согласно апокрифическому «Откровению» Мефодия Патарского, которое довольно часто цитируется в «Повести временных лет», от монахини-расстриги должен родиться Антихрист. С ним-то в летописном рассказе и ассоциируется «окаянный» сын Ярополка/Владимира.

Впрочем, брак со вдовой только что убитого брата не исчерпывал негативных характеристик Владимира. Летописец продолжает: «Бе же Володимеръ побежень похотью женъскою, и быша ему водимыя: Рогнедь, юже посади на Лыбеди, иде же ныне стоить сельце Предъславино, от нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мъстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; от грекине – Святополка; от чехине-Вышеслава; а от другое – Святослава и Мъстислава; а от болгарыни – Бориса и Глеба; а наложыницъ бе у него 300 в Вышегороде, а 300 в Белегороде, а 200 на Берестове в селци, еже зоуть ныне Берестовое. И бе несыть блуда, приводя к себе мужъски жены и девице растьляя».

Эти «детали» жизни князя-язычника стараются лишний раз не вспоминать, поскольку в массовом сознании Владимир – прежде

всего святой и равноапостольный. А подобное поведение плохо сочетается с таким образом. Впрочем, как в специальной, так и в популярной литературе не пытаются и оправдать женолюбие киевского князя лишь на том основании, что совершают их будущий святой. Быть может, потому что растление несовершеннолетних и блуд с замужними женщинами невозможно объяснить «исторической необходимостью». Обычно ссылаются на то, что летописец хотел показать огромную дистанцию, которая разделяет князя до и после крещения: чем более мерзким было поведение Владимира-язычника, тем праведнее представляется его жизнь после крещения.

Но что все-таки заставило составителя летописи упомянуть его многочисленные связи с представительницами прекрасного пола? Сам автор «Повести» отвечает на этот вопрос довольно просто: оказывается, князь был «женолюбецъ, яко же и Соломанъ: бе бо, рече, у Соломана жень 700, а наложница 300. Мудръ же бе, а наконецъ погибе; се же бе невеголосъ, а наконецъ обрете спасенье». Другими словами, Владимир уподобляется библейскому царю Соломону, но оказывается в конце концов лучше его: обретает спасение, приняв христианство не только сам, но и крестив всю Русскую землю.

Однако путь к спасению оказался непростым.

Для начала Владимир провел так называемую первую религиозную «реформу». Об этом в «Повести временных лет» сообщается под 6488 (980) годом: «И нача княжити Володимер въ Киеве един, и постави кумиры на холму, вне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хърса, Даждьбога, и Стрибога, и Симарыгla, и Мокошь. И жряху им, наричуше я богы. И привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бесом, и оскверняху землю требами своими. И осквернился

кровьми земля Руска и холмъ». Это было последнее богопротивное деяние князя-язычника.

В этом рассказе мы находим упоминание, судя по всему, важнейших восточнославянских божеств, включенных Владимиром в общерусский пантеон. Собственно, кроме имен богов, перечень ничего не дает. Но и этого вполне достаточно для того, чтобы сделать кое-какие выводы относительно происхождения и функций богов, которым поклонялись на Руси в дохристианскую эпоху. В анализе имен историку помогает лингвистика, в определении функций – компаративистика, то есть сравнение с сакральными системами других народов, прежде всего соседних восточных славянам, а также с этнографическими данными, собранными в XIX–XX веках на территориях, населенных потомками восточных славян.

При этом, однако, оказывается, что далеко не все из перечисленных божеств имеют восточнославянские (или вообще славянские) корни, как это часто считают.

Проще всего с Перуном, имеющим близкие аналогии у балтских племен (например, литовский Перкунас) и в позднем белорусском фольклоре. Судя по всему, речь идет о боге-громовнике, отдельные черты которого без труда можно различить в народном образе христианского Ильи-пророка. Судя по месту, которое он занимает в перечне, и по тому, что в отличие от прочих божеств его идол украшен драгоценными металлами, Перуну отводилось господствующее положение в новом пантеоне, учрежденном Владимиром. Все это, наряду со скандинавскими функциональными аналогиями бога-громовника Тора, дало основание для предположения, что Перун был небесным патроном князя и дружины.

Гораздо сложнее обстоит дело с Хорсом и Симарглом. Исследователи сходятся во мнении, что оба эти божества имеют не славянское, а иранское происхождение, а потому, по словам В. Н. Топорова, «сами эти божества оставались в значительной степени чуждыми мифологическому сознанию населения Древней Руси».

Первый из них был божеством Солнца (само имя Хорс значит «сияющее Солнце»). Второй же – иранский Сэнмурв: сказочная птица, напоминающая грифа, либо полусобака-полуптица, связанная с представлением о счастье. Их присутствие в числе божеств, собранных Владимиром, скорее всего, объясняется стремлением последнего привлечь на свою сторону хорезмийскую гвардию, приглашенную Хазарским каганатом в 970-х годах. «Тем самым, – считает В. Н. Топоров, – как можно полагать, делается шаг, рассчитанный на отрыв среднеиранского хорезмийского гарнизона от тюркоязычных хазар и мощной в религиозном и экономическом отношении еврейской общины». Впрочем это – лишь догадка.

Не менее странно выглядят Дажьбог и Стрибог, помещенные летописцем между Хорсом и Симарглом. Судя по именам, оба они – «дающие боги», «боги – распределители благ», первый из которых имеет, скорее всего, праславянское происхождение, а второй – индоиранское.

Наконец, в числе божеств, отобранных якобы Владимиром для общего почитания, оказывается единственное женское божество – Мокошь. Она, по авторитетному мнению специалистов, была сродни древнегреческим мойрам, германским норнам и хеттским богиням подземного мира – пряхам. Ее считают женой (или женским соответствием) Перуна. Как и бог-громовник, Мокошь, скорее всего, восходит к

архаичным балтославянским верованиям. Третий собственно славянский персонаж, связанный с Перуном и Мокошью, – Велес (или Волос), о котором мы знаем из других летописных сообщений, в перечне 980 года отсутствует. Быть может, потому что он был «скотьим богом», места которому не нашлось среди столь «высокопоставленных» персонажей.

Остается только гадать, что побудило Владимира осуществить такие преобразования в религиозной жизни своих соотечественников (если, конечно, мы имеем дело не с летописной легендой), какие цели он при этом преследовал и что заставило его остановиться именно на перечисленных летописцем божествах.

Впрочем, судя по летописному рассказу, эти действия в любом случае не принесли желаемых плодов, и князь продолжил духовные искания.

Великий христианин

Согласно рассказу «Повести временных лет», к Владимиру пришли представители четырех «вер»: мусульмане, иудеи, латинские и византийские христиане. Во время ознакомления с особенностями каждой «веры» князь отверг первые три. Наибольшее впечатление на него произвел греческий «философ». Но Владимир решил «проверить» свои впечатления и направил послов в соответствующие страны, чтобы они «изучили» религии «на месте». На основании сообщений послов Владимир окончательно определился. После выборов «в два тура» победило византийское христианство.

Этот красочный рассказ «Повести временных лет» о «выборе веры» Владимиром возымел большой отклик в научной и популярной литературе, стал предметом дискуссий, не прекратившихся по сей день. В их центре стоит вопрос: действительно ли Владимир выбирал, были ли реальные альтернативы крещению от Константинополя?

Среди ученых бытует устойчивое сомнение в реальности летописного рассказа. Считается, что образцом для него послужил эпизод Жития Константина Философа (св. Кирилла) – «выбор веры» хазарским каганом. Причем каган якобы выбирал среди тех же религий: иудаизм, ислам, христианство. И, так же как Владимир, выбрал последнее. Адвокатом этой религии выступал Константин Философ. Не удивительно, что и по летописи к Владимиру «из грек» приходил «философ» (правда, безымянный). Поскольку летопись составлялась в начале XII века, уже после церковного раскола 1054 года, то в рассказе появилась четвертая сторона – «немцы от Папы», то есть христиане западного обряда. Но есть и более принципиальное отличие. В Житии каган

выслушивает мудреные богословские споры и, кажется, понимает разговор о высоких материях. Владимир, напротив, оценивает религии наивно и приземленно, сравнивая вполне ощутимые выгоды и недостатки. Ислам ему якобы не подходит из-за запрета есть свинину; иудеев он уличает в отсутствии собственной земли (а значит, непризнании их Богом); католикам отказывает отнюдь не из-за *filioque*, а на том основании, что крещения от них не приняли его предки («отцы наши»).

У самих хазар, что интересно, было похожее предание. В письме кагана Иосифа испанскому еврею (вторая половина X века) изложен рассказ о выборе веры одним из каганов. Правда, в отличие от Жития Константина, он выбрал иудаизм. Таким образом, за исторически короткий промежуток времени в соседних странах возникло три текста, содержащих сюжет о «выборе веры». Возможно, их появление отражало не только сугубо литературные связи, но и реальную специфику Восточной Европы, где местные элиты оказывались в «контактной зоне» нескольких влиятельных религиозных традиций.

В нашем распоряжении имеется два сообщения, как будто подтверждающих религиозную «многовекторность» первых правителей Руси. Из латинских источников известно о посольстве, которое в 959 году Ольга направила к немецкому королю Оттону с просьбой прислать епископа. Король просьбу выполнил, но через два года чудом спасшийся епископ вернулся назад. Оказалось, что желание русов креститься и принять иерарха было «неискренним».

Другое сообщение происходит от мусульманского писателя аль-Марвази (рубеж XI–XII веков). Он повествует, что русы приняли христианство, но (следуя заповеди «полюбить врагов своих») не смогли продолжать войны. Опечалившись, они («царь

Буладмир», очевидно Владимир) обратились к правителю Хорезма, чтобы он прислал учителей и помог им принять ислам, возвращавший русам возможность воевать. Впрочем, надо полагать, что эта просьба была также не вполне искренней. Во всяком случае, никаких видимых результатов посольства к Оттону и хорезм-шаху не дали.

Но что если мы вынесем за скобки сказание о «выборе веры»? У нас останется факт – Русь приняла христианство из Византии, самого близкого (в смысле и географии, и экономики) государства. До Владимира в империи крестилась Ольга. Какая-то группа русов, вероятно, крестилась еще в 860-х годах. С самого начала киевская общность русов (переросшая позднее в Киевское государство) возникла на орбите Византии и в дальнейшем не покидала ее. В этой ситуации очень странным было бы принятие Русью латинского христианства, ислама или иудаизма. Летописное сказание создает иллюзию реального состязания религий, будто бы шансы их были равны и только «испытание вер» могло бы определить победителя. На деле для киевских русов византийское христианство было вне конкуренции.

Распространенным местом популярных (реже – научных) сочинений о крещении Руси является утверждение, будто Русь крестили «огнем и мечом». Население якобы отчаянно держалось за родных богов, волхвов и традиции, тогда как князья и Церковь вырубали всё под корень. Значительную академическую поддержку этот взгляд нашел в трудах Б. А. Рыбакова, посвятившего много места описаниям древнерусского язычества. Но на чем реально зиждется тезис о насильственном крещении?

Понять не мудрено: на «Истории Российской» В. Н. Татищева. Это произведение якобы опиралось на «Иоакимовскую летопись», древнюю и забытую, известную одному Татищеву. Там,

собственно, и рассказывается, что новгородские жрецы и знать стали на защиту идолов и не хотели пускать в город посадника Добрыню (дядю Владимира), тысяцкого Путяту и священнослужителей. В конце концов, Добрыня и Путята решили дело «силовым вариантом»: многих сопротивлявшихся убили, дома упорных язычников поджигали и насильственно крестили жителей.

Между тем, как на сегодня уже установлено, «Иоакимовская летопись» была лишь одной из многочисленных выдумок историка XVIII века. Красочный рассказ с многочисленными деталями и персонажами относится не к истории, но к литературе. На нем, собственно, и заканчиваются «данные» о жестокой христианизации Руси.

Из реальных источников ничего подобного не известно. Согласно «Повести временных лет», Владимир пригрозил киевлянам: кто не явится на реку для крещения, будет мне врагом. Но даже если это не литературный прием летописца, надо признать, что киевляне проявили покорность. Княжеские и церковные власти не имели ни желания, ни ресурсов для быстрой, всеобщей и глубокой христианизации от боярина до последнего холопа. Радикальное внедрение в общество новой идеологии, не до конца удававшееся даже тоталитарным режимам XX века, было уж точно не под силу зыбким административным структурам времен Владимира. Новая религия и ее институции распространялись по Восточной Европе по мере ее длительного освоения княжеской (государственной) властью. Более того, христианство не нуждалось в принудительной прививке. Наоборот, оно было связано с элитарной культурой и престижными вещами и практиками. Можно заметить, к слову, что

большинство известных нам пещерских монахов XI века были выходцами из боярских семей.

Во всяком случае, Русь не знала антихристианских восстаний. Точнее, восстаний в защиту славянского язычества. Два выступления, руководимых какими-то волхвами, отмечаются в летописи под 1024 и 1071 годами (хронология приблизительна). Они происходили в Суздале и Белоозере – на самой периферии Руси. Это были, судя по описанию, не собственно религиозные, а социальные выступления (в 1024 году причиной прямо назван голод). Известные из письменных источников «волхвы» фиксируются прямо на финских окраинах Суздальской и Новгородской земель, что и не удивительно. Археологами установлено: судя по характеру погребений, славянское население быстрее усваивало христианство, чем финские группы (пример Новгородской земли). Христианство (престижная, «княжеская», вера и связанная с ней культура) позволяло выгодно отделить себя от «чужих».

Под тем же 1071 годом летопись рассказывает о новгородском волхве, который возмутил значительную часть горожан, уверяя их, что может творить чудеса и ходить до воде. Новгородский князь Глеб убил волхва. На этом вопрос был исчерпан. Однако признать в этом событии отражение «насильственной христианизации» никак нельзя. Во-первых, Новгород уже давно был (хотя бы формально) христианским. Во-вторых, этот странный волхв обещал делать ровно то, что и Христос – творить чудеса и ходить по воде.

Другой «волхв» около того же времени явился в Киеве и предсказывал, что скоро Русь и «Греческая земля» поменяются местами. Как появился, так и исчез. И где здесь «древнее славянское язычество», неясно.

Складывается впечатление, что князьям и Церкви просто нечего было «вырубать и уничтожать». Что касается «городских волхвов», о которых говорит «Повесть временных лет», то они не похожи на языческих жрецов, скорее на еретиков, вольно трактующих христианское Писание или разделяющих апокрифические идеи.

В публицистике и СМИ можно заметить периодические обострения спора о том, кого же крестил Владимир: Украину или Россию. Истоки дискуссии – в процессах формирования национальных историографий в XIX – начале XX века. Случилось так, что, рассказывая о «своем» прошлом, авторы исторических текстов обращались к одним и тем же событиям, в частности к истории Руси. Попадая в разные рассказы, события получали разный контекст и смысл. Эта судьба постигла и крещение Владимира.

В исторических текстах Московской Руси Владимир был прежде всего персонажем династической и государственной истории. Крещение еще не выделилось в самодостаточный, независимый, сюжет. Дело обстояло иначе для киевских православных авторов XVII века, воспитанных и живших в ином культурном и политическом контексте. В борьбе за существование и права Киевской митрополии они продвигали идею о Владимире как основателе киевской церковной традиции. Вероятно, именно тогда состоялось первое «присвоение» крещения Руси. Позднее, в XIX – XX веках, с возникновением национальных историографий, сюжет крещения не только встраивается в русскую/российскую или украинскую историю, но и приобретает особенный смысл и национальный колорит. Например, в сочинениях некоторых украинских историков крещение Владимира и Руси трактовалось как начало традиции «киевского», или «украинского»,

христианства, относительно демократичного и открытого Западу. Оно противопоставлялось «московскому» христианству, «консервативно-византийскому», склонному к самоизоляции. Напротив, для российской историографии характерно подчеркивание непрерывности церковной традиции, которая (вместе с династией) воплощала предполагаемое историческое единство древней и новой Руси/России.

Идентичности конструируются. При желании можно привязать себя или свое сообщество почти к любому прошлому: к историческому или вымышленному лицу, событию, стране, народу или эпохе. Но важнее – понять прошлое само по себе. Можно утверждать, что Владимир крестил древних украинцев, русских или всех вместе «в общей купели» Корсуня. Но это будет не более чем игра воображения.

Что же было в действительности? Владимир в первую очередь крестился сам. Вместе с правителем, как обычно и бывало, крестилось его окружение. Дальнейшая христианизация разнородного населения Восточной Европы была делом рук церковной организации, постепенно распространявшейся в пределах власти Рюриковичей. Люди, крестившиеся уже при Владимире, были обитателями Киева, Среднего Поднепровья и крупных городов. Они имели не так много общего и не составляли один этнос, тем более нацию. Это были давно укоренившиеся и частично ославлявшиеся скандинавы-русь, недавно пришедшие варяги, местное славянское население (весома различное, кстати, в Киеве и Новгороде). Примечательно, что христианизированный раньше остальных городов Киев был одним из самых космополитичных населенных пунктов тогдашней Восточной Европы.

Что касается крещения самого Владимира, то здесь было еще меньше «национального». Князь крестился вместе с дружиной, во многом состоявшей из норманнов (и он сам был скандинавского корня). Происходило это, по-видимому, в византийском Херсонесе. Женой Владимира стала порфирородная Анна. Ранний церковный клир состоял, судя по всему, из греков и балканских славян.

Нынешние Украина и Россия младше церковной организации, основанной при Владимире. Таким образом, князь не христианизировал одну из ныне существующих общностей (или обе), поскольку эти общности возникли уже в христианском пространстве, «национализировав» его.

Великий реформатор

Обычный, растиражированный в сотнях книг и привычный для общественного сознания образ Владимира – князь-реформатор. Говоря о «реформах» Владимира, часто не замечают неестественности. Реформа – это изменение уже существующих институций в целях их улучшения. Но было ли Владимиру что улучшать?

Понятие «реформ Владимира» обыкновенно идет «в пакете» со взглядом на Русь X века как на вполне состоявшееся (могут сказать, раннефеодальное или даже феодальное) государство со своей административной системой, определенными границами, институтами власти, общественным и политическим строем. Да, такую страну можно и реформировать. Только уж больно эта картина напоминает XVIII, XIX, даже XX, но никак не X век! Ничего из вышеперечисленного тогда на Руси не было (и что такое для X века Русь?). Точнее, имеющиеся источники не дают возможности это увидеть. Зато можно увидеть различные «отсутствия». Не было документооборота (да что там, грамотности не было!), бюрократии, законодательства (даже до «Русской Правды» еще далеко), постоянно действующих по определенной процедуре органов власти.

Представление о «реформах Владимира» имеет место лишь в рамках модернизаторского подхода. Строго говоря, реформы как таковые возможны только при модерном восприятии истории как прогресса, когда «новое» может или должно быть «лучше», чем «старое». Для домодерных обществ, где «лучшее» всегда было «стариной», идея реформы немыслима. Понятие «реформа», нагруженное модернами смыслами, вносит в эпоху Владимира непростительный анахронизм.

У читателя возникает закономерный вопрос: если не «реформы», то как назвать то, что делал Владимир? Речь, однако, идет не просто о замене одного слова другим, а о том, чтобы сменить образ мышления о древнерусских временах (и о прошлом в целом). Не проще ли рассуждать о событиях/действиях как таковых, не облекая их в обертку тех или иных «серьезных» понятий?

Из того, что мы достоверно знаем о Владимире, можно заключить: он не «совершенствовал» существующие практики или институции – он создавал их, или продолжал начатое до него. Приведем два примера.

1. Никаких религиозных институций, структурно напоминающих Церковь, языческая Русь не имела. Церковная организация была создана на пустом месте.

2. Предшественники Владимира не опирались на сеть «градов» и оборонительных сооружений в Поднепровье. В их распоряжении был Киев или несколько элементарных укреплений, выстроившихся пунктирной линией вдоль течения Днепра. Русь до Владимира практически одномерна. Создание системы градов и валов вдали от Днепра, превращение Руси меридиональной в Русь широтную – его рук дело. Инфраструктура Поднепровья, собственно «Русской земли», создавалась с нуля.

Модель «Владимира-реформатора» удобна. С ее помощью легче упорядочить в голове разрозненные знания о князе, придать им смысл. Современное слово создает иллюзию понимания эпохи. Но только иллюзию. На самом деле эта модель отдаляет от понимания реальных действий Владимира, насколько мы можем судить о них из скучных источников.

Хрестоматийное утверждение гласит: Владимир провел административную реформу, которая заключалась в замене племенных князей его сыновьями, выполнявшими роль посадников. Итак, имеем два состояния – «было» и «стало», между ними предполагаемая реформа.

Что «было»? Идея об административной реформе предполагает, что Русь X века была обширным государством, занимавшим большую часть Восточной Европы. Она якобы была чем-то вроде федерации: на местах управляли автономные князья, признавая власть киевского центра.

Увы, в этой картине все эфемерно. Образ гигантского Киевского государства X века – очевидный анахронизм, не имеющий основания ни в одном источнике. О племенных князьях мы знаем из двух сообщений «Повести временных лет». Но оба сомнительны или неоднозначны. В недатированном вступлении к летописи, после рассказа о легендарных основателях Киева, сообщается, что их род «начал держать княжение у полян», в то время как у древлян, дреговичей, полочан и других были свои «княжения». Абстрактное и не локализуемое во времени, вплетенное в комплекс откровенно вымышенных рассказов (о Кие, путешествии апостола Андрея) и к тому же записанное в начале XII века, это известие может быть легко отброшено.

Второе сообщение – знаменитая повесть об убийстве Игоря древлянами и последующих мщениях Ольги. Здесь упомянут древлянский князь Мал. В X веке древляне действительно были – о них знает современник, Константин Багрянородный. Наличие у них какой-то социальной верхушки также сомнению не подлежит. Но вот их отношения с киевскими князьями (точнее, группировкой «росов»/«русов»/«руси») не похожи на отношения автономных властей и федерального/имперского центра. Связь

древлян с Киевом, как сказал бы классик российской историографии С. М. Соловьев, еще не «государственного свойства». К ним каждую осень наведываются вооруженные люди, собирают дань, торгуют – на этом все заканчивается. И если уже говорить о «ликвидации племенных княжений», то с древлянами решил вопрос не Владимир, а Ольга.

Могут сказать: Владимир заменял сыновьями не племенных князей (их просто уничтожали), а князей, сидевших в крупных торговых центрах и имевших скорее пришлое, скандинавское, происхождение. Но откуда мы знаем о «князьях по городам»? По сути дела, из одного сообщения той же летописи. Под 907 годом, якобы в пересказе договоренностей Олега с византийцами, сказано, что в Чернигове, Переяславле, Ростове, Любече, Полоцке и других городах «сидят князья, сущие под Олегом». Все бы ничего, но именно договор Олега 907 года, как и вся сопутствующая информация, давно вызывает недоверие ученых. Скорее всего, и договор, и его обрамление были конструкцией летописца, основанной как на реальных договорах 911 и 944 годов, так и на его собственных домыслах.

Вряд ли стоит доверять на слово и сообщениям о «мужах», которых в Полоцк, Ростов и другие города якобы рассадил легендарный Рюрик. В них следует видеть сознательную попытку книжника начала XII века обосновать права Рюриковичей на занятые ими к его времени пространства Восточной Европы. Первым более-менее историческим «городовым» князем был Рогволод Полоцкий. Его убил Владимир, взяв силой его дочь Рогнеду. Впрочем, и это сообщение не позволяет с уверенностью говорить о существовании наложенной административной системы – иерархии князей разного уровня – в X веке. Оно как раз свидетельствует об обратном: во времена Владимира только

разворачивалась борьба между различными вооруженными группировками за контроль над восточноевропейскими территориями.

В конце концов, против идеи о замене Владимиром «местных властей» сыновьями-посадниками говорит и то, что структура «административного деления» Владимира не совпадает ни с предполагаемыми территориями племен, ни со списком летописных городов 907 года. Похоже, что «заменять» и «реформировать» Владимиру было просто нечего.

Что «стало»? Идея о сыновьях-посадниках основывается на сообщении «Повести временных лет» о конфликте Владимира со своим сыном Ярославом под 1014 годом. Скора отца и сына объясняется тем, что Ярослав отказался давать в Киев дань, «как все посадники давали». Из этого часто делают обобщающий вывод: Ярослав правил в Новгороде в качестве посадника; точно на таком же положении находились и другие княжичи. Оба вывода необязательны. Нет достаточных оснований, чтобы распространять новгородскую ситуацию на всю Русь. Она ведь нетипична. Более того, случай с Ярославом и новгородской данью исключительный, что косвенно говорит против посаднического статуса остальных Владимировичей.

Другое, гораздо более обоснованное, объяснение уже давно известно в науке: княжичи получали земли, «волости», в силу их княжеского достоинства самого по себе. Иными словами, ты – князь, значит тебе полагается «волость»/« власть», населенное пространство, где ты можешь реализовать свою княжескую сущность. «Русь» представляла собой семейное владение. Связь между Владимиром и княжичами по волостям была, строго говоря, неадминистративного свойства.

Более того, Владимир «не первый начал». Он сам был одним из Святославичей, рассаженных отцом по землям. В конце концов, Святослав при отце, Игоре, тоже сидел в Новгороде (Немогарде) – об этом сообщает Константин Багрянородный.

Подытожим: реформы не было. Сам принцип – наделять сыновей волостями – не был изобретен Владимиром. Деление пространства на владения, соответствующие количеству членов правящего рода, сложно считать «административным». Оно не предполагает стабильных управлеченческих единиц.

В популярной, реже в научной, литературе можно встретить утверждение, что Владимир после крещения принял царский титул («vasilevsc») и уравнялся с византийским императором. Есть ли основания так считать?

Одним из аргументов «за» считают золотые и серебряные монеты, на которых Владимир изображен подобно императору на византийских денежных знаках. Другое соображение, якобы подтверждающее гипотезу о Владимире-vasilevse, – его брак с Анной, порфорородной царевной и летописная запись о ее смерти (она названа «царицей Владимировой», из чего делают вывод: Владимир – царь). Наконец, обращают внимание на «Слово о Законе и Благодати», где Иларион употребляет по отношению к Владимиру титул «каган».

Как видно, все эти аргументы косвенные и необязательные. Ни один источник прямо не говорит о принятии Владимиром царского/ императорского титула. И это главное. Последний из вышеуказанных аргументов следует сразу отбросить. «Каган», титул степного императора – из «другой оперы». Занимательное само по себе титулование Иларионом Владимира прямого отношения к теме не имеет.

Выпуск монет действительно является важным видом манифестации власти, но о претензии на императорский титул он еще не свидетельствует. Подражание византийским монетам вполне ожидаемо. Именно с ромейской символикой власти (одной из наиболее разработанных в тогдашнем мире) Русь встречалась ближе и чаще всего. В кратком сообщении летописи о смерти Анны в 1011 году, строго говоря, пишется о том, что княгиня: а) жена Владимира и б) царица (естественно, ведь она из византийской императорской семьи). Указания на то, что Владимир – царь, здесь нет. Конечно, можно подозревать у Владимира «головокружение от успеха», крупного, но довольно случайного. Не каждому удавалось взять в жены порfirородную царевну. Но личные ощущения варварского правителя – это одно, а «официальное» принятие титула (реальное уравнивание с императором!) – совсем другое.

В сущности, в действиях Владимира ничего странного и особенного не было. Перед нами нормальная для варварских новообращенных государств «имитация империи». Если посмотреть шире, то облачение германских вождей V–VI веков в пурпур и золото совершенно не означало принятия императорского титула. Это скорее реакция грубого солдафона на блеск и величие цивилизованного государства. Кроме того, для варварских правителей сложные имперские идеи, церемониалы, смыслы были еще непонятны. Гипотетическое принятие царского титула немыслимо с точки зрения Византии. Там никакого «vasilevsa Rusi» никогда не признали бы; собственно, император может быть только один – и только ромейский. Не менее странно это и со стороны Руси. Для Рюриковичей того времени, как известно, титулатура не имела значения. Они, как и другие новоявленные элиты Восточной, Центральной и Северной

Европы, ценили внешнюю атрибутику. Им хотелось иметь каменные дворцы, престижные украшения и одежды, монеты с собственными изображениями, сидеть на престоле как император, держать скипетр. Одним словом, им хотелось быть похожими (по крайней мере, в своих глазах) на блестательных и уважаемых соседей.

Вопреки встречающемуся в литературе клише, Владимир олицетворял не расцвет давно существовавшего государства, а его создание. Возникновение политических структур практически всегда происходило не в вакууме, а под влиянием соседних, уже устоявшихся, образований. Скажем, для молодой державы Пястов (будущей Польши) примером для подражания была Священная Римская империя. Для рождающейся Руси влиятельным соседом была Византия, а потому неудивительно, что именно ромейскаяластная атрибутика служила образцом для Владимира и его окружения. Но, повторим, глубину заимствований преувеличивать нельзя. Тем более что никаких институциональных последствий наивная «имитация империи» для Руси не имела.

Вадим Аристов. Игорь Данилевский. Андрей Боголюбский. «Первый великоросс»

«В лице князя Андрея великоросс впервые выступает на историческую сцену...» – написал когда-то об Андрее Боголюбском великий русский историк Василий Осипович Ключевский. И речь здесь шла вовсе не об этнической принадлежности знаменитого владимирского князя. Ключевский в данном случае писал о «самых ранних и глубоких основах государственного порядка, который предстает перед нами в следующем периоде». Когда государственный центр Северо-Восточной Руси закрепится в Москве, «в лице московского князя получит полное выражение новый владетельный тип, созданный усилиями многочисленных удельных князей северной Руси: это князь-вотчинник, наследственный оседлый землевладелец, сменивший своего южного предка, князя-родича, подвижного очередного соправителя Русской земли». Однако уже на начальном этапе формирования «великороссской» системы отношений впервые великий князь начинает относиться ко всем своим родичам как к «подручникам», как к своим подданным – наряду с прочими жителями подвластных ему земель. Тем самым, по словам Ключевского, деятельность Андрея Дюгеревича (как его именуют летописи) «была попыткой произвести переворот в политическом строе Русской земли». Причем «глубокий перелом в жизни самой земли уже чувствовался сильно, разрыв народности обозначился кровавой полосой, отчуждение между северными переселенцами и покинутой ими южной родиной было уже готовым фактом... тотчас по смерти Юрия Долгорукого, в

Киевской земле избивали приведенных им туда сузальцев по городам и по селам».

Собственно, эти характеристики и определили современное восприятие некоторыми историками Андрея Боголюбского как родоначальника деспотических порядков на Руси. Порядков, которые получили благодатную почву для укоренения и развития после ордынского вторжения и вхождения русских земель в состав Улуса Джучи.

Действительно, вся жизнь этого князя представляется бесконечным конфликтом между Северо-Восточной Русью и прочими русскими землями, которые то вынуждены подчиняться «самовластцу», то пытаются сбросить с себя слишком плотную опеку владимирского князя. В то же время вся его жизнь, как ее представляют наши современники, почти целиком состоит из легенд и мифов. В них-то мы и попытаемся разобраться.

Многие не слишком внимательные читатели курса лекций В. О. Ключевского, видимо, до сих пор полагают, что Андрей Юрьевич – «первый великоросс» в этническом смысле. Каково же было реальное этническое происхождение Андрея Юрьевича?

Он родился около 1112 года в семье ростовского князя Юрия Владимиоровича, прозванного позже Долгоруким. Матерью Андрея была дочь половецкого хана Аепы. Скорее всего, именно эта «половецкая составляющая» стала причиной того, что во внешнем облике Андрея антропологи, обследовавшие в 1934 году останки князя, разглядели яркие монголоидные черты (поскольку тогда ошибочно считалось, что половцы были монголоидами). «Общее впечатление от черепа, что он европеоиден... но лицевой скелет, особенно в верхней части (орбиты, нос, скуловые кости), имеет несомненные элементы монголоидности... Этот монголоидный характер лица подчеркивается некоторым нависанием верхнего

века, связанным со слабым надбровьем и наличием небольшого эпикантуса», – писал, в частности М. М. Герасимов. Все это хорошо заметно в его скульптурной реконструкции внешнего облика Андрея Боголюбского, хорошо известной по многочисленным публикациям.

Это наблюдение, однако, было опровергнуто судебным экспертом, профессором Российского центра судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения России В. Н. Звягиным, который в 2007–2008 годах провел повторную экспертизу костей Андрея с использованием современных программ, принятых при идентификации личности и орудий травм, включая детальную рентгено- и фотофиксацию останков и костных повреждений. Исследователь пришел к однозначному выводу: «предположение о том, что князь Андрей мог иметь монголоидные особенности, подобные тем, которые зафиксированы у коренного европеоидного населения Поволжья (татары, чуваши, башкиры) и Средней Азии (узбеки, таджики, туркмены), полностью исключается». Видимо, после этого нам навсегда придется расстаться с привычным образом «первого великоросса»...

Что касается заключения В. В. Гинзбурга и М. М. Герасимова относительно близости расового типа Андрея к «славянскому», «тяготеющего к северо-славянским формам», то и здесь мы сталкиваемся с плодом очевидного заблуждения. Оно основывалось на том, что Андрей – «наш» князь. И в этом заключении, скорее всего, объективные наблюдения были «скорректированы» общими представлениями о том, что Андрей Юрьевич, безусловно, восточный славянин. Более корректным выглядит заключение В. Н. Звягина, который установил, что лицо князя носило черты среднеевропейского варианта большой

европеоидной расы, к которой, помимо восточных славян, относятся немцы, чехи, словаки, поляки и другие народы Центральной Европы.

Действительно, восточным славянином Андрея Боголюбского, пожалуй, назвать нельзя. По мужской линии (а она в наших представлениях всегда доминирующая) великий князь кажется вполне «русским». Его дед – Владимир Мономах, прадед – Всеволод Ярославич, прапрадед – Ярослав Мудрый, прародитель – Владимир Святославич (Святой), прародитель – Святослав Игоревич, прародитель – Игорь «Рюрикович». Все эти князья воспринимаются обычно в литературе и в массовом сознании как вполне «свои». Единственным генеалогическим «проколом» оказывается родоначальник династии, Игорь, который не только по летописному преданию, но и по имени больше, видимо, «тянет» не к славянам, а к скандинавам.

Зато обращение к женской генеалогической линии обычно приводит непосвященных в легкое замешательство. Бабкой Андрея была Гида (Гита), дочь последнего англосаксонского короля Гаральда II Годвинсона, павшего в битве при Сенлаке, пррабкой – дочь византийского императора Константина IX Мономаха (скорее всего, Мария), праррабкой – Ирина-Ингигерда, дочь шведского короля Олафа Скотконунга, праррабкой – полоцкая скандинавка Рогнеда (ее отец, Рогволод «пришел из-заморья»), да и имя прародительницы, «псковитянки» Ольги – вполне скандинавское... Так что все предки князя, по крайней мере до пятого колена, были «иноэтничного» происхождения.

Не менее спорным оказывается и то, почему Андрей в исторической памяти носит прозвище Боголюбский. Традиционно

считается, что так он был назван по своей резиденции, отстроенной под Владимиром-на-Клязьме (в который Андрей перенес столицу своего княжества). Расположенная на таком же расстоянии от Владимира, как Вышгород от Киева, она стала называться Боголюбово. «Великий князь Андрей нарече место то Боголюбимое; оттоле же и сам прозвася Боголюбский», – читаем мы в «Житии святого и благоверного великого князя и страстотерпца Андрея Георгиевича Боголюбского», написанном, правда, через пять с половиной веков после описанных в нем событий. В основе этого – еще раз подчеркнем: очень позднего – «свидетельства» лежит легенда, будто резиденция князя была построена на том самом месте, где остановились и не хотели двигаться дальше кони, которые тянули «возило», на котором был образ Пресвятой Богородицы. «Сие чудо великий князь Андрей видя, яко кони не могут со образом двигнутися с места того, ужасом велиим одержим бе, чудяся необычному действу... И скоро повеле на том месте, идеже сподобися видети Небесную Царицу и скорбящих всех прескорую Утешительницу, во имя Ея, от чистожительствующих святопочитаемых родителей, преславнейшаго, ангелом благовествуемаго, от неплодове пречудодействуемаго Рожества, церковь каменнную заложити».

Учитывая позднее происхождение Жития и целый ряд встречающихся в нем несообразностей и анахронизмов, архитектор С. В. Заграевский совсем недавно высказал предположение, что наименование резиденции и прозвище князя находятся в прямо противоположном соотношении: первая была названа по второму, а не наоборот.

В подтверждение исследователь, во-первых, привел целый ряд так называемых антропотопонимов: топонимов, происходящих от имен основателей или владельцев населенных пунктов. А вот

прозвищ князей, образованных от названий населенных пунктов, он обнаружить не смог. Единственным исключением было прозвище Ивана Берладника, восходящее к названию города Берлад, куда тот бежал, изгнанный своими братьями. Но и этот пример выглядит сомнительно: как отмечает Заграевский, «„берладниками“ на Руси называли изгоев-беглецов, часто находивших приют в Берладе (таковой была и судьба Иоанна)».

Во-вторых, исследователь привел множество летописных сообщений, в которых князья называются «боголюбивыми» и «боголюбимыми». Среди них – и Андрей Юрьевич: «Сый благоверный и христолюбивый князь Андрей уподобися царю Соломану, яко дом Господу Богу и церковь преславну святыя Богородицы Рожества посреди города камену создав Боголюбом...» (Ипатьевская летопись). Автор делает вывод: «Из всех приведенных цитат следует, что „Боголюбивый“, „Боголюбимый“, „Христолюбивый“ или „Христолюбимый“ (соответственно, и „Боголюбский“) – вполне обычное почетное титулование князей в Древней Руси». К тому же он обращает внимание, что впервые Андрей Юрьевич начинает называться Боголюбским только в поздних источниках XVI–XVII веков. Да и видение Пресвятой Богородицы – это одно, а, как справедливо отмечает Заграевский, «название „Боголюбов“ связано именно с Богом (возможно, не с Богом Отцом, а с Богом Сыном, но в любом случае это совсем другой культ, нежели культ Богородицы)».

К этому можно добавить одно любопытное упоминание Ипатьевской летописи под 1149 годом. Описывая одно из сражений во время борьбы Юрия Долгорукого с его племянником волынским князем Изяславом Мстиславичем, летописец упоминает как Андрей, лишенный оружия («изломи... копие свое въ супротивне своем») и коня («ят бо бе двема копиема под ним

конь, а третьим в передний лук седелный), бежал к городу, осыпаемый градом камней, летевших «яко дождь» со стен города. А тут еще некий «немчичь» попытался пронзить его рогатиной... «Но Бог соблюде и [его] многажды: бо Бог уметает в напасть любящая Его, но милостью Свою избавляеть». Здесь, как видим, Андрей прямо упоминается как «любящий Бога».

Так что с прозвищем нашего князя тоже все непросто...

«Хотя самовластецъ быти»

Еще сложнее разобраться с тем, почему вся жизнь Андрея Боголюбского была накрепко связана с Северо-Востоком Руси, тогда как его родичи-князья упорно стремились на юг, добиваясь киевского престола. Мало того. Создается впечатление, что Андрей всячески избегал Киева. Вряд ли это было связано только с тем, что родиной князя была Ростово-Суздальская земля, где он родился и вырос. Дата его рождения неизвестна (следуя В. Н. Татищеву, традиционно считается, что он появился на свет около 1111 года, однако дата эта ничем не подтверждена). О молодости Андрея сохранились отрывочные сведения. В 1149 году, когда его отцу Юрию Долгорукому удалось захватить Киев, тот отдал сыну в держание княжескую резиденцию Вышгород. Однако уже через год, по решению отца, Андрей был переведен в западнорусские земли, где держал Туров, Пинск и Пересопницу, а еще через год, в 1151 году, с согласия отца вернулся в родную Суздальскую землю, где, скорее всего, имел удел (возможно, Владимир-на-Клязьме).

В 1155 году Юрий Долгорукий вновь овладел киевским престолом и еще раз попытался перевести сына на княжение в Вышгород. Однако и эта попытка закончилась неудачей. Теперь уже «без отне воле», вопреки желанию отца, Андрей ночью тайно покинул Киевскую землю, чтобы навсегда обосноваться во Владимире. Покидая в 1155 году Вышгород, он прихватил с собой драгоценную киевскую реликвию – икону Богородицы, которая, по преданию, была написана самим евангелистом Лукой (на самом деле, икона эта датируется XI – первой половиной XII века). Образ этот был подарен в 1130 году князю Мстиславу константинопольским патриархом Лукой Хризовергом и хранился

в Богородичном монастыре в Вышгороде. Впоследствии она стала одной из самых популярных русских святынь. Владимирская (так ее теперь называют) икона Богоматери на протяжении девяти веков почитается как преимущественно «военная» икона, благословлявшая победы русского оружия.

Вскоре, в 1157 году, Юрий умер. Однако и в этот момент Андрей не проявляет никакого интереса к киевскому престолу. В том же году, по словам летописца, «сдумавши Ростовци и Суждальцы и Володимирци, вси, пояса Андрея, сына Дюргева стареишаго, и посадиша и на отни столе Ростове, и Суждали, и Володимири, зане бе прилюбимъ всим за премногую его добродетель, юже имеяше прежде к Богу и къ всим сущимъ под ним». На миниатюре Радзивиловской летописи в сцене избрания на княжеский престол Андрей изображен сидящим на помосте с пятью ростовцами, суждальцами и владимирцами – все на одной ступеньке, на одном уровне. Единственное отличие князя от простых горожан – княжеская шапка, в то время как у тех головы обнажены. Пока он еще первый среди равных ему. Почти равных...

Однако как только Андрей стал полноправным князем, он, по словам Б. А. Рыбакова, «сразу решительно поставил себя не рядом с боярством, а над ним». Это привело к «крайней напряженности взаимоотношений между „самовластцем“-князем и боярством, напряженности, доходившей до такой же степени, до какой дошли в это время княжеско-боярские конфликты на противоположном краю Руси, в Галиче».

Противостояние Андрея и бояр отмечал и В. О. Ключевский: «не любил Андрей и старшей отцовой дружины. Он даже не делил с боярами своих развлечений, не брал их с собой на охоту, велел им, по выражению летописи, „особно утеху творити, где им

годно“, а сам ездил на охоту лишь с немногими отроками, людьми младшей дружины». Причиной тому Рыбаков считал страх князя перед своими приближенными: «Андрею приходилось осторегаться бояр; по некоторым сведениям, он даже запретил боярам принимать участие в княжеских охотах – ведь мы знаем случаи, когда князья не возвращались с охоты...» Так это или не так, можно только догадываться. Возможно, на то были иные причины...

Избрание Андрея Юрьевича князем ростовским, суздальским и владимирским не лишило его титула «великого», но зато отделило великое княжение от Киевского княжества. Южные русские земли мало занимали князя. Пока...

Впрочем, Б. А. Рыбаков, напротив, считал, что Андрея всегда интересовал Киев: «Отрицательной стороной деятельности Андрея Боголюбского было, конечно, его стремление к Киеву, его стремление к „Русской земле“, то есть к лесостепной части Приднепровья. Это стремление никак не было связано с повседневными интересами суздальского боярства; это были личные честолюбивые замыслы Андрея, внука Мономаха».

Если это так, то такое «стремление» проявлялось очень своеобразно.

Столицу своего княжества Андрей перенес в «провинциальный» Владимир. Тут он разворачивает грандиозное строительство: город обносится земляным валом, возводятся Золотые ворота, храмы: одним из первых – знаменитый храм Покрова на Нерли. По традиции, князь не жил в стольном граде. Поэтому начинается строительство новой княжеской резиденции – Боголюбова.

«Создаль же бяшеть собе городъ камень, именемъ Боголюбыи, толь далече, якоже Вышегородъ от Кыева, тако же и Богълюбыи от Володимеря. Сыи благоверныи и христълюбивыи князь Аньдреи

от млады верьсты Христа возлюбивъ и Пречистую Его Матерь, смыслъ бо оставилъ и умъ, яко полату красну душю украсивъ всими добрыми нравы, уподобися царю Соломану, яко домъ Господу Богу и церковь преславну святыя Богородица Рожества посреде города камену создавъ Боголюбомъ и удиви ю паче всихъ церквии; подобна тое Святая Святыхъ, юже бе Соломонъ цесарь премудрый создаль, тако и сии князь благоверныи Андреи. И створи церковь сию в память собе, и украси ю иконами многоцѣнными, златомъ и каменьемъ драгымъ, и жемчугомъ великымъ безценнымъ, и устрои е [ее] различными цятами и аспидными цатами украси и всякими узорочьи, удиви ю [ее] светлостью же, не како зretи, зане вся церкви бяше золота. И украсивъ ю, и удививъ ю сосуды златыми и многоцѣнными (повѣша), тако яко и всимъ приходящимъ дивитися; и вси бо видивше ю не могутъ сказать изрядныя красоты ея, златомъ и финиптомъ, и всякою добродетелью, и церковными строеньемъ украшена и всякими сосуды церковными, и ерусалимъ златъ с каменни драгими и репидии многоценными, каньделы различными издну церкви от верха и до долу, и по стенамъ, и по столпомъ ковано златомъ, и двери же и ободверье церкви златомъ же ковано. Бяшеть же и сень златомъ украшена от верха и до деисиса и всею добродетелью церковною исполнена, изъмечтана всею хытростью», – пишет летописец.

Каменный княжеский дворец, построенный «немецкими» мастерами, соединялся переходом с дворцовым храмом Рождества Богородицы, точным подобием храма Покрова на Нерли. Пол собора был выложен толстыми плитами меди, сверкающими, по словам летописца, подобно солнцу. На хорах пол был сложен из майоликовых плиток, в зеркальной поверхности которых играли блики солнца и свечей. Обилие

фресок, драгоценной утвари и тканей в сочетании с прекрасным интерьером изумляли каждого, кто видел это. Недаром Андрей не упускал случая показать сказочный собор послам и гостям.

Обращает на себя внимание особый символический смысл, который придается строительству и украшению храмов летописце м. Андрей прямо отождествляется с Соломоном, церковь в Боголюбове – с ветхозаветным храмом Господним в Иерусалиме, а Владимир – с Киевом как Новым Иерусалимом. Видимо, так было задумано самим Андреем. И так воспринимались его действия современниками.

Недаром создатель «Сказания об убиении Андрея Боголюбского» прямо связывает это строительство со стремлением князя уподобить свою новую столицу Киеву. Во время перенесения тела Андрея из Боголюбова во Владимир «пока весь народъ плача молвити: „Уже ли Киеву поеха, господине, в ту церковь, теми Золотыми вороты, ихже делать послалъ бяше тои церкви на велицемъ дворе на Ярославле, а река: «Хочю создати церковь таку же, aka же ворота си Золота – да будеть память всему отечеству моему!»».

Что же заставило князя перенести свой престол в доселе небольшой городок и отстроить его по «киевской» модели? Вряд ли стремление обосноваться на юге Руси, в самом Киеве.

В. О. Ключевский отвечает на этот вопрос так: «По заведенному порядку он должен был сидеть и править в старшем городе своей волости при содействии и по соглашению с его вечем. В Ростовской земле было два таких старших вечевых города, Ростов и Сузdalь. Андрей не любил ни того ни другого города и стал жить в знакомом ему смолоду маленьком пригороде Владимире на Клязьме, где не были в обычай вечевые сходки...» Скорее всего, по этой же причине он не пытался занять и

Киевский престол: там тоже были сильны вечевые порядки. Андрей же, очевидно, не желал, чтобы его действия контролировало и корректировало городское собрание.

Не исключено, что стремление освободиться от любого давления заставило князя отмежеваться и от старшей дружины (с мнением которой он, по традиции, обязан был считаться) и окружать себя милостниками, теми самыми отроками, людьми младшей дружины, с которыми Андрей, как мы помним, предпочитал охотиться.

Подтверждением этому служат события, произошедшие около 1161 года. Не желая делить власть даже с ближайшими родственниками, Андрей изгнал из Владимира своих младших братьев – Мстислава, Василька и Всеволода – вместе со своей мачехой, матерью последнего из братьев, а заодно и своих племянников, сыновей покойного старшего брата Ростислава. Все они вынуждены были отправиться в Византию, где и нашли пристанище у императора Мануила I. Их участь разделила старшая отцовская дружина («передние мужи») Андрея.

Теперь князя окружали не прежние – новые «бояре». Это вовсе не бояре Киевской Руси, среди которых князь – первый среди равных. Новые «бояре» суть княжеские холопы, его «милостники», представители «служебной организации», дворня, дворяне (кстати, тогда и появляется это название)... Рядом с ними князь действительно становился «самовластьцем»: его теперь не ограничивало ни мнение городского веча, ни мнение бояр. Тем самым Андрей сменил личную преданность дружины на рабскую преданность «милостников», «подручников», холопов, которые полностью зависели от господина, а потому его боялись и ненавидели, несмотря на все его «милости».

Это, видимо, и стало причиной трагической гибели Андрея Юрьевича. Во всяком случае, новгородский летописец прямо написал: «В лето 6682 (1174). Убиша в Володимири князя Андрея свои милостьници».

Убийство Андрея – не продолжение и/или следствие конфликта с ростово-суздальским боярством начала его правления, а результат тех социально-политических изменений, которые проводил он сам, радикально изменив свое окружение, стараясь избавиться от излишних, как ему казалось, опеки и контроля «оппозиции».

Обстоятельства смерти князя подробно описаны в летописной повести и, казалось бы, нашли полное подтверждение в ходе уже упоминавшегося обследования его останков в 1934 году Д. Г. Рохлиным и В. С. Майковой-Строгановой. Согласно «каноническому» описанию, дело выглядело так.

В пятницу, 29 июня 1174 года к будущим убийцам прибежал некий Яким и стал кричать, что всех их вот-вот могут казнить. Ни у кого из злоумышленников, судя по тексту «Повести», не было ни малейшего сомнения, что такое развитие событий вполне возможно. Основанием для воплей Якима послужил слух, что Андрей приказал казнить Якимова брата. Видимо, Яким, которого называют любимым слугой князя, посчитал это знаком того, что раскрыт какой-то не известный нам заговор. Судьба Андрея Боголюбского была решена – он должен был умереть этой же ночью...

Еще до того, как князь отправился спать, другой его слуга, ключник Анбал, потихоньку вынес из спальни хозяина его меч. Меч этот, по преданию, принадлежал еще ростовскому князю Борису Владимировичу, убитому во время борьбы за киевский престол после смерти Владимира I Святославича в 1015 году.

Реликвия хранилась в семействе Мономаховичей и передавалась от одного ростовского князя к другому, символизируя власть.

Ночью убийцы перебили дворцовую стражу, но в княжескую опочивальню пойти сразу не решились, а отправились в винный погреб, где и напились для храбрости. Затем двое из них поднялись наверх и постучали в запертую дверь спальни. Проснувшийся князь спросил, кто его тревожит в неурочный час. Один из убийц назывался княжеским любимцем Прокопием. Голос своего «паробка» князь, однако, хорошо знал и, заподозрив неладное, бросился искать меч. Его, как мы уже знаем, на месте не оказалось. В это время убийцы выломали дверь и ворвались в княжеские покои.

В завязавшейся борьбе Андрею, который, несмотря на почтенный возраст, обладал недюжинной силой, удалось повалить одного из нападавших на пол. Потасовка происходила в темноте. Князь, видимо, лучше убийц ориентировался в собственной комнате, к тому же нападавшие были пьяны. В это время в спальню вбежали остальные заговорщики, вооруженные мечами, саблями и копьями. Андрей получил несколько ударов. Один из них нанес стоявший лицом к князю. Это был сравнительно легкий удар рубящим оружием спереди и чуть сбоку, задевший левую ключицу. Следующие удары оказались значительно тяжелее. Среди нападавших был, очевидно, опытный боец. Он-то и нанес сзади страшный удар мечом. «Профессионал-рубака» (как определили его эксперты-антропологи) одним махом отсек Андрею левое плечо, срезав часть лопатки и плечевой кости. Удар вызвал сильнейшее кровотечение. Скорее всего, князь потерял сознание и упал.

В неразберихе, вызванной темнотой, многочисленностью нападавших и виннымиарами, убийцы приняли товарища,

сбитого с ног князем, за свою жертву и набросились на него. Через некоторое время, убедившись, что тот мертв, они покинули комнату, унося труп с собой. Спустившись, во двор, они поняли, что ошиблись. В этот момент послышался голос князя, звавшего на помощь. Срочно вернулись назад. Однако, к их удивлению, в спальне никого не было. При зыбком свете свечей убийцы разглядели кровавый след, тянувшийся за порог комнаты. Видимо, очнувшийся князь, превозмогая боль и слабость, смог выползти из спальни и, спустившись по лестнице, заполз под сени, пытаясь укрыться от преследователей. Однако стоны, которые несчастный не мог сдержать, выдали его. Наступила развязка.

На лежавшего ничком князя обрушился град ударов. Первый из них, который удалось зафиксировать медикам, был нанесен мечом по затылку. Еще один был направлен в лицо, скорее всего, он и стал непосредственной причиной смерти – копье пронзило лобную кость над правым глазом. Князь завалился на правый бок. Его продолжали рубить мечами, колоть копьями, не замечая, что он уже не дышит... Как писали эксперты, «это, конечно, не было ни в единоборстве, ни в сражении. Это – нападение нескольких человек, вооруженных разным оружием, с определенной целью – не ранения, хотя бы и тяжелого, а убийства тут же, на месте, во что бы то ни стало».

Этот мрачный рассказ теперь нуждается в корректировке. Последняя судебно-медицинская экспертиза, проведенная В. Н. Звягиным, показала, что убийц, скорее всего, было лишь двое. Один из них орудовал саблей, а другой – мечом. При этом отмечается, что первый из нападавших был ростом приблизительно с Андрея, профессионально владел оружием и тактикой ближнего боя. Он нападал на князя спереди несколько

слева. Другой же, видимо, нанес Андрею несколько тяжелых ран мечом.

«Его сильные рубящие удары в предплечье (с разрубом лучевой кости) и среднюю часть левого плеча, – отмечает Звягин, – парализовали защиту Боголюбского, после чего левая рука князя бессильно повисла вдоль тела. С этого момента голова и тело князя были не защищены. Сразу же последовали два удара: мечом – в затылок князя слева, саблей – в левый плечевой скос. Удар в затылок, хотя и сопровождался поверхностным разрубом кости, но, судя по следам вибрации на ее поверхности, носил оглушающий характер. Исход схватки стал неизбежен после обширной раны левого надплечья и плечевого сустава, с разрубом лопатки, головки плечевой кости и очень крупной подключичной артерии. Сильнейший сабельный удар по опущенной руке князя, нанесенный в прежней манере – под острым углом к поверхности его тела, вызвал фонтанирующее кровотечение. Минуты жизни Андрея Боголюбского были сочтены. Князь, по-видимому, упал. Тяжело раненый Боголюбский все же нашел силы спуститься по крутой лестнице в сени. Следовательно, повреждения левого бедра у князя еще не было. Убийцы по следам крови нашли князя за „столпом высходнымъ“. По-видимому, князь умирал, когда ему, лежащему на спине, были нанесены рубяще-режущий удар саблей в нижний отдел левого бедра и рубящий удар мечом в правую половину лба. Сообщение летописей о множественных ранениях, которые якобы были причинены в этот момент князю, либо не соответствует действительности, либо эти ранения не сопровождались повреждениями скелета».

Не была отрублена и правая рука, как об этом «свидетельствует» летописец. Вряд ли к тому же князь был убит в

темноте: «против подобного допущения свидетельствуют как активная его самооборона, так и точность ударов убийц». «Судя по скелету, – продолжает Звягин, – каких-либо костных повреждений, несовместимых с жизнью, князю нанесено не было. Несмотря на тяжелые ранения, полученные в спальне, он мог в течение нескольких минут передвигаться, в т. ч. спуститься по лестнице в сени. Однако возможность самообороны им уже была утрачена. Множественность и тяжесть рубленых повреждений, причиненных Андрею Боголюбскому в спальне и на лестничном переходе в сени, должны были предопределить быстрое наступление смерти. Непосредственной причиной смерти Андрея Боголюбского явилась, вне всякого сомнения, острая кровопотеря в результате массивного кровотечения. Говорить об открытой черепно-мозговой травме, как... причине смерти, вряд ли возможно».

Так что даже сама смерть князя оказывается овеянной легендой.

Жизнь после смерти

Как пишет летописец, Андрей Боголюбский «кровью мученическою умывся пригрешении своихъ», то есть мученической смертью искупил свои грехи. А их, видимо, было немало.

Помимо бесконечных выяснений отношений со своими родственниками, которых он то изгонял вообще, то, обращаясь с ними как с «подручниками» и «простыми человеками», сажал по своему усмотрению на киевский и новгородский престолы, Андрей несколько раз пытался вмешаться в дела духовные.

С одной стороны, летописцы отмечали особую набожность князя.

В ход шли и подробные описания роскошных храмов, построенных по приказанию князя во Владимире и его окрестностях, и рассказы об основании им новых монастырей, и о щедрых пожалованиях «черньцемъ и черницамъ, и убогымъ, и всякому чину», и о регулярных раздачах милостиныи больным и обездоленным, и рассказы оочных бдениях Андрея, когда он подолгу молился в храме, «смиря образъ свои скрушеномъ сердцемъ и уздыханье от сердца износя, и слезы от очью испущая, покаянъе Давидово приемая, плачася о грисехъ своихъ, възлюбивъ нетлененая паче тленныхъ и небесная паче времененыхъ и царство съ святыми у Вседержителя Бога паче притекущаго сего царьства земльного, и всею добродетелью бе украшень, вторыи мудръи Соломонъ бящеть же».

Именно он был инициатором установления на Руси новых государственных праздников – Спаса (1 августа) и Покрова (1 октября). По распоряжению и при самом деятельном участии князя в 1164–1165 годах во Владимирской земле был создан

целый цикл программных литературных произведений: «Слово Андрея Боголюбского о празднике 1 августа», «Сказание о победе над волжскими болгарами 1164 года и праздновании 1 августа», а также «Житие Леонтия Ростовского».

С другой стороны, всячески демонстрируя свою набожность, Андрей самым бесцеремонным образом пытался поставить церковь под свой контроль. И все это делалось с одной целью – укрепить любой ценой собственную власть. Такие попытки вызвали резкую реакцию со стороны высших православных иерархов, вплоть до константинопольского патриарха Луки Хризoverга.

Например, тот же самый Леонтий Ростовский дважды изгонялся князем. Причиной тому, видимо, были попытки Андрея отделиться от киевской митрополии, чего не хотели древнерусские иерархи, в том числе Леонтий. Андрей Юрьевич задумал учредить свою митрополичью кафедру. На нее он хотел возвести своего любимца Федорца, личность которого весьма сомнительна.

Вот, что пишет о нем летописец под 1172 годом: «Изъгна Богъ и святая Богородица Володимирьская злаго и пронырливаго, и гордаго лестьця лживаго владыку Федорьца из Володимира от святое Богородици церкви Златоверхой. И о тои вся земля Ростовьская не въсхote благословения, удалися от него. И тако и съи нечтивыи не въсхote послушати хрестолюбиваго князя Андрея, велящю ему ити ставиться къ митрополиту Киеву, не въсхote. Паче же Богу не хотящю его и святое Богородици извърже его изъ земли Ростовьское. Богъ, бо егда хочетъ показнити человѣка, отиметь о него умъ. Тако же и надъ симъ сътвори Богъ, отя у него умъ. Князю же о немъ добро мыслящю и добра хотя ему. Съ же не токмо не въсхote поставления от митрополита, но и церкви вси Володимири затвори и ключе

церквиныя взя. И не бы звонения, ни пения по всему граду. И въ зборнеи церкви, в неиже чюдотвореная Мати Божия... и ту церковь дърьзну затворити. И тако Бога разъгневи и святую Богородицу. Томъ бо дъни изъгнанъ бысть месяца мая въ 8 день, на память святаго Ивана Богословьца. Много пострадаша человеци от него въ держание его: и сель изнебыша, оружья и конь, друзии же роботы добыша, заточенья же и грабления – не токмо простьцемъ, но и мнихомъ, игуменомъ и ереемъ. Безъ милоствъ съи мучитель другымъ человеком головы порезывая и бороды, а другымъ очи выжигаше и языки вырезывая, другыя же распиная по стене и муча немилостивне, хотя въсхытити от всих имение имения. Бо не бе съть, яко адъ».

Трудно, однако, представить, что все перечисленные летописцем безобразия творились без ведома (не говоря уже, вопреки воле) Андрея Боголюбского: Федорец – его ставленник.

Дело кончилось тем, что по настоянию Луки Хризоверга Андрей был вынужден отказаться от своих далеко идущих планов. Похвалив князя за усердие к Церкви, константинопольский патриарх разрешил перенести резиденцию епископа из Ростова во Владимир, ближе к княжескому двору. За это князь был вынужден вернуть Леонтия (который при этом был возведен в сан архиепископа) на кафедру, а Федорца отправить в Киев, на митрополичий суд. Там тот был осужден и казнен на Песьем острове: «тамо его осекоша, и языка урезаша, яко злодею еретику, и руку правую отсекоша и очи ему выняша, зане хулу измолви на святую Богородицу».

Возможно, все это и стало причиной того, что Андрей Боголюбский очень поздно, скорее всего не раньше XVII века, был канонизирован как общерусский святой...

Впрочем, все эти перипетии оказались на руку киевским митрополитам: в их титуле после неудачной попытки разделить митрополии появилось маленькое, но немаловажное дополнение, впервые фиксируемое на печати Константина II (ум. 1169): «митрополит всея Руси» – вместо прежнего «митрополит Руси».

Решив политические проблемы в Ростово-Сузdalской земле, Андрей Боголюбский обратил свои взоры на юг и на север. В 1169–1170 годах ему удалось временно подчинить своей власти Киев и Новгород. В древней столице Руси он посадил своего младшего брата Глеба, а в Новгород отправил «подручного» – князя Рюрика Ростиславича. После смерти Глеба Юрьевича Андрей назначил на киевский престол своего племянника, смоленского князя Романа Ростиславича, а его младших братьев, Давида и Романа, посадил в Вышгород и Белгород. Однако братья Ростиславичи вскоре перестали подчиняться своему властолюбивому дядюшке, обиженные тем, что он и с ними обращался как с «подручниками».

Тогда-то и состоялся знаменитый поход на Киев (1173), в котором, по свидетельству летописи, приняли участие ростовцы, суздальцы, владимирцы, переяславцы, белозерцы, муромцы, новгородцы и рязанцы. К ним присоединились дружины полоцкого, тuroвского, пинского, городеньского, черниговского, новгород-северского, путивльского, курского, переяславль-русского, торческого и смоленского князей.

В XIX веке, когда вместо историй государств стали писать истории народов, началась национализация истории Киевской Руси. На восточноевропейском пространстве «оказалось» несколько этносов, желавших иметь собственные непересекающиеся истории, а Русь была вроде как одна. Этот «пирог» надо было разделить, хотя, как резать и на какие порции,

было не совсем ясно. С середины XIX века разгорелись знаменитые споры о том, кто жил в древнем Киеве: великороссы или малороссы (украинцы). Ученые и публицисты пытались найти связь культурных и политических явлений с чертами той или иной «народной физиономии» – конструируемым «национальным характером». К примеру, краткость и сухую фактографичность новгородской летописи объясняли угрюмым характером северян. Напротив, более красочное и велеречивое киевское и галицко-волынское летописание связывали с особенностями живой натуры южан.

Точно так же в княжеских усобицах видели столкновения земель, а точнее населяющих их этнических общностей. В событиях древнерусской истории старались разглядеть истоки тенденций развития будущих восточноевропейских государств и народов. Во мнимом самовластии Андрея Боголюбского усматривали зачатки будущего московского самодержавия. В не менее мнимом вечевом и «федеративном» укладе южнорусских земель видели черты, якобы присущие малороссийской (украинской) истории. В целом на Киевскую Русь накладывали этническую карту XIX века. В результате в конфликтах, где по разные стороны оказывались суздальские и киевские князья, можно было подозревать российско-украинскую вражду.

Едва ли не самым болезненным в исторических спорах был вопрос о преемственности Киев – Владимир. Традиционная для российской историографии концепция зазвучала по-новому с точки зрения национальных историй. Если преемственность была, значит древний Киев был великорусским. Этот взгляд, связанный с именем Михаила Погодина, был неприемлем для украинской историографии. Если же Киев был малорусским, то это не преемственность, а враждебный разрыв, более того – унижение

Киева Владимиром (читай: русскими украинцев). Соответственно нужно было как-то спасать ситуацию. Михаил Грушевский дал рецепт: горечь от разрыва с Владимиром он компенсировал идеей о преемственности Киев – Галич. Старая концепция московских исторических текстов получала зеркальное (украинское) отражение.

При всей кажущейся современному читателю естественности этих построений надо подчеркнуть: ничего общего со средневековой реальностью они не имеют. В том смысле, что вся система категорий здесь анахронична. В частности, совершенно не естественным является национальное прочитывание междуукняжеских (именно так, а не межэтнических) отношений в Киевской Руси. Сама же «историческая преемственность» является абстракцией.

В XII веке выбор «Киев или Владимир?» не стоял. Несмотря на заклинания старых российских историков, никаких свидетельств «перенесения столицы» из Киева во Владимир и «унижения» Киева нет. Город оставался старейшим столом Руси, обладать которым князья стремились еще и накануне 1240 года. 1169 год не выглядит в наших источниках фатальным рубежом. В Киеве поменялся князь. Вместо Мстислава Изяславича в нем сел Глеб Юрьевич, Переяславский (тоже «южный») князь, брат Андрея Боголюбского. Но почему не сам Андрей? В его действиях необычным было только одно. Будучи с некоторого времени генеалогически (и физически) старшим в родне, он мог претендовать на главенство в клане Мономаховичей, что собственно и делал. Он пытался влиять на то, кто сядет в Киеве и будет контролировать Новгород. Но при этом Андрей отказался от личных претензий на Киев и сосредоточился на обустройстве своей Суздальской земли. Возможно, пример отца – Юрия

Долгорукого, всю жизнь боровшегося за Киев, три раза занимавшего его и подозрительно умершего в нем (отравлен?), повлиял на поведение Андрея.

Могут спросить: а что же тогда означает разгром Киева Андреем Боголюбским в 1169 году? Примечательно, что, интерпретируя его по-разному, украинская и российская национальные истории принимали реальность этого события.

Верно ли утверждение: «Андрей Боголюбский взял Киев»? Короткий ответ: нет. Поясним. В научной литературе неоднократно указывалось, что в 1169 году на Киев шли войска не столько Андрея, сколько союзных князей. Под Киевом были представлены силы большинства потомков Владимира Мономаха – этот клан был ведущим на Руси того времени. Киевский князь Мстислав Изяславич был как раз тем членом клана, который оказался в меньшинстве. Также к Киеву пришли князья черниговской линии Рюриковичей (Ольговичи). В целом под Киевом собирались контингенты из Смоленской, Черниговской, Ростово-Суздальской, Переяславской, Муромо-Рязанской и Полоцкой земель. Примечательно, что Андрей Боголюбский в походе не участвовал. Он лишь отправил сына Мстислава. Более того, против союзников на стороне киевского князя выступал родной брат Андрея Михаил.

Состав коалиции не отражал долгосрочных союзов князей (тем более земель или этносов). Большинство участников осады Киева еще год назад, в 1168 году, дружно выступали с Мстиславом Изяславичем против половцев.

Но может, Андрей Боголюбский был организатором, вдохновителем похода? Часто считают: упомянут первым – значит главный. Действительно в Киевской летописи среди участников похода первым назван Мстислав Андреевич,

посланный отцом. Кстати, физическое отсутствие Андрея говорит не о том, что он «повелевал издалека», а скорее о его приоритетах (свой Владимир был важнее далекого и утерянного Киева).

Но если мысленно поменять порядок перечисления князей? Окажется, что ничего, свидетельствующего об особой роли Андрея, кроме места в списке, в рассказе о походе нет. Собственно, поводом для похода стали разногласия Мстислава Изяславича со смоленскими Ростиславичами. Андрей был только одним из тех, кого не устраивало усиление Мстислава в Киеве и (через его сына Романа) в Новгороде. Отрешившись от историографических стереотипов, мы увидим перед собой довольно заурядную усобицу представителей разветвленного клана Мономаховичей, к которому примкнул Андрей Боголюбский.

Был ли Киев взят? Строго говоря, нет. Собственно до штурма не дошло, поскольку киевский князь Мстислав Изяславич, видя превосходящие силы противников, оставил Киев. Бегство князя из Киева – случай не первый в истории. Скажем, в 1073 году Изяслав Ярославич бежал под давлением братьев. Что же случилось дальше? Киевская и Сузdalская летописи сообщают о страшном разграблении Киева, учиненном союзными войсками. Однако нет никакой нужды объяснять грабеж этнической неприязнью, тем более что грабили в значительной степени «свои». К сожалению, это обычно для воинской этики – поживиться после успешной кампании. Если это и первый в своем роде случай, то отнюдь не последний. В 1203 году Киев был действительно взят и разграблен войсками бывшего киевского князя Рюрика Ростиславича, черниговских Ольговичей и

половцев. Даже при всем желании разглядеть здесь умысел великороссов не удается.

И был ли грабеж 1169 года таким катастрофическим? Событие археологически не просматривается. Это значит, что ничего подобного взятию Киева монголами в 1240 году не произошло. Кроме того, в научной литературе уже давно бытует подозрение, что красочное описание двух- или даже трехдневного грабежа – гипербола киевского и суздальского летописцев. Уж слишком оно трафаретное и нарочито пафосное.

Наконец, обратим внимание на то, что яркая картина разграбления Киева и описание похода, якобы руководимого Андреем, происходят из двух «заинтересованных» летописей – киевской и суздальской. К счастью, мы располагаем летописью с третьей, не столь незаинтересованной, стороны – новгородской. Как и следовало ожидать, там нет ни одного элемента мифа о «взятии Киева Андреем»: ни инициативы Андрея Боголюбского, ни ожесточенного штурма, ни катастрофического разграбления. Вот как буквально описывает событие новгородский летописец: «ходили Ростиславичи с Андреевичем и со смолянами, и с полочанами, и с муромцами, и с рязанцами на Мстислава к Киеву. Он же не бился с ними, но оставил по своей воле Киев».

Как бы то ни было, трагическая гибель Андрея под ударами убийц положила конец его планам – и, скорее всего, послужила основанием для целого ряда мифов и легенд об этом князе.

Игорь Курукин. Владислав Яценко. Богдан Хмельницкий. «Переяславские статьи» и проблемы «воссоединения»

Распад СССР привел к тому, что в новосозданных или, как это может быть интерпретировано в отношении Литвы, Латвии, Эстонии, Украины, Белоруссии и Грузии, возродившихся национальных республиках произошел отказ от существовавшего ранее москоцентричного видения своего прошлого. В результате довольно быстро начался процесс национализации истории. В случае с Украиной данный процесс сосредоточился на отказе, не всегда последовательном, от видения в прошлом исключительно позитивной роли России, которая была прописана в «Тезисах к 300-летию воссоединения Украины с Россией» 1654 года.

При освещении событий раннего Нового времени украинские историки, опираясь на научное наследие представителей «народной/народницкой» и особенно «государственной/державницкой» школы историографии, сосредоточились на освещении проблем козацкой государственности. При этом господствовавшая в советское время риторика о братском союзе двух славянских народов и позитивной роли России, а с 1721 года Российской империи, в защите украинцев от внешней агрессии со стороны «шляхетской Польши» и «феодальных агрессоров» из Крымского ханства и Османской империи в течение 1990-х годов и в начале XXI века уступила место колониальному дискурсу. Московское государство начало восприниматься как один из главных соперников созданного во время козацкой революции 1648–1657/58 годов государства Гетманщины. Одновременно в современном украинском

историописании начали подниматься на щит аспекты политической и военной конфронтации в козацко-московских взаимоотношениях второй половины XVII – XVIII века, которые в советское время либо замалчивались, либо излагались вкратце и в москвоцентричном контексте.

Отмеченные тенденции не могли не отразиться на освещении деятельности и одной из наиболее значимых персон в пантеоне украинских национальных героев: гетмане Богдане Хмельницком. Прочно прописанный в национальном нарративе со времен козацкого летописания XVII–XVIII веков гетман, в условиях новейшей «национализации истории» нисколько не потерял в своем значении. Трехсотлетнее историографическое наследие всегда могло предложить как минимум две интерпретации личности и деятельности великого гетмана. Он мог быть истолкован и как символ политического сближения с Россией и как основатель самостоятельного украинского/козацкого государства Войска Запорожского или же Гетманщины^[1], чьи действия значительно влияли на политическую ситуацию в Центрально-Восточной Европе в середине XVII века.

Существовавшая в советское время в украинской исторической науке интерпретация, согласно которой прогрессивная роль Богдана Хмельницкого сводилась к приведению значительной части украинцев под власть московского царя и воссоединению «братских народов» в рамках былого «древнерусского государства», в 1990-х годах уступила место государственному прочтению деятельности гетмана. Вследствие этого Богдан Хмельницкий как символ «единства Украины и России» был вытеснен Хмельницким-державником. Приоритет второго символа над первым оформился после политической конфронтации вокруг украинского острова Тузла и своеобразного

празднования 350-летия Переяславской рады – когда попытка президента Леонида Кучмы использовать «юбилей» для очередного лавирования в сторону РФ и заручиться поддержкой Кремля провалилась: украинские интеллектуалы, в том числе и историки, напротив, предпочитали говорить о гетмане-державнике и его разочаровании от «союза» с Москвой. Точку в утверждении за Хмельницким образа гетмана-державника поставила «оранжевая революция».

Существенно изменились и подходы в оценках событий Переяславской рады 1654 года и дальнейших договоренностей козацкого посольства Самойла Богдановича-Зарудного и Павла Тетери в Москве в марте – апреле 1654 года, известных как «Мартовские статьи». Переяславская рада перестала рассматриваться как апогей козацкой революции, а в ее оценке эмоционально-этническая трактовка «воссоединения» уступила место попыткам историко-юридического толкования событий. Среди последних наибольшую популярность у современных украинских историков под влиянием работ Михайла Грушевского, Вячеслава Липинского, Льва Окиншевича при определении политического статуса Гетманщины относительно Московского государства приобрели «вассалитет», «союзный договор» и «протекторат». Но, самое главное, в современной украинской историографии подчеркивается, что в условиях продолжения войны с Речью Посполитой Двух Народов Богдан Хмельницкий по целому ряду вопросов был не удовлетворен взаимоотношениями с московским царем. Украинские исследователи, так же как и западные украинисты, отмечают, что гетман не переставал искать после 1654 года новых союзов и новых протекторов для Гетманщины, действуя при этом вразрез с политикой Москвы.

Отмеченные выше метаморфозы в историописании не обошли стороной и российскую историческую науку. В СССР история «социалистических республик» отдавалась на откуп местным историкам. Обратной стороной этой медали было отсутствие в «национальных соцреспубликах» научных центров по всемирной истории. В результате после 1991 года российские исследователи, значительная часть которых без восторга и весьма болезненно восприняли отказ украинских, белорусских, литовских, грузинских и других бывших советских коллег по цеху от москвоцентричного прочтения их национального прошлого, были вынуждены несколько пересмотреть подходы к изложению как собственно российской истории, так и прошлого уже независимых государств.

Процесс оказался довольно сложным и до сих пор весьма далек от завершения. С точки зрения украинских исследователей и западных украинистов, в трудах их российских коллег по-прежнему доминирует имперское наследие времен империи Романовых и СССР. При этом время от времени имеют место попытки модернизировать и легитимизировать «имперскую» историографическую традицию, подкрепляя ее нововыявленными документами и фактами. Тогда как в России изыскания целого ряда украинских исследователей (начиная от Михаила Грушевского и заканчивая современными трудами Натальи Яковенко, Ярослава Федорука, Виктора Брехуненко или Тараса Чухлиба) порой трактуются как «националистическая историография»^[2].

Как следствие, круг российских историков раннего Нового времени, чьи работы имеют резонанс и вызывают диалог или научную дискуссию среди их украинских коллег и западных украинистов, весьма ограничен. Среди последних первое место

принадлежит петербургскому украинисту Татьяне Геннадиевне Таировой-Яковлевой и ряду московских исследователей – Борису Николаевичу Флоре, Татьяне Анатолиевне Опариной, Кириллу Александровичу Кочегарову, Александру Сергеевичу Алмазову.

В результате на сегодняшний день история средневековой России оказалась по большей части сведенной к развитию Московского государства, окруженного недружелюбными и безликими соседями. Какому нынче не только школьнику, но и студенту-историку ведомы имена и деяния молдавского государя Стефана III Великого или грузинской царицы Тамары?

Богдана Хмельницкого чаша сия миновала. Его образ, прочно вписанный в российский исторический нарратив с XIX века, пережил трансформацию 1990-х годов и остался на страницах не только вузовских, но и школьных учебников – однако несколько в разной трактовке. Согласно одной версии, Богдан Хмельницкий сразу после начала восстания стал проситься «под высокую руку» московского государя; по другой – пришел к этой мысли только в 1652 году; по третьей – гетман просил Москву о помощи, а Земский собор взял и «высказался за присоединение Украины». После чего триумфально состоялось «воссоединение» с уточнением, что украинцы перешли в российское «подданство». Последнее, однако, предполагало широкую автономию гетманской Украины, смысл которой, кстати, далеко не во всех рассказах раскрывается.

Последующие подробности еще более запутывают картину. С одной стороны, гетман стремился «освободить всех русских^[3] людей (в смысле – украинцев и белорусов) от власти иноземцев и католической церкви», а его войско вместе с царскими ратями успешно сражалось против польской армии. С другой – в 1656 году он заключил «тайный союз» со шведским королем о разделе

Речи Посполитой или готовился перейти «под протекторат Швеции» и поставить ей на службу козацкое войско. А сама «Хмельнитчина» сопровождалась «большими жертвами, вспышками национализма, еврейскими погромами».

Так, даже в текстах официально рекомендованных российских учебников образ великого гетмана выглядит зыбким, колеблющимся и стремящимся раздвоиться – в отличие от последней по времени научно-популярной биографии 1989 года в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия». В этой книге киевского профессора В. А. Замлинского Богдан уже в мае 1648 года задумал «объединиться с Россией» и последовательно стремился к этой цели – «воссоединение», по мнению автора, стало «делом жизни» Хмельницкого. Стоит, однако, помнить, что работа была написана в то время, когда прописанное в «Тезисах о 300-летии» москоцентрическое видение украинской истории было незыблемым. В самой Украине в это время имели место лишь первые попытки исторической реабилитации гетмана Ивана Мазепы, но образ Хмельницкого-«воссоединителя» оставался незыблемым.

Окончательное утверждение гетмана в качестве отца-основателя независимой украинской державы (не случайно лидер «оранжевой революции» Виктор Ющенко в 2004 году вступал в должность президента в присутствии в зале парламента булавы и знамени Богдана Хмельницкого) как будто повлияло на «снижение» его образа в работах российских историков. Теперь уже можно встретить публикации российских исследователей, в которых Хмельницкий предстает амбициозным и беспринципным шляхтичем. Личные обиды и крушение политических планов (возглавить войну с турками по призыву короля Владислава IV Вазы) заставили его выступить против Речи Посполитой. Он

считал себя подданным короля – но никогда не делал «ставку на кого-либо одного, рассматривая предложения дружбы крымского хана и турецкого султана, молдавского господаря и семиградского князя». В итоге выбрал «высокую руку» московского государя, но не мог ужиться с «тяжелым самодержавием» и начал «противодействие Москве» – и в итоге мало чем отличался от «изменника» Мазепы.

Украинные самовольники

Что ж, чем сильнее бронзовоет образ любого политического деятеля, тем легче он подвергается коррозии. Тем более что в данном случае он формировался в двух несходных ипостасях – основоположника украинского государства и вдохновителя его присоединения к России. Изданный к 300-летнему юбилею присоединения Украины к России, но все же академический трехтомный сборник документов показывает, как нелегко давалось Хмельницкому превращение из атамана-вожака в главу, как бы сказали сейчас, «самопровозглашенного» государства – и как нелегко было Москве строить отношения с гетманом.

Можно, пожалуй, представить едва ли радостную реакцию юного государя Алексея Михайловича на первое письмо Богдана от 8 июня 1648 года, в котором тот сообщал о победах над поляками и по-братьски предлагал царю вместе «на панство тое наступати» – ведь «земля тепер власне пуста». Предводитель повстанцев заявлял о желании видеть своим «господарем» московского царя и готовности «услужить вашой царской велможности» – при этом называя себя «гетманом з войском его королевской милости запорозким». «Служба» царю, кстати, подразумевалась за достойное «жалованье», о чем гетман сообщал порубежным воеводам; их он призывал «на помоч», а себя именовал «приятелем» российского монарха. В Москве еще хорошо помнили времена Смуты и разгул казачьей вольницы, готовой за жалованье и грабеж служить любому претенденту на престол – а тут как раз те же воеводы сообщали о поднявшемся на Украине «межусобии», о том, что люди Хмельницкого «побивают и грабят по дорогам ляхов и жидов», крестьяне же подаются в козаки и творят «всякое дурно».

Хмельницкий то призывал царя идти на Польшу (ведь сам покойный король Владислав IV Ваза был ему, гетману, «на ляхов помощник»), то просил помочи и обещал быть под «государевою высокую рукою» – то гневался за отсутствие поддержки и бросал в лицо посланному «для вестей» московскому гонцу в июне того же 1648 года: «А буде, ты, государь, не пожалуешь, ратным людем итти на помошь не велишь, и он де, Хмельницкой, со всею крымскою ордою сложася, будет воевать на твою государеву украину» – эту угрозу в Москве помнили еще долго.

Как бы там ни было, но уже в течение 1648 года гетман Хмельницкий сумел добиться одной из наиболее важных для себя целей, которые ставил, начиная контакты с московским царем. В 1647 году между комиссарами Речи Посполитой во главе с сенатором Адамом Киселем и царскими представителями были подписаны договоренности, которые предусматривали предоставление Московским государством военной помощи в случае вторжения на территорию Речи Посполитой значительных сил крымских татар. В 1648–1653 годах Москва Варшаве так и не помогла. Для Хмельницкого, который в отличие от гетманов Якова Остряницы и Дмитра Гуни десятилетием ранее сумел-таки в 1648 году заручиться поддержкой Крымского ханства как на поле боя, так и в дипломатических контактах с Варшавой, крымский хан фактически был протектором Войска Запорожского/Гетманщины. Это было колossalным успехом во внешнеполитической деятельности, который обеспечил перерастание казацкого восстания в государственное строительство Гетманщины.

Тем же буйным летом 1648 года царь сам видел восставшую толпу в столице и был вынужден отдать ей на расправу нескольких должностных лиц, с трудом упросив оставить в живых своего воспитателя, боярина Бориса Морозова. Но козацкий

гетман был врагом еще более опасного врага – и в январе 1649 года Алексей Михайлович принял посланца украинских «самовольников» полковника Силюяна Мужиловского и спросил его о «здравье» гетмана Богдана – как иной коронованной европейской особы. Но от войны и «розширения царства» отказался: царские гонцы и грамоты весной – летом 1649 года обещали принять гетмана и его козаков в подданство, как только новый король Ян Казимир их «учинит свободны» – то есть не нарушая мирного договора с Речью Посполитой.

Имея за плечами образование в львовском иезуитском коллегиуме и опыт контактов с иноземными правителями в качестве писаря Войска Запорожского, гетман понимал, как следует обращаться к московскому царю. В письмах после 1648 года он уже не величал себя «приятелем», а лишь «нижайшим слугой» государя, но вел себя независимо.

С одной стороны, до поражения под Берестечком Богдан Хмельницкий не отбрасывал возможности примирения с Речью Посполитой. В 1648 году он фактически «поддержал» избрание на королевский трон Яна Казимира, а не его брата, Кароля Фердинанда Вазы, и еще несколько лет пытался реализовать идею вмонтирования в ее политическое тело Войска Запорожского как третьего политического образования. В новой Речи Посполитой уже не «двух», а «трех народов» гетман, его козаки и подконтрольная ему территория должны были пользоваться такими же правами, как и Великое княжество Литовское. При этом власть козацкого гетмана (судя по его позиции на переговорах с польскими комиссарами в 1649 году) должна была несколько превышать полномочия Великого гетмана литовского. Поражение под Берестечком поставило точку в этих планах Хмельницкого. Случившееся же годом позже, в 1652 году,

уничтожение коронного войска под Батогом только усилило партию войны в Варшаве, и вновь заговорить о примирении с козаками представители правящей элиты Речи Посполитой оказались готовыми лишь после лихолетий шведского и московского «Потопа», уже при преемнике Хмельницкого, гетмане Иване Выговском.

С другой стороны, не отказываясь от переговоров с комиссарами Речи Посполитой (их гетман регулярно принимал в Переяславе или своей столице Чигирине) и поддерживая контакты с Москвой, гетман настойчиво искал новых союзников. Хмельницкий стремился к сближению с Швецией, старательно поддерживал добрые контакты со своим единственным на тот момент протектором, крымским ханом Ислам-Гиреем, а в 1650 году отправил посольство в Стамбул. В письме к великому визирю Хмельницкий просил о «подданстве» и военной помощи. Султан Мехмед IV уже отправил перспективному подданныму булаву, но тот от официального оформления вассальных отношений уклонился.

С 1649 года гетманский двор в Чигирине посещали и официальные царские посланники, но вступать в войну с Польшей в Москве не торопились. А гетман, продолжая разыгрывать московскую карту, отказался выдать объявившегося в его ставке авантюриста Тимофея Анкудинова, выдававшего себя за сына царя Василия Шуйского – мол, «здесь казаки и вольность всякая». Московский посол Василий Унковский безуспешно пытался отравить самозванца, но того хорошо охраняли. В раздражении (или подпитии) Богдан то грозился («...я де и все города московские и Москву сломаю»), то просил десять или хотя бы шесть тысяч «ратных» на помощь, то хвастался в июле 1650 года, что «не только де что польские и литовские города он, гетман,

государю очистит, хотя де и Царьгород и до Еросолима очистит и приведет под государеву высокую руку».

Созванный в феврале 1651 года Земский собор заслушал царский доклад о «неправдах» польских королей (искажения царского титула в дипломатической переписке и «бесчестья» в адрес царя в польских печатных изданиях) и о готовности Хмельницкого перейти в подданство России. Из всех «чинов» только духовенство благословило разрыв «вечного докончания» с Польшей; однако других мнений собирать не стали, и обсуждение было свернуто – в Москве были еще не готовы к большой войне.

Гетман горячился: «...будет на Москву не пойду и не разорю пуще Литвы; я де посылаю ото всего сердца своего, они лицу моему насмехаютца» – грозил он в мае 1651 года гонцу Ивану Фомину. Но после поражения под Берестечком в июне того же года просьбы о переходе «под высокую руку» царя только усилились. Гетманский посол Иван Искра в январе 1652 года уже молил о том, чтобы царь разрешил козацкому войску переселиться в Россию. Тем более что мятежные командиры (полковники Лукьян Мозыря, Матвей Гладкий, Адам Хмелецкий) обвиняли Хмельницкого в предательстве, и Гладкий уже объявил себя гетманом. Но Богдан действовал решительно: Мозыря был повешен, Гладкому и Хмелецкому отрубили головы. Хмельницкий вновь обратился в Стамбул за помощью, однако прибывший посол султана потребовал взамен крепость Каменец и ежегодную дань в 10 тысяч золотых, 10 тысячолов и 10 тысяч баранов. Подлинники турецких грамот московским дипломатам за вознаграждение в «сорок соболей» тайно, с благословения Хмельницкого, передавал будущий гетман-«изменник», а до того

генеральный писарь Войска Запорожского и правая рука гетмана Иван Выговский.

В Москве же у гетмана появился влиятельный союзник – патриарх Никон. В личном письме он обещал Хмельницкому поддержку, и «милостивая» царская грамота от 22 июня 1653 года объявила гетману, что Алексей Михайлович «изволил вас принять под нашу царского величества высокую руку». Затем последовали «приговор» Земского собора и знаменитая Переяславская рада. Гетман и украинская старшина присягали московскому государю: «...быти им под нашею государевою высокою рукою з городами и землеми навеки неотступно». Российские послы поднесли гетману знамя, булаву, «ферязь да шапку», и в этом наряде Хмельницкий шествовал до дома «з булавою пеш». Правда, отказ воеводы Бутурлина присягнуть от царского имени и подтвердить козацкие права и вольности чуть было не сорвал процесс договоренностей, но тут гетману, после вспышки гнева, пришлось уступить. Не менее выразительным было и нежелание присягать царю со стороны некоторых полковников и их полков, городов и высшего духовенства Киевской метрополии во главе с митрополитом Сильвестром Косовым. На последнего гетман должен был надавить.

С одной стороны, надвигающееся новое противостояние с Речью Посполитой и потребность в военной помощи лишили Хмельницкого свободы маневра. С другой – гетман все равно оставался не в накладе. Встреча и присяга перед царским посольством произошли в Переяславе, традиционном месте переговоров с дипломатами Речи Посполитой, а не в Киеве, как того хотелось царским посланникам. Очевидный символизм был более чем красноречивым. Но самое главное, Хмельницкий добился признания своей независимости от польского короля со

стороны иноземного христианского монарха. 1654 год, как отмечал Вячеслав Липинский, принес революционные изменения в ментальность украинцев, подорвав фундамент ягеллонского легитимизма – то есть признания короля Речи Посполитой в качестве законного и наследственного верховного правителя над украинскими землями.

Менее громко, но более напряженно шли переговоры о государственно-правовом статусе Гетманщины. Привезенные украинцами в Москву предложения-«статьи» в марте 1654 года были оформлены как утвержденное царем челобитье. Козацкий реестр определялся в 60 тысяч, в подконтрольной Хмельницкому Украине сохранялось административное деление на «полки» и «сотни», выборность гетмана и других должностных лиц, суд по своим законам, особые сословные права казаков, горожан и духовенства. Русский гарнизон вводился только в Киев. Гетман имел право вступать в дипломатические отношения с другими государствами (за исключением Польши и Турции) и сообщать в Москву о содержании переговоров. В будущем предусматривалась выплата налогов с Украины, но собирать их должны были местные власти. Предусматривались совместные военные действия против Польши и Крыма, а в мирное время – помочь России пограничным украинским городам «кормами и порохом».

Работы современных российских историков (Б. Н. Флори, Г. А. Санина, Т. Г. Таировой-Яковлевой, О. В. Хавановой, Я. А. Лазарева) показывают, что ожидаемой гармонии «воссоединение» не принесло. Едва ли можно говорить о соединении в одном государстве двух родственных народов, «как вольного с вольным, равного с равным». Как указывает в своих работах Таирова-Яковлева, Украина присоединилась к России как

вассальное, но фактически лишь номинально зависимое от нового протектора государство.

В данной ситуации примечательным было то, что каждая из сторон стремилась урегулировать юридическую сторону вопроса, исходя из противоположных традиций правовой культуры. Воспитанная в правовых традициях Речи Посполитой козацкая элита воспринимала состоявшийся акт как договоренность между монархом и политическим народом («*racta conventa*»), пункты которой не могут быть нарушены. В самодержавной Москве тот же договор понимался как царское решение в ответ на просьбу новых подданных и в окончательном варианте был представлен как серия жалованных грамот 1654 года.

Их содержание свидетельствовало о том, что царь стремился представить себя высшей властью по отношению к Войску Запорожскому, его различным институциям и сословиям: православной церкви, шляхте, казакам и самоуправляемым по магдебургскому праву городам. Симбиоз двух противоположных политических культур дал весьма своеобразный результат. В то время как в Речи Посполитой артикулы Генриха Валуа заложили основу расцвета шляхетской демократии и ограничения королевских прав, в Гетманщине все произошло наоборот. «Мартовские статьи», подлинник которых был утрачен еще во второй половине XVII века, также служили неотъемлемой преамбулой ко всем дальнейшим украинско-московским договорам XVII–XVIII веков, заключаемым при избрании нового гетмана. Однако изменения, привносимые московскими сановниками в текст новых соглашений, неизменно были направлены на ограничение самоуправления Украины, а попытки козацкой старшины пересмотреть договоренности в сторону

ослабления зависимости Гетманщины от царской власти по большей части пресекались.

Царь подтверждал и права самого Хмельницкого на пожалованный ему Чигирин, Гадяч и земельные владения его полковников – то есть Богдан, по мнению части современных российских историков, был де-юре более ограниченным владетелем по сравнению, например, с некогда вассальными по отношению к Польше молдавским господарем и прусским герцогом. Более того (по мнению Б. Н. Флори), с московской позиции некогда входившие в состав Руси земли наконец воссоединились под властью своего «природного» государя, и такой подход в перспективе исключал существование самостоятельной украинской государственности.

В этой связи остается лишь высказать сожаление, что имевшая место на рубеже XIX – XX веков между украинскими и российскими историками дискуссия о правовом статусе Гетманщины к началу 1930-х годов прекратилась. Дальнейшие изыскания непременно потребуют изучения и сопоставления различных европейских аналогов взаимоотношений вассалов и сюзеренов в Центрально-Восточной и Западной Европе раннего Нового времени. Однако, беря во внимание научную ограниченность современных украинских и российских историков национальными парадигмами, едва ли они начнутся в ближайшем будущем.

Стоит помнить и оценку зависимости Гетманщины от Московского царства, высказанную еще в конце 1970-х годов заокеанским украинистом Орестом Субтельным. Он указывал на отставание Московии и Гетманщины в развитии государственных институтций, прежде всего армии и бюрократии, в конце XVII – начале XVIII века от абсолютистских монархий Европы

(французских Бурбонов, испанских и австрийских Габсбургов, шведских Ваз). Это отставание до Полтавской битвы 1709 года будет позволять сохранять Гетманщине свой вассальный статус. Как следствие, политическая зависимость Украины от Московского государства согласно договоренностям 1654 года была не институциональной, а персональной, воплощенной в особе царя.

Военное счастье переменчиво

Властный и упрямый гетман Хмельницкий постоянно заставлял Москву считаться с собой и продолжал часто действовать вопреки ее интересам. В этой связи нельзя не согласиться с российским украинистом Таировой-Яковлевой, которая в целом ряде своих работ, и в частности в разделах, написанных ею в недавно вышедшей в Москве «Истории Украины», полагает: «Каждая из сторон преследовала различные цели и во многом смотрела на договор по-разному, исходя из своих традиций и ментальности. Для Хмельницкого это был разумный выход из критической военной ситуации. В его дальнейшие планы входило укрепление Гетманщины и расширение ее границ. Перед ним и его окружением видимо стоял все тот же образец свободного вассалитета придунайских княжеств. Для Алексея Михайловича важнейшим было возвращение Смоленщины, распространение своего влияния на Белоруссию. Никон рассматривал далеко идущие планы освобождения и объединения всего православного мира. Такие разные подходы и оценки не могли не породить в будущем конфликтные ситуации».

Так и вышло. Гетман и его старшина признавали царя своим сузереном – но предусмотренные «мартовскими статьями» выплата налогов в царскую казну и контроль над внешней политикой гетманства так и не состоялись. До поры Москву и Чигирин объединяла война. Гетман, правда, не получил помощи в 1654 году во время зимне-весеннего наступления коронной армии, приведшего к значительному опустошению правобережных полков. Да и главный удар московского войска в мае 1654 года пришелся не на коронные земли, обладавшие

наиболее боеспособными силами, а на Великое княжество Литовское.

Лишённый военной и финансовой поддержки Варшавы, польский гетман литовский Януш Радзивилл лишь в июне получил от сей ма давно заслуженную булаву великого гетмана и конфликтовал с Яном Казимиром. В условиях когда сторонник короля, польский гетман Гонсевский отказывался признавать верховенство Радзивилла и избегал объединения сил, последний сумел для защиты Великого княжества литовского выставить лишь шесть тысяч наемников. Этого было явно мало. Московская армия насчитывала несколько десятков тысяч воинов, обладала внушительным артиллерийским парком. Войска были разделены на три части и шли в поход под предводительством царя.

В сентябре после недолгой обороны был взят Смоленск. Его фортификация сильно пострадала во время войны 1632–1634 годов и на 1654 год не была приведена в надлежащее состояние. Новоназначенный в конце 1653 года смоленским воеводой Филипп Обухович не мог успеть отремонтировать ее за несколько месяцев до начала войны. Нехватка войск, продовольствия и боеприпасов не позволила ему организовать длительную оборону города. Вскоре сдались Дорогобуж, Полоцк, Рославль, Орша, Гомель, Могилев, Витебск. На занятых землях московские войска по приказу царя уничтожали евреев, отказывавшихся принять православие, и, уже вопреки царским грамотам, грабили и брали в рабство местное, в основном православное, население. При штурме Мстиславля войска князя Алексея Трубецкого порубили «шляхту, поляков и литву, и иных служилых людей», а также евреев и католических монахов. Справедливости ради надо сказать, что путь козаков Хмельницкого по Белоруссии и Литве также был отмечен пожарищами и трупами.

Для Хмельницкого литовский поход царя оказался сопряженным с необходимостью выслать 20-тысячное войско во главе с наказным гетманом Северским Иваном Золотаренко. Предоставленные же царем военные контингенты для походов в подконтрольную Варшаве западную часть Украины были явно не сопоставимы с силами, выделенными гетманом для войны против Великого княжества Литовского. Их боевые качества, как показали Дрижипольская и Охматовская битвы, также оставляли желать лучшего. Основное бремя противостояния коронному войску по-прежнему приходилось на козацкие полки.

Летом 1654 года крымский хан Мехмед-Гирей разорвал союз с Хмельницким и вступил в коалицию с польским королем Яном Казимиром. В стратегическом плане это мало помогло Варшаве, но для Хмельницкого, который до последнего старался сохранить дружественные отношения с Бахчисарем, это была чувствительная внешнеполитическая неудача.

В 1655 году в Белоруссии князь Яков Черкасский и украинские козаки наказного гетмана Золотаренко разбили литовских гетманов Януша Радзивилла и Винцента Гонсевского. Были заняты Бобруйск, Минск, Ковно, Гродно. В августе Алексей Михайлович вступил в Вильно, и патриарх благословил его называться «великим князем литовским». На Украине войска Хмельницкого и воеводы В. В. Бутурлина дошли до Львова. Однако между гетманом и воеводой возникли трения по вопросу, на чье имя должны присягать завоеванные города. Противоречия привели к тому, что гетман предпочел второй раз, первый был в 1648 году, взять с города контрибуцию и снять осаду.

Таким образом, Украина в течение зимы – весны 1654 года получила, хотя и с опозданием, стоявшим опустошения правобережным полкам, и в меньших размерах, чем рассчитывал

гетман, военную помощь против Речи Посполитой. Россия же, не без помощи козаков Хмельницкого, заняла почти всю Белоруссию и часть Литвы. Успех позволял Москве закрывать глаза на то, что Хмельницкий вел независимую внешнюю политику и не платил ни копейки в казну.

Но в то же время в Польшу вторгся шведский король Карл X. Шляхетское ополчение сдалось без боя; шведы заняли Варшаву, а король Ян Казимир бежал в австрийскую Силезию. Литовские магнаты и шляхта признали Карла своим «протектором», а он собирался стать королем уже всей Речи Посполитой. Но к тому времени на этот «пост» претендовал и Алексей Михайлович, тем более что в Москве не могли допустить усиления Швеции. В мае 1656 года царь объявил ей войну, а в августе начал переговоры с поляками о мире – на условии включения Великого княжества Литовского в состав России и подчинения Польши при избрании московского государя на польский престол.

Исследования последних лет показывают, что Москва переоценила свои возможности. Русские войска безуспешно пытались овладеть шведской Ригой, а поляки соглашались на избрание царя только при условии возвращения всех занятых русскими земель и «успокоения» Украины. В итоге стороны согласились на перемирие и продолжение борьбы со шведами; вопрос об избрании царя должен был вынести сейм Речи Посполитой. Узнав об этих условиях и о том, что украинских посланцев к переговорам не допустили, гетман в гневе кричал, что «нужно отступить от руки царского величества, а пойдем туда, куда вышний владыко повелит – не только под христианином государем, но и под бусурманином».

Сам он мечтал об уничтожении шляхетской республики и заключил союз с трансильванским князем Дьёрдем II Ракоци и

шведским королем Карлом X, главным в то время противником царя. В январе 1657 года войско Ракоци и козацкий корпус двинулись на соединение со шведами и вступили в Краков. В Белоруссии полковник Хмельницкого Иван Нечай не подчинялся русским воеводам; на занятой его войсками территории вводил козацкие порядки и записывал в козаки шляхту, мещан и крестьян.

Из Москвы к гетману один за другим срочно отправляются послы – сначала окольничий Ф. В. Бутурлин, затем – доверенное лицо царя, стольник и стрелецкий голова А. С. Матвеев. Окольничий обвинил гетмана в нарушении присяги – к тому времени в руки московских дипломатов уже попали перехваченные поляками шведские проекты соглашения с Хмельницким. Речь в них шла не только о военном союзе, но и об установлении шведского протектората над Гетманщиной. Хмельницкий должен был обязаться воевать на стороне Карла X и способствовать переходу под его власть Великого княжества Литовского. Одновременно московский посол поднял вопрос о введении московских гарнизонов еще в несколько украинских городов.

В ответ Богдан осудил политику царя и его советников, которые «коруною полскою еще не обладали и о миру в совершение еще не привели, а с другим панством, шведы, войну всчали». Гетман заявил, что занятые его козаками «Старый Быхов и Могилев в Белоруссии царским воеводам не отдаст» и «от свейского короля николи он отлучен не будет». Увязшим в войне москвичам он предложил свое посредничество на мирных переговорах с Карлом X, чтобы совместными усилиями «выкоренить» Речь Посполитую. На встрече с Матвеевым в июне 1657 года на

требование последнего стоя принять царскую грамоту Хмельницкий ответил, что он и перед Богом не встанет.

Возможно, тогда старый гетман верил, что в политическом раскладе Восточной Европы его воля определяет успех той или иной стороны. Он видел окончательный разгром и раздел Польши и украинские границы «по Вислу реку». Его аудиенции в Чигирине домогались российские, польские, трансильванские, шведские посланцы. Но события развернулись иначе. Первоначально новые союзники не готовы были признать за Гетманщиной иные границы, чем те, что были прописаны в Зборовском договоре 1649 года, да и признать наследственное гетманство за сыном Богдана Юрием тоже не спешили. Военное счастье переменчиво, и в 1657 году шведский король оказался связан вспыхнувшей войной с Данией. Император Священной Римской империи предоставил Яну Казимиру 10-тысячный корпус во главе с генералом Гатцфельдом, который помог окончательно изгнать шведов и приструнить бранденбуржцев. На соединение с поляками двинулась орда крымского хана – на днепровских переправах козаки отражали натиск татар, а войско Ракоци потерпело поражение и было рассеяно. Отправленные к нему на помощь козаки устроили бунт и «всем войском» обвиняли старшинскую верхушку: «вы, де, нашими головами корысть получаете», «увидили себе простор и многое владенье и обогатились, так, де, хотите самовластными панами быть».

В этих условиях пойти на разрыв с Россией Хмельницкий не решился. Смерть гетмана предотвратила назревавший кризис – 27 июля 1657 года он умер подданным царя. Но оставил явное недоверие к своей политике, прямо противоречившей российским внешнеполитическим планам. По этому пути пойдут и его преемники. Но и Москва станет использовать в своих

интересах борьбу старшинских группировок и стремление полковников и рядовых козаков искать поддержку у царя.

Игорь Курукин. Владислав Яценко. Иван Мазепа. Герой или изменник

Среди исторических фигур, прописанных в «общих страницах» украинского и российского нарратива конца XVIII – начала XXI века, вряд ли удастся найти более противоречивую личность, чем гетман Иван Степанович Мазепа, чья биография могла бы начинаться крылатой фразой «*Vae victis*» – горе побежденным. Все деяния «второго Иуды» (согласно трактовке первого российского императора и его идеолога – Феофана Прокоповича) интерпретировались сквозь призму перехода на сторону Карла XII, изображались в черном цвете, и биография гетмана начала обрасти мифами и белыми пятнами.

В украинском историописании отношение к гетману было двойственным. После Полтавской баталии 1709 года, ускорившей процесс инкорпорации Гетманщины, в Украине начали формироваться два образа гетмана – хотя и не лишенного негативных черт, но все-таки борца за «права и вольности» казацкие, с одной стороны (в работах Йогана Енгеля, «Истории Руссов» и воспоминаниях Алексея Мартоса), и «неблагодарного» предателя, с другой – в трудах Петра Симоновского, Максима Берлинского, Дмитрия Бантыш-Каменского, Измаила Срезневского и особенно в «Истории Малороссии» Николая Маркевича. Стоит отметить, что для большинства украинских историков первой половины XIX века имели значение «польское» происхождение гетмана и его приверженность к католицизму.

Желание «выставить» гетмана из круга украинской элиты имело вполне логичное объяснение. В своем большинстве украинские историки указанного времени принадлежали к дворянским родам

из казацкой старшины, значительная часть которой, как известно, поддержала Мазепу или была обязана ему своим возвышением. В эпоху инкорпорации Гетманщины новоявленные дворяне желали видеть своих козацких предков «соучредителями» Российской империи, а не элитой «завоеванного» края, обязанной своим статусом правящей династии. В связи с этим к гетману применили козацкий принцип «твоя голова за все наши», что в «имперской традиции» позволялось: в петровских указах и манифестах пришедшие с Мазепой к Карлу XII козаки и старшина изображались в роли обманутых «лукавым гетманом» и против их воли приведенных к шведам.

Во второй половине XIX – начале XX века представители «народнической историографии» опровергали этническую отчужденность гетмана. Но гетман как «лях» по крови уступил место чуждому народу «ляху» по культуре. Владимир Антонович, Николай Костомаров, Михаил Грушевский готовы были признать, что в 1708 году Мазепа стремился защитить интересы козацкой государственности. Но отмечали, что гетманская политика, направленная на усиление привилегированного положения старшины, не учитывала интересы козаков и крестьян – потому последние и не поддержали гетмана-аристократа.

В России же историки вспоминали о гетмане либо в контексте описания событий времен Северной войны (1700–1721), либо в контексте изложения биографии и преобразований Петра Великого. В этой связи стоит отметить интерпретации фигуры гетмана, созданные в XIX веке Н. Г. Устряловым и С. М. Соловьевым. Забытый ныне автор школьных учебников по истории Н. Г. Устрялов создал малопривлекательный образ гетмана-авантюриста, весь жизненный путь которого был перманентным предательством. Упоминая в своей «Истории

Петра Великого» противоречивые аспекты гетманской биографии, историк полагал, что гетман решил изменить российскому престолу еще в 1689–1690 годах, желая перейти под протекцию польского короля Яна III Собеского.

С. М. Соловьев был намного осторожнее в выводах. Создатель самого известного российского нарратива воспроизвел в «Истории России» негативный образ гетмана, однако его планы порвать с царским престолом относил лишь к последним годам правления Мазепы. Для Соловьева Иван Степанович был представителем «испорченного поколения шатающихся черкас». Мазепа был недоволен возложенным на его плечи бременем войны со шведами, боялся преобразований, «но подчинялся силе обстоятельств, и, конечно умер бы верным слугою царским, если бы судьба не привела к русским границам Карла XII». Втянутый в борьбу между сильными правителями гетман «искзал спасения себе и отчизне, матке Украине в хитрости и двоедушии, не хотел разрывать с царем, а между тем на всякий случай сносился с Станиславом». В итоге историк констатировал «измену» Мазепы на общем фоне «малороссийского безнарядья» и указал, что Украина «не хотела быть заодно» с изменником.

А. Г. Брикнер в биографии Петра Великого отметил, что Мазепа «последовал ошибочному расчету и явился изменником России, но собственно его образ действий нельзя считать более безнравственным, чем союз, который два года спустя Петр заключил с молдавским господарем Кантемиром против турецкого султана». В. О. Ключевский походя оценил гетмана как «бесполезного предателя». С. Ф. Платонов, вслед за Костомаровым, обратил внимание на то, что измена гетмана отражала колебания самой «Малороссии» и ее старшины, которая «сочувствовала польскому строю жизни».

Изменения в оценках деятельности Мазепы произошли на рубеже XIX – XX веков с появлением политических партий, в программах которых поднимался вопрос о возрождении политической автономии Украины в составе Российской империи. На волне подобных настроений в 1897 году вышла книга черниговского земского деятеля, юриста по образованию и историка-любителя Федора Уманца «Гетман Мазепа». В отличие от своих предшественников, Уманец стремился показать, как гетман пытался сохранить и укрепить козацкую государственность, и представил своего героя как «великого актера», который возвел свою измену в ранг высокого искусства: «Эта измена артистической отделки, старинного итальянского письма, чарующей глаз простоты и свежести красок». Апологетическая монография была раскритикована за напыщенный стиль и источниковедческую беспомощность, однако представленный Уманцем образ стал популярным среди украинских историков, а сторонников украинской автономии или независимости называли не иначе как «мазепинцами».

Первая мировая война и борьба за государственность во время украинской революции 1917–1921 годов только способствовали вхождению гетмана в пантеон украинских героев-государственников. Более того, изучение деятельности Мазепы продолжалось и после 1921 года как в УССР, так и на западноукраинских землях в составе II Речи Посполитой. Но с начала 1930-х годов вместе со сворачиванием политики «украинизации» Мазепа вновь был лишен лавров героя. Согласно «Тезисам о 300-летии воссоединения Украины с Россией» (М., 1954), «украинский народ единодушно выступил против подлого предателя – гетмана Мазепы, пытавшегося оторвать Украину от России и восстановить ненавистное иноземное иго». Отныне

какие-либо «мазепинские» исследования оказывались неуместными. Исключение представляли разве что восстание правобережного казачества 1702–1704 годов и фигура его вождя Семена Палия. Советские историки вернулись к использованию образа гетмана-аристократа и эгоиста, созданного в XIX веке «народнической» историографией. Оценка «гетмана-злодея» стала даже еще более суровой – его теперь обвиняли в измене не столько царскому престолу, сколько русскому и украинскому народам и их братскому союзу. С точки зрения известного историка Н. И. Павленко, «Иван Степанович Мазепа принадлежал к числу тех людей, для которых не было ничего святого. В нем в одном сосредотачивались едва ли не все пороки человеческой натуры».

Таким злодеем – при сравнении со своим великим предшественником – старый гетман выглядит и в современной работе Г. А. Санина (2006): «Если Богдан Хмельницкий ради достижения высоких политических целей использовал в первую очередь методы честной и открытой дипломатии и войны, то единственной целью Мазепы была личная власть, а методами достижения этой цели были беспринципность, предательство своих покровителей и интрига, которые соединялись с умением обольстить и понравиться любому, от кого зависела судьба».

Во второй половине XX века этой темой интересовались преимущественно украинские историки в эмиграции и диаспоре – в ФРГ, США, Канаде и Швеции. Исследования Николая Андрусяка, Александра Оглоблина, Бориса Крупницкого, Богдана Кентржинского, Теодора Мацкива, Ореста Субтельного, Зенона Когута завершили формирование «державницкого» подхода к деятельности гетмана. С одной стороны, он противостоял российскому «имперскому» мифу о «втором Иуде», с другой –

знакомил читателя с западноевропейским видением гетманской фигуры, привносил новые факты в его биографию. Особо стоит отметить работы Ореста Субтельного. Продолжая рожденную Вольтером традицию, канадский украинист вписывал Мазепу в круг восставших героев, часто по совместительству еще и вассальных правителей Центрально-Восточной Европы (Ференца Ракоци, Станислава Лещинского, Дмитрия Кантемира), решившихся противостоять иноземным абсолютистским суверенам в их стремлении к упразднению автономии и «привилегий», местных элит и населения.

После возрождения в 1991 году независимости на правительстvenном уровне фигура гетмана рассматривалась как один из символов государственности, о чем свидетельствовало появление его изображения на банкноте в 10 гривен. В 1995 году появилась почтовая марка с изображением гетмана, а в 2000-х – специальные памятные монеты. В ноябре 1994 года в селе Мазепинцы, в Киевской области, был открыт первый в Украине памятник Мазепе. Открытие было торжественным, в нем принимал участие президент Украины Леонид Кучма, присутствовали иностранные послы, представители украинских партий, общественных организаций и правительства. В 2001 году был снят фильм «Молитва за гетьмана Мазепу» (реж. Юрий Ильенко), вызвавший в Украине и в России неоднозначные суждения о его художественном и историческом достоинстве.

Тем не менее отношение к гетману в первые годы украинской независимости было двойственным. С одной стороны, среди населения старшей возрастной группы и политических сил левого толка представления о гетмане соответствовали в основном парадигме советского школьного учебника, с другой – Мазепа становился символом западной, европейской ориентации

Украины. В риторике украинских элит в 1990-х годах доминирующая роль принадлежала другому гетману – Богдану Хмельницкому. Причислению Мазепы к пантеону национальных героев несомненно способствовали конфликты Украины и Российской Федерации в 1990–2000-х годах, споры вокруг цен на нефть и газ и запреты российских властей на ввоз украинских товаров. Пришедший к власти на волне «оранжевой революции» Виктор Ющенко видел в гетмане борца за украинскую государственность, реформатора и мецената. На церемонии инаугурации президента в качестве «священной реликвии» фигурировал золотой нательный крест гетмана. При Ющенко роль Мазепы в контексте формирования национальной памяти была одной из ведущих, уступая пальму первенства только голодомору 1932–1933 годов и деятельности Украинской повстанческой армии.

Украинское общество уже было готово к подобным метаморфозам. Согласно результатам опроса конкурса «Великі Українці», который проводился в 2007–2008 годах, Мазепа стал только одиннадцатым по счету. А в апреле 2015 года по результатам менее информационно раскрученного, в условиях войны, конкурса, определявшего трех наиболее известных украинцев, Иван Степанович занял уже шестое место^[4].

Свою лепту в метаморфозы гетманского образа привнесли и историки. В начале 2000-х подход «государственной» школы в историографии занял ведущие позиции, вытеснив на второй план «народническую визию». Его проявлением стали публикация эпистолярного наследия гетмана, осуществленная Вячеславом Станиславским; публикации мазепинских универсалов Институтом украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского и антологии источников, касающихся

политической и военной деятельности гетмана, собранных Сергеем Павленко. Среди новейших исследований интерес представляют работы Тараса Чухлиба, старавшегося вписать мазепинскую политику в концепцию поливассалитета; гетманская биография Сергея Павленко, а также исследования Зенона Когута, Сергея Плохия, Виктора Брехуненко, Ольги Ковалевской, Володимира Маслийчука, Алексея Сокирко.

Однако наибольший резонанс в мазепинские исследования в конце 2000-х привнесли работы петербургского украиниста Т. Г. Таировой-Яковлевой. Она впервые в российской историографии представила научное прочтение гетманской биографии, изложив ее на страницах двух монографий, вызвавших среди коллег-историков дискуссию^[5].

Ее участники отметили вклад автора в развенчание мифов о Мазепе как прирожденном изменнике, ее владение как российской, так и украинской литературой, попытку показать деятельность Мазепы как реального политика и дипломата, много сделавшего для формирования и осуществления российской внешней политики в отношении Речи Посполитой и Крыма. И в то же время указали на противоречия выводов Таировой-Яковлевой, ее фактические ошибки и явную идеализацию своего героя, превращающую научное исследование в панегирик. Однако в любом случае данные работы только подтолкнули ее коллег к новому поиску источников, способных пролить свет на жизнь и деятельность гетмана. Плодами подобных поисков можно считать последнюю монографию московского оппонента Таировой-Яковлевой К. А. Кочегарова о гетмане Иване Самойловиче, которая привносит много нового в освещение наименее изученного периода жизни Мазепы перед получением им булавы.

Отдельно несколько слов стоит сказать об образе Мазепы в школьных учебниках истории обоих государств. В современных украинских учебниках из чуждого народу феодала, лелеявшего планы о возвращении Гетманщины под власть польского короля и шляхты, гетман преобразился в высокообразованного политика, стремившегося объединить под своею булавою все украинские земли, и мецената, не жалевшего денег на развитие образования, строительство церквей, книгопечатание; наконец – борца за независимость Украины, восставшего против замыслов ликвидировать украинскую автономию. В отличие от советских времен, когда гетману посвящалось лишь по несколько строк на 2-3 страницах в связи с упоминанием его роли в аресте фастовского полковника Семена Палия, одного из вождей «казацко-крестьянского» восстания на Правобережной Украине в 1702–1704 годах, и переходе на сторону Карла XII в 1708 году, современные учебники для 8 класса детально излагают гетманскую биографию и правление. После 1997 года в любом учебнике истории Украины мазепинская эпоха занимает не менее 20 страниц текста, обильно снабженных иллюстрациями.

Российские же учебники лаконичны и не всегда вразумительны. Одно из самых распространенных пособий сообщает, что непонятно откуда взявшийся гетман Мазепа «вступил в тайный сговор с Карлом и Станиславом Лещинским»; в другом он, как и бывшие до него гетманы, являлся предателем и терпеливо ждал возможности «переметнуться в шведский лагерь», а затем решил короля предать, но и этого обещания не выполнил, поскольку «таков был этот авантюрист» и «борец за независимость Украины». В третьем – гетман и его сторонники собирались «вернуть Левобережную Украину в подданство польского короля

на условиях сохранения своих «прав и привилегий», которые рядовых украинских козаков «не привлекали»^[6].

Вряд ли фигура Мазепы в скором времени перестанет быть яблоком раздора. Однако публикация новых источников и знакомство с историографией «мазепиады» подтачивает мифы, окружающие фигуру гетмана. Можно надеяться, что со временем интерпретации российских и украинских исследователей относительно его жизни и деятельности перестанут быть диаметрально противоположными. Эпоха Мазепы перестанет быть «полем битвы историков», а его деятельность будет оцениваться не только исходя из его выступления против царя в конце жизни.

Извилистая судьба

К моменту своего перехода на сторону Карла XII в 1708 году Иван Степанович Мазепа уже 21 год был правителем Гетманщины. Родившийся, как считается, 20 марта 1639 года в семье украинского шляхтича Степана Адама Мазепы-Колединского, Иван был чуть ли не первым гетманом непосредственно не участвовавшим в «козацкой революции» 1648–1657 годов. Его отец, белоцерковский атаман, подобно большинству старшин времен «Хмельниччины» в 1654 году принял Переяславско-Московские соглашения, его подпись находится в присяжных книгах Переяславского полка. В дальнейшем он поддержал гетмана Ивана Выговского, радея за создание «Речи Посполитой Трех Народов», где украинские и часть белорусских земель должны были быть объединены в «Великом княжестве Русском» под властью казацкого гетмана. Протекция Выговского обеспечила Адаму Степану королевскую милость и замену ленного владения Мазепинцами на наследственное. Стараниями отца сын после учебы в Киево-Могилянской коллегии попал в окружение Яна II Казимира. Проучившись три года за границей, в частности в Голландии, где в городе Девентере молодой Мазепа изучал артиллерийское дело, а также в Италии, Германии, Париже и на юге Франции, наш герой вернулся ко двору и продолжил службу как королевский паж, которого король отправлял в посольства, в частности к гетману Павлу Тетере.

К 1661 году относится его конфликт с послом конфедератов времен рокоша гетмана Ежи Любомирского, Яном Хризостомом Пасеком. В воспоминаниях Пасек приписал Мазепе роман на Волыни с пани Фальбовской, когда ревнивый пан Фальбовский,

якобы поймав молодого ловеласа, привязал его голым на лошадь и пустил ее на все четыре стороны. Этот рассказ, принятый за чистую монету многими историками, лег в основание одного из мифов о Мазепе. Склонный к распутному образу жизни в молодости, согласно логике целого ряда историков, Мазепа продолжал свои похождения и в старости, «совратив» Мотрю Кочубей. Критический анализ мемуаров Пасека убедил польских исследователей, что их автор выливал на своих недругов не один ушат грязи. В случае с Мазепой это было сделано искусно с обращением к античному мифу об Ипполите и Федре. Однако Иван Мазепа в действительности оставил двор в 1663–1664 годах, чтобы ухаживать за престарелым отцом, чье здоровье пошатнулось.

После отречения от престола Яна Казимира в 1668 году Мазепа начал службу при чигиринском дворе гетмана Петра Дорошенко. На тот момент он уже женился на вдове белоцерковского полковника Ганне Фридрикевич. Хотя его избранница была старше его и имела детей от предыдущего брака, в действиях будущего гетмана не было ничего удивительного. Козацкая элита во многом, в том числе и в вопросе брачных связей, копировала обычай и нормы жизни шляхты и магнатов Речи Посполитой. Отец Ганны был полковником при Хмельницком, а у Дорошенко входил в круг генеральной старшины, и этот брак существенно улучшил позиции Мазепы.

Дорошенко назначил Мазепу ротмистром гетманской хоругви и использовал его в дипломатических миссиях, прежде всего в Крым. Во время одной такой поездки в 1674 году наш герой попал в плен к запорожцам и их кошевому Ивану Сирко. Пленником заинтересовались левобережный гетман Иван Самойлович и царские сановники, и кошевой был вынужден

выдать Мазепу. Пребывание при батуринском дворе, а потом и в Москве прошло для пленного без негативных последствий. Тот факт, что правобережный гетман не выкупил своего дипломата, делал Мазепу свободным от прежней службы, и он перешел на службу к Самойловичу.

Карьера при батуринском дворе у гетмана развивалась не так успешно, как у другого доношенковца Василия Кочубея, который, перейдя на службу к Самойловичу, остался в рядах генеральной старшины и сохранил должность генерального писаря. Мазепа начинал службу как гетманский дворянин, в 1676 году он был всего лишь значным войсковым товарищем и лишь в 1681 году стал генеральным есаулом. На службе у Самойловича бывший доношенковец по-прежнему ездил в посольства; теперь его поездки были, однако, связаны в основном с Москвой, что позволило ему установить знакомства с московской аристократией и представителями придворных «партий» Нарышкиных и Милославских.

Эти контакты сыграли важную роль в жизни генерального есаула. После неудачного Крымского похода 1687 года закатилась звезда Ивана Самойловича. Гетманом был недоволен командующий походом В. В. Голицын. Князь знал, что гетман был недоволен условиями «Вечного мира» 1686 года, выступал против союза с Речью Посполитой и войны с Крымским ханством и Турцией. Самойлович желал войны именно с Польшей, стремясь объединить под своей булавой оба берега Днепра. Обвиненный в измене, гетман был низложен и выслан в Москву вместе с младшим сыном Яковом.

Тут и сыграло свою роль знакомство генерального есаула с руководившим внешней политикой России В. В. Голицыным. Хотя в старшинском заговоре главные роли принадлежали Василию

Кочубею, Василию Борковскому и Саве Прокоповичу, гетманскую булаву получил именно Мазепа – он не обладал сильными позициями среди старшины, а потому идеально подходил на роль «управляемого» и зависимого гетмана.

Его властные прерогативы были существенно урезаны «Коломацкими статьями» 1687 года, которые декларативно начинались с «подтверждения» статей Богдана Хмельницкого. Но теперь гетман не имел возможности смещать генеральную старшину, а старшинские доносы на него поощрялись; введенные при Самойловиче аренды как система налогообложения подлежали ликвидации; процедура избрания и смещения гетмана должна была происходить лишь при наличии царского указа; для охраны гетмана в Батурине размещался полк стрельцов. Одновременно, согласно условиям «Вечного мира», на гетмана возлагались обязанности по строительству на территории Войска Запорожского низового будущей Новобогородицкой крепости как плацдарма для дальнейших походов на Крым. Ее возведение тут же обострило взаимоотношения гетмана с запорожским казачеством, не без основания видевшим в ней угрозу своим вольностям. Единственным позитивным моментом в этой ситуации был тот факт, что Москва брала на себя обязательство «войско Запорожское и малороссийский народ держать в милости своей государской и от неприятеля во всякой обороне».

Первые годы мазепинского правления были отнюдь не легкими. Против гетмана интриговала старшина. Второй Крымский поход 1689 года сопровождался столкновениями с ханскими войсками, стоянием под Перекопом, а потом тяжелым отступлением, приведшими к значительным потерям. Юный царь Петр отказывался чествовать «победителя» Голицына, в «партии» Нарышкиных прекрасно знали о походных реалиях. Одним из

источников этой информации был украинский гетман, писавший о трудностях похода патриарху Иоакиму. Еще во время службы у Самойловича Мазепа завел знакомства и среди сторонников Петра, и в 1689 году это дало свои плоды. После похода в Крым Голицын пригласил гетмана вместе с генеральной старшиной в Москву. Гетман подходил на роль виновника неудачи, но, как часто бывает в истории, все пошло несколько иначе. В августе 1689 года во время борьбы за власть «партий» Петра и царевны Софьи Мазепа принял сторону царя и сумел сохранить его расположение.

Встреча гетмана с царем в сентябре в Лавре заложила основы длительного и взаимовыгодного сотрудничества суверена и вассала. Его краеугольным камнем были «Московские статьи» 1689 года, укреплявшие власть гетмана. Статьи возвращали Мазепе экономические рычаги управления Гетманщиной (восстановление аренды как системы налогообложения); гетману предоставлялось исключительное право земельных пожалований. Негласно Мазепе возвращалась свобода действий и на внешнеполитической арене. Совершая поворот внешней политики страны в конце XVII века, Петр I доверил дела на юге ведению гетмана, несмотря на постоянные доносы на него из рядов старшины – в их числе и знаменитый донос Кочубея и Искры, который, кстати, не содержал доказательств измены гетмана. Пользуясь доверием царя, Мазепа сумел устраниТЬ своих недругов с большинства занимаемых ими должностей. Гетман сумел и на запорожцев надеть «строгий ошейник», держа под своим контролем поставку на Сечь продовольствия и внимательно следя, чтобы низовики не входили в контакты с Бахчисараем и Варшавой, уменьшил их влияние на политическую жизнь Гетманщины.

Глава Посольского приказа Ф. А. Головин регулярно информировал гетмана о текущих событиях, а Петр спрашивал его советов по поводу заключения союза с Речью Посполитой в 1701 году. По жалобам гетмана начинались уголовные дела против совершивших злоупотребления на Украине российских военных. Гетманское мнение и добытая им по собственным каналам информация играли ключевую роль в формировании политики России в отношении Речи Посполитой, Крымского ханства, Порты и Дунайских княжеств. За заслуги Мазепа стал в 1700 году вторым кавалером ордена Андрея Первозванного, а в 1707 году по ходатайству Петра I получил титул князя Священной Римской империи.

Совместные действия гетманских и царских войск в 1695 году завершились взятием Казикермена и трех других крепостей в низовьях Днепра. В 1696 году казацкий корпус наказного гетмана, полковника черниговского Якова Лизогуба сыграл немалую роль в завоевании Азова. Стремясь увеличить боеспособность казацкого войска, гетман к 1708 году довел численность наемных кампанейских полков до десяти. Постоянное войско могло бы стать основой регулярной армии. Однако для этого необходимо было изменить систему налогообложения и создать бюрократический аппарат, к чему сам Мазепа и общество Гетманщины вряд ли были готовы. Начавшийся при Иване Самойловиче выход из Руины (1657–1687) был сложным и болезненным. Старшина опасалась любых попыток укрепления гетманской власти. В Москве также следили, чтобы вассал не оказался достаточно сильным, дабы не нуждаться в протекции. По иронии судьбы Гетманщина требовала радикальных реформ, но незавершенные процессы социального и государственного строительства не предоставляли социальной

базы, на которую мог бы опереться тот или иной гетман в их осуществлении.

Возникнув как военизированное государство, где активно проходило массовое показачивание представителей иных сословий, Гетманщина и в более спокойное время не могла остановить этого процесса. Во второй половине XVII–XVIII веков украинское козачество оставалось открытым сословием, принимавшим в свои ряды выходцев из крестьян-посполитых, мещан и шляхты. В итоге в социальной структуре Гетманата на 1720 год, согласно данным работы Ореста Субтельного, к козачеству принадлежало 40 % населения, претендовавшего на все привилегии данного сословия, однако далеко не всегда соответствовавшего славному имени «людей войсковых».

Продолжая культурно наследовать традиции Речи Посполитой, украинские гетманы видели перед собой лишь образцы умеренных реформ. Они могли лишь улучшить действие существующего государственного механизма, который требовал значительных преобразований. В этих рамках Мазепа увеличивал численность компанейских полков, но не отказывался и от существования казацкого войска. Еще в 1688 году гетман высказывался за оптимизацию реестра, разделение казаков на «лучших и добрых», способных нести военную службу, и тех, кто должен был им в этом помогать. Однако, чтобы избежать потрясений, гетман лишь в 1701 году начал осуществлять свой план в четырех сотнях Нежинского полка. Увеличению бюрократического аппарата должно было способствовать увеличение числа «знатных» и «бунчуковых товарищей», в число которых попадали старшины, не имеющие «урядов». Подобно тому как король Ян Собеский и его предшественники стремились заручиться лояльностью магнатов и шляхты путем раздачи земель,

Мазепа таким же образом стремился заручиться лояльностью старшины. Мазепа и сам стал владельцем 19 654 дворов на Украине и 4117 дворов (всего порядка 100 000 душ) в южных уездах России – то есть одним из богатейших людей своего времени.

Гетман был видным меценатом: на его счету 12 построенных и 20 отремонтированных церквей. На его личные средства было построено новое помещение Киево-Могилянской академии, а в 1700 году был основан Черниговский коллегиум. Его пожертвования не ограничивались территорией Гетманщины, а достигали Палестины (серебряный алтарь для Гроба господня) и Вильно. Его вклад в культурное развитие был столь значительным, что в Украине до сих пор расцвет барокко связывают именно с правлением Мазепы. А Киево-Могилянскую академию еще при его жизни начали называть «Могилянско-Мазепинской».

Полтавский пленник

Вступление России в Северную войну принесло гетману наибольший политический триумф – распространение в 1704 году его власти на Правобережную Украину. Мечта украинских гетманов времен Руины об объединении под одной булавой всех земель государства Хмельницкого, о чём безуспешно грезили Дорошенко и Самойлович, стала реальностью. Но одновременно близился и трагический закат политической карьеры.

Война тяжелым бременем легла на Гетманщину. Царь постоянно требовал отправки на различные участки противостояния со шведами конных казацких полков – при нехватке собственной кавалерии, уступавшей своими качествами шведской. Украинцы воевали в Лифляндии, Белоруссии и на территории самой Польши против шведов и их ставленника – польского короля Станислава Лещинского. Сам Мазепа в 1705–1706 годах во главе своих полков ходил в Польшу и Литву. Действия вдали от дома не несли козакам прибыли, оборачиваясь лишь убытками, поскольку вопрос логистики не был сильной стороной царских сановников первых лет войны.

Впервые козацкие части напрямую подчинялись офицерам регулярной армии и были лишены оперативно-тактической самостоятельности. Командиры, особенно иноземцы, не вникали в особенности статуса, условия службы и боевого применения гетманцев: наказывали рядовых и старшин, отбирали у козаков для своих подчиненных коней, амуницию и добычу. Апелляции к гетману и обращения того к царскому правительству дела не меняли. Среди козаков росло недовольство «московским» гетманом, мало пекущимся об их интересах. Ситуацию ухудшали

и обычные злоключения гражданского населения от маршей и квартирования на территории Гетманщины царских войск.

С 1705 года среди козаков и старшины активно начали шириться слухи о намерении реформировать войско, обратив его в «регулярию» на прусский манер. Слухи вызывали страх за свое будущее, старшина роптала, требовала от гетмана действий и... обращалась к чтению текстов Гадяцких статей 1658 года. Страхи не были беспочвенными. Петровские преобразования хоть и не имели определенного плана и отличались хаотичностью, но не могли обойти Гетманщины. В 1707 году царь начал серию реформ, непосредственно касающихся Украины.

У историков существуют разные взгляды на то, что собирался делать Петр I и намеревался ли он включать украинские земли в состав Киевской и Азовской губерний. Однако в ходе реформ возрастало значение киевского губернатора, в ведение которого переходили крепости и их гарнизоны; царь принял решение о реформировании козацкого войска в «компании» и о переподчинении Малороссийского приказа Разрядному. Петровские планы фактически возводили над Гетманщиной имперский каркас, внутренние опоры которого вбивались в тело созданного Хмельницким государства. О своих нововведениях царь сообщил гетману в апреле 1707 года в Жолкве сразу после Пасхи. Тогда же гетман (обеспокоенный возможностью вторжения зависимого от Карла XII короля Речи Посполитой Станислава Лещинского) просил царя о предоставлении 10-тысячного корпуса. Петр тогда ответил, что не даст и 10 солдат, не то что 10 тысяч.

Вырабатывая в Жолкве планы противодействия походу Карла XII на Москву, царь тогда же сообщил гетману, что против шведов будет применена, говоря современным языком, тактика

выжженной земли. Двумя месяцами раньше, встречаясь в Жолкве с представителями антишведской Сандомирской конфедерации – на тот момент единственными союзниками в борьбе с Карлом XII, Петр I пообещал представителям Речи Посполитой вернуть Правобережную Украину.

Для Мазепы петровские откровения в Жолкве были громом среди ясного неба. Они не вписывались в практику козацко-московских договоренностей, «освященных» статьями Богдана Хмельницкого. Если до сего момента гетман, вопреки ропоту старшины, был верным приверженцам царя, поскольку его протекция позволяла ему проводить политику укрепления государственных институтов Гетманщины и даже объединить под своей властью оба берега Днепра, то теперь ситуация изменилась. Сам факт перераспределения полномочий, то, что московские власти стали требовать у гетмана отчета о том, что раньше пребывало исключительно в его компетенции, вызвало у старшины и Мазепы страх за будущее, грозящее превращением Гетманщины из вассального/автономного государства в российскую провинцию. В таких обстоятельствах разочарованный в московской протекции гетман пошел традиционным для его предшественников путем – начал искать контактов с противником царя Карлом XII.

Рассчитывая разыграть, подобно Хмельницкому, шведскую карту, гетман не имел простора для маневра. Старшина была недовольна тяготами войны и своеволием россиян. Как отмечали Михаил Грушевский и Дмитрий Дорошенко, если бы гетман не восстал против царя, старшина сместила бы гетмана. В этой связи донос Василия Кочубея и Ивана Искры весьма показателен – не имея прямых улик, генеральный судья обвинял гетмана в полонофильстве и симпатиях к татарской орде. Тот факт, что

вопреки своему обычаю миловать доносчиков, гетман казнил Кочубея и Искру, позволяет предположить, что это было предупреждение тем представителям козацкой элиты, кто уже готовился посостязаться за булаву.

Что же касается отношений гетмана к Речи Посполитой и королю Станиславу, то Мазепа отдавал себе отчет, что глава варшавской конфедерации держится исключительно на штыках шведских солдат. Не имея возможности сделать ни шага без санкции Карла XII, Лещинский хвастался перед окружением своими контактами с гетманом. Бахвальство выдавало желаемое за действительное. Отвечая на призыв короля Станислава вернуться в лоно Речи Посполитой, гетман ехидно советовал королю для начала Речь Посполитую объединить под своей властью. Хотя «имперский» миф советских времен активно апеллировал к петровскому постулату о том, что Мазепа хотел вернуть Украина под «лядское иго», затушевывая другое петровское обвинение в желании гетмана стать независимым правителем, этот тезис так и не нашел документального подтверждения. В 1960-х годах польский исследователь Ян Перденя и украинский историк-эмигрант Богдан Кентржинский, работавший после войны в шведских архивах, независимо друг от друга пришли к выводу, что договора между Лещинским и Мазепой не существовало.

Как ни парадоксально, но гетман ничего не сделал, чтобы подготовить восстание. Скорее всего, он действовал в соответствии с крылатым выражением *«festina lente»*. В 1708 году исход противостояния Петра и Карла XII выглядел далеко не столь очевидным, а победа шведов и завоевание Украины обещали еще меньше, чем петровские преобразования. Переход на сторону Карла виделся возможностью попытаться спасти хоть

что-то из достигнутого за время своего гетманства. Однако теперь у него под рукой не было реальной военной силы – большинство реестровых и кампанейских полков были раскиданы на разных участках Северной войны и подчинялись российским командующим.

Непосредственно к выступлению в октябре 1708 года гетмана, страдавшего от обострения подагры, подтолкнуло сообщение племянника Андрея Войнаровского о том, что в Батурина движется Меньшиков с целью арестовать гетмана. Дальнейшая история достаточно хорошо известна, чтобы ее детально пересказывать. Переход гетмана на сторону Карла XII не вызвал катастрофы, подобной Чудновской в 1660 году. Действия Мазепы были парализованы мерами российских властей. Манифест 28 октября 1708 года извещал об измене гетмана, якобы собиравшегося отдать Украину полякам и ввести унию; этот же акт отменял податные «тягости» и «аренды» (откупа). Затем последовал разгром гетманской столицы – Батурина. Силы, на которые мог рассчитывать гетман, были уничтожены, как и сам город. 6 ноября в Глухове в присутствии Петра I был провозглашен новый гетман. Там же Мазепа был проклят церковью, с его чучела-«персоны» сорвали орденскую ленту и «оную персону бросили в палачевские руки, которую палач взял и, прицепя за веревку, тащил по улице и по площади даже до виселицы и потом повесил». 7 ноября грамота царя на имя гетмана Ивана Скоропадского обещала всем вернувшимся от Мазепы в течение месяца амнистию. Манифест 9 ноября объявлял «таксу» за пленных: 3000 рублей за генерала, 1000 рублей за полковника – и так далее до 5 рублей за рядового и 3 рублей за мертвого шведа. Проявившие лояльность представители старшины «по мазепиной измене» получили награды – земли с крестьянами.

В борьбе за контроль над Украиной Петр впервые в истории козацко-московских отношений сумел применить весь арсенал средств абсолютного монарха, чтобы добиться лояльности значительной части украинского населения и использовать экономические ресурсы Гетманщины для обеспечения собственной армии.

Сам же гетман уже через месяц начал переговоры с Петром о выдаче ему Карла XII. Из шведского лагеря Мазепа пообещал Петру I захватить в плен шведского короля и вновь стать верным подданным под международные гарантии собственной безопасности. История эта остается загадочной. Высказано предположение, что царское согласие было провокацией в целях дискредитации Мазепы в глазах шведов^[7]. Если это так, то цели оно достигло: гетман постоянно находился под «почетной» охраной шведов, а когда за несколько дней до Полтавской битвы выехал в боевой готовности – его попросили вернуться в обоз, где он находился во время сражения.

После Полтавы Мазепа успел, несмотря на погоню, найти убежище в турецких владениях. Российский посол в Стамбуле П. А. Толстой уже 2 августа 1709 года потребовал выдать короля и Мазепу. Понимая, что Карла XII турки не отадут, он хлопотал о выдаче Мазепы как изменника-«подданного» и получил от царя разрешение предложить за эту услугу визирю и другим вельможам до 300 000 талеров. Дипломат предупреждал, что если гетман примет ислам в расчете на невыдачу одноверца, «то его царское величество примет за самую противность и не может сего снести». Толстой знал, что среди турецких вельмож есть сторонники выдачи беглеца. Но до этого дело не дошло: 22 сентября 1709 года Мазепа умер и был похоронен в монастыре

св. Георгия (Юра) в Галаце. Могила до нашего времени не сохранилась.

Подводя итоги, можно сказать, что Мазепа смог в начале своего правления расширить урезанные прежде гетманские полномочия; он добился финансовой независимости и, пользуясь авторитетом у Петра, сумел худо-бедно отстаивать автономию Украины. Насколько это могло бы удаваться ему и далее – большой вопрос. Но уход к шведам резко изменил ситуацию; отныне Петр утратил доверие к гетманству и старшине. Эпоха козацко-московских договоренностей и попыток гетманов добиться независимости для Гетманщины закончилась. В эпоху империи гетманы были способны лишь сдерживать инкорпорационные стремления Романовых, но открыто противостоять им у преемников Мазепы не было ни сил, ни возможностей.

Владимир Маслийчук. Александр Каменский. Екатерина II. Украина в тисках просвещения

Образ истории Украины в период правления императрицы Екатерины II (1762–1796), сложившийся в массовом сознании украинцев и россиян, носит очень противоречивый характер. Российские историки, изучая историю России этого периода, редко уделяли Украине особое внимание, рассматривая происходившие там процессы как часть общеимперских. Сведения по украинской истории екатерининского времени практически отсутствовали и отсутствуют сегодня на страницах школьных учебников по истории, и «средний россиянин» вряд ли сумеет назвать какие-либо относящиеся к ней конкретные факты.

В украинской же историографии и общественном сознании начиная с середины XIX века в документах Кирилло-Мефодиевского братства, поэзии Тараса Шевченко, публицистике Михаила Драгоманова, во взглядах Дмитрия Эварницкого, исторических трудах Михаила Грушевского и других постепенно сложился и утвердился образ упадка Украины во время правления Екатерины II.

Действительно, именно в царствование Екатерины были уничтожены казацкие автономии (слободские полки и «гетманщина»), уничтожена Запорожская сечь, введено крепостное право (запрет крестьянских переходов 1783 года), местная старшина путем уступки политических полномочий получила дворянское достоинство, старая школа с учебой при церквях и «школах» была практически ликвидирована, а коллегии и Киевская академия из всесословных учебных заведений

превращены в узкосословные схоластические семинарии. Российской власти приписывают предательство интересов православных участников гайдамацкого восстания 1768 года («Колиивщины») на Правобережной Украине, репрессии против бывших запорожцев, суровую политику унификации. В вину российской императрице нередко ставят и то, что разделы Речи Посполитой и присоединение к России Северного Причерноморья происходили в русле имперской политики без учета интересов местного населения. Таким образом, время Екатерины II – это время окончательной потери левобережной Украиной остатков своей автономии и завершения процесса ее интеграции в состав Российской империи.

В повести «Печать (заметки просвитянского агитатора)» одного из самых ярких украинских прозаиков XX века Бориса Антоненко-Давидовича, повествование в которой идет от имени молодого украинского национального агитатора в 1917 году на «русифицированной Слобожанщине», имеется такой эпизод. В небольшом волостном центре агитаторы столкнулись с контрагитацией со стороны одного солдата. После выступления оратора-большевика слово взял Андрей Осадчий, представитель национальных сил и наверняка самая яркая личность в этой повести:

«...Я вас спрашиваю, кто мы такие... Мы украинцы... – А кто такие украинцы, я вас спрашиваю! – и опять сам себе ответил: – Это те, которых угнетали царица Екатерина и царь Петр еще двести лет назад! А кто такая была царица Екатерина, я вас спрашиваю! Да это не вам говоря, была такая курва, что...

Здесь Осадчий понизил тон своего голоса и по-домашнему начал рассказывать срамные подробности из любовных приключений царицы. Его чрезвычайная фантазия помогала ему

надлежащим способом нарисовать распутный образ легкомысленной царицы, угнетательницы славных запорожцев. Он рассказывал о ней такие истории, такие детали, что уверен, даже самый педантичный, самый тщательный историк, посвятивший всю свою жизнь Екатерининской эпохе, не знал и сотой части с того всего, что тут так образно и щедро преподнес Осадчий дядькам в своей речи. И хотите верьте, а хотите нет – этим он их победил... А Осадчий был и был дальше. Слушая его, я невольно подумал: ему б еще немного образования, и точно, из него бы вышел неплохой порнографический беллетрист. Окончив свои филиппики, Осадчий вздохнул и подытожил:

– Вот эти любовники Екатерины, вот эти блудолизы проклятые (дядькам почему-то понравилось слово „блудолизы“, и они снова захотели) и забрали запорожские земли, а нас обратили в московское крепостное рабство!..

Я просто-напросто завидовал Осадчему. Меня одолевала досада: вот я закончил почти с медалью гимназию, и вся моя тщательно выученная наука, как оказалось, для Украины, здесь среди крестьян на востоке, совсем не нужная, она залежалый и не нужный товар...

А этот невежда Осадчий, способный нести околесицу о Екатерине и запорожцах, может сделать с крестьянами все что угодно...»

Уже первый украинский модерный политический документ кирилло-мефодиевцев «Закон Божий (Книги бытия украинского народа)» (автором считается Николай Костомаров), написанный, вероятно, в 1845 году, унижительно характеризирует политику Екатерины II для Украины: «А немка царица Екатерина, курва всемирная, безбожница, убийца мужа своего, окончательно убила казачество и свободу, отобрав тех, кто был в Украине старшими,

наделила их панством и землями, отдав им вольную братию в ярмо, и сделала одних панами, а других невольниками... И пропала Украина. Но так только кажется».

Еще более яркая патетика звучит в стихотворении Тараса Шевченко «Сон», описывающем прогулку по Петербургу возле памятника Петру Первому:

Подхожу, читаю,
Что написано на камне:
«Первому – вторая»
Поставила это диво
О! Теперь я знаю:
этот – первый, распинал он
нашу Украину.
А вторая доконала
вдову-сиротину.
Кровопийцы! Людоеды!
Напились живою
нашей кровью! А что взяли
на тот свет с собою?

Подобное представление о Екатерине несомненно сформировалось под влиянием романтизма. Однако следует иметь в виду, что украинское движение испытывало и влияние польских сторонников восстановления Речи Посполитой. Характеристика императрицы, при которой это государство подверглось трем разделам и перестало существовать, была насыщена отрицательными чертами. Важно и неоднородное отношение к Екатерине II в российской историографии и

общественной мысли, от которой также очень зависело украинское изображение прошлого.

Некоторые российские историки XIX века негативно воспринимали навязывание России просветительских (читай: западных) стандартов. Впечатление о показушности екатерининских мероприятий в консервативном российском обществе было усилено публикацией в 1877 году записок ссыльного «малоросса» Григория Винского с его неприязнью к показухе и всеобщей коррупции и идеализацией своей малороссийской патриархальной родины. Екатерина для Винского: «сыгравши первое действие своей политической фамы довольно удачно, вздумала народ свой занять, ослепить и Европе бросить несколько в глаза пыли блистательными торжествами и премудрыми новыми, ежели не законами, то учреждениями».

В украинской исторической беллетристике и даже в сочинениях некоторых историков (того же Николая Костомарова) императрица изображалась развратной немкой, раздающей украинские земли немецким колонистам и своим любовникам. Впрочем, тема фаворитов Екатерины – это излюбленная тема и немалого числа русских сочинителей XIX–XX веков.

Однако отношение к личности Екатерины и времени ее правления в украинской историографии начало критически пересматриваться уже во время великих реформ в Российской империи, обостривших многие вопросы как общественной жизни, так и их исторических истоков. Первым существенным ударом по отрицательному образу имперской администрации стали работы Александра Лазаревского, который на основе огромной источниковой базы доказывал, что введение крепостного права на землях Гетманщины – следствие длительного процесса, а указ о запрете перехода крестьян 3 мая 1783 года только узаконил

настоящее положение и был воплощением желаний местных помещиков. Одним из основных вопросов для украинской историографии и особенно ее народнического извода стал вопрос о «предательстве элиты», отказ ее от национальных скреп и корней и связанная с этим моральная деградация, страсть к обогащению, стяжательству, ярко выступающая во многих работах Лазаревского. Эта неприязнь к высшим слоям общества привела к идее об особенной роли Екатерины II в процессе отказа «малорусского шляхетства» от своих обычаев.

Еще более существенные оговорки можно наблюдать у Михаила Драгоманова, без преувеличения, самого эрудированного украинского мыслителя второй половины XIX века. Для Драгоманова существование украинцев в Российской империи – «пропащее время», время огромных потерь в общественной жизни. Но на многие вопросы он смотрит по-другому и критически. Наиболее важными проблемами для Украины в XVIII веке, решенными как раз Российской империей, Драгоманов считал ликвидацию Речи Посполитой и Крымского ханства. Драгоманов признавал большое значение объединения большинства украинских земель в одном государстве. В присоединении Крыма и Северного Причерноморья он видел выход для украинской колонизационной стихии ограниченной татарскими набегами.

Отношение к Екатерине и ее времени в украинской историографии значительно изменилось и под влиянием таких историков, как, к примеру, Александр Оглоблин (1899–1992), усматривавший во времени Екатерины и казацком автономизме начало будущего украинского национального движения. Даже возвращение к «национальному видению», присущее украинской историографии 1990-х – начала 2000-х годов, существенно

подкорректировало образ императрицы и ее правления. Во многом это произошло благодаря, в частности, работам Зенона Когута (р. 1944) и попыткам понять политику так называемого «просвещенного абсолютизма», с которым традиционно связывают правление Екатерины II.

Для современного украинского историка и современной политики исторической памяти образ Екатерины II – это своего рода лакмусовая бумажка, часто определяющая уровень политической ангажированности. Яркий пример – восстановление памятника «основателям» во главе с Екатериной II на Екатерининской площади в Одессе в 2007 году, переросшее в столкновения сторонников и противников памятника. Суды о законности установления монумента продолжаются до сих пор.

В СССР историки рассматривали царствование Екатерины II преимущественно с классовых позиций, делая акцент в первую очередь на усилении в это время крепостного права. В постсоветское время в российской историографии образ императрицы и представление о ее роли в истории России были также в значительной мере скорректированы исследованиями Олега Омельченко, Александра Каменского, Вячеслава Лопатина, Ольги Елисеевой, Галины Бабковой и других историков, убедительно доказывающих, что Екатерина II является одной из наиболее значимых фигур русской истории и одним из наиболее успешных российских реформаторов.

Просвещенная унификация

Для того чтобы понять (именно понять, а не оправдать!) политику Екатерины в отношении Украины, нужно иметь в виду несколько важных обстоятельств. Во-первых, нет никаких оснований предполагать, что у императрицы было какое-то особое, предвзятое или даже недоброжелательное отношение к украинцам. Единственный эпизод, который мог бы настроить ее подобным образом, – это неудавшаяся в 1764 году попытка украинца Василия Мировича освободить из Шлиссельбургской крепости известного гетмана Иоанна Антоновича. Возможно, это ускорило ликвидацию гетманства: за попытку государственного переворота 15 сентября того же года Мирович был казнен, а через два месяца (23 ноября) сложил свои полномочия последний украинский гетман Кирилл Разумовский, давший Мировичу неуклюжий совет и не вовремя пожелавший сделать должность гетмана наследственной. Впоследствии, однако, в ближайшем окружении Екатерины было немало украинцев, принимавших непосредственное участие в управлении страной, как, например, А. А. Безбородко, П. В. Завадовский, А. В. Храповицкий, А. М. Грибовский, Д. П. Трощинский и др.

Во-вторых, во времена вступления Екатерины II на престол не только в России, но и в западноевропейской политической мысли понятие нация еще не приобрело то значение, в котором оно известно сегодня и которое стало складываться лишь на рубеже XVIII–XIX веков после Великой французской революции. Не существовало еще таких понятий, как национальная культура, национальные интересы и т. д. Именно в правление Екатерины, как считают многие историки, начинает формироваться этнически окрашенное русское национальное самосознание, появляются

первые ростки русского национализма. Что же касается других народов империи, то по понятным причинам их национальное самосознание складывается еще позже: в середине – второй половине XIX века. Екатерина, конечно же, сознавала, что управляет страной, населенной разными народами, но различала их главным образом по вероисповеданию. Православных же украинцев, проживавших как в Левобережной, так и в Правобережной Украине (как, впрочем, и белорусов), в то время было принято называть единоверными и единоплеменными.

Наконец, в-третьих, идеи и мотивы, которыми руководствовалась российская императрица в своей политике и в отношении Украины, и в целом в отношении страны, частью которой была в то время Украина, представляли собой смесь теоретических положений европейского Просвещения и соображений сугубо рациональных и прагматических и, конечно, продолжали политику предыдущих российских монархов в отношении «окраин». Согласно просветителям, основная задача просвещенного монарха – создать для подданных справедливые законы, которые гарантировали бы им безопасность и благоденствие, а также обеспечить их выполнение. Понятно, что это должны были быть законы, одинаковые для всех подданных. Более того, именно посредством этого, как считалось, обеспечивалось равенство – равенство, конечно же, не социальное, поскольку сохранялись сословия, наделявшие своих членов определенными правами и привилегиями, но равенство перед законом. В своем Наказе депутатам Уложенной комиссии, которые и были созваны для разработки таких законов, Екатерина писала: «равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам».

Но создать одинаковые законы для всего населения и распространить их действие на всю территорию империи можно было лишь при наличии единообразной, унифицированной системы административного управления. Это вполне соответствовало и чисто прагматическим задачам, ведь основной проблемой, с которой сталкивалась российская власть, как и власть всякой континентальной империи, была проблема управляемости этого огромного пространства. Разные империи в разные исторические эпохи решали эту проблему по-разному, но во второй половине XVIII века стремление к унификации системы управления было характерно не только для России, но и, например, для Священной Римской (Австрийской) империи, император которой Иосиф II также старался соответствовать идеалам Просвещения.

Екатерина II, впрочем, вполне сознавала всю сложность задачи, которую она перед собой поставила. Так, путешествуя по Волге, она писала Вольтеру, торопившему ее с изданием новых законов: «Подумайте только, что эти законы должны служить и для Европы, и для Азии; какое различие климата, жителей, привычек, понятий! Я теперь в Азии и вижу все своими глазами. Здесь 20 различных народов, один на другого не похожих. Однако же необходимо сшить каждому приличное платье. Легко положить общие начала, но частности? Ведь это целый особый мир: надообно его создать, сплотить, охранять».

Сложность задачи определяла и тактику, которой императрица руководствовалась и в этом вопросе, и в целом в своей реформаторской деятельности. В основе этой тактики лежал принцип постепенности, тщательной подготовки каждого серьезного преобразования. Неслучайно поэтому, ликвидировав гетманство и назначив генерал-губернатором Левобережной

Украины П. А. Румянцева, Екатерина восстановила Малороссийскую коллегию (президентом ее тоже был Румянцев), то есть специальное учреждение для управления этим краем, причем заседать в ней должны были четверо русских представителей короны, четверо украинских старшин, прокурор и два секретаря – русский и украинец. Сама же коллегия располагалась не в Петербурге, как другие центральные учреждения, а в Глухове, бывшей гетманской столице. Екатерина при этом специально оговорила, что «прежде великороссияне сидели по правую, а малороссияне по левую сторону, что утверждало в малороссиянах развратное мнение, по коему поставляют себя народом, от здешнего совсем отличным; для уничтожения сего мнения всю малороссийскую старшину уравнять в классах с здешними и сидеть членам коллегии смешанно, по старшинству».

В 1775 году Екатерина осуществила свою самую значительную реформу, обычно называемую губернской, и начала последовательно распространять новую систему управления на всю страну. Однако на Украину система губернских учреждений была окончательно распространена лишь в 1781 году, а Малороссийская коллегия просуществовала еще пять лет «для окончания нерешенных дел».

Но были ли у Екатерины еще какие-либо цели в отношении Украины и каково было вообще ее представление об этом крае? Еще в начале своего царствования в октябре 1762 года Екатерина вынуждена была лично отреагировать на жалобы сотника Острогожского слободского полка Прокофия Коневицкого, обвинявшего старшину слободских полков в угнетении низших слоев и всеобщей коррупции. В слободские полки была направлена комиссия во главе с гвардии майором Евдокимом

Щербининым, которая нашла множество нарушений в «обыкности» слободских полков и вообще казацкого управления.

В июне 1763 года императрица получила «Записку о Малой России», составленную ее статс-секретарем Г. Н. Тепловым, долгое время до этого бывшим правой рукой гетмана Разумовского и потому хорошо осведомленного о состоянии украинских дел. Теплов подверг «малороссийские» порядки уничтожающей критике. По его мнению, гетман стал игрушкой в руках казацкой старшины, которая с его помощью откупалась от службы, в то время как казацкие низы нищали, превращаясь по сути в крестьян, но практически не платя налогов. Особый акцент был сделан в записке на вред, который приносит экономике свободный переход крестьян. Совершенно неудовлетворительной считал Теплов и систему управления. «Но правы гражданские, – утверждал он, – касающиеся до свойств народа, управляемого самодержавным государем, яко в Статуте Литовском для республиканского правления учрежденные, весьма несвойственны уже стали и неприличны малороссийскому народу, в самодержавном владении пребывающему».

Скорее всего, именно под влиянием записи Теплова и сформировались взгляды Екатерины на Украину, нашедшие отражение в двух секретных инструкциях 1764 года – вновь назначенным генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому и генерал-губернатору Малороссии П. А. Румянцеву.

В первой из них говорилось: «Малая Россия, Лифляндия и Финляндия – суть провинции, которые правятся конфирированными им привилегиями; нарушить оные все вдруг весьма непристойно б было, однакож и называть их чужестранными и обходиться с ними на таком же основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностью

глупостью. Сии провинции, также и Смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтобы они обрусили и перестали бы глядеть, как волки к лесу... когда же в Малороссии гетмана не будет, то должно стараться, чтоб навек и имя гетманов исчезло». Стоит обратить внимание на то, что Украина здесь помещена среди других территорий страны. При этом слово «обрусили» не следует понимать в том значении, как в XIX веке стали понимать русификацию. Здесь речь идет именно об интеграции в Российскую империю.

Идеи инструкции Вяземскому были развиты и подробно изложены в инструкции Румянцеву. «Известно всем и то, – писала в ней Екатерина, – что Россия при всем том весьма малую, а во время последнего гетманского правления почти и никакой от народа пользы и доходов поныне не имела. Сверх сего вкоренившиеся там многие непорядки, неустройства, несообразимое смешение правления воинского с гражданским, от неясности различных чужих законов и прав происходящие; в суде и расправе бесконечные волокиты и притеснения; самопроизвольное некоторых мнимых привилегий и вольностей узаконение, а настоящих частое и великое во зло употребление; весьма вредные как владельцам, так и самим послполитым людям с места на место переходы; закоснелая почти во всем народе к земледелию и другим полезным трудам ленность и такая же примечаемая в нем внутренняя против великороссийского ненависть представляют вам весьма пространную рачительного наблюдения и старания вашего материю». Румянцеву предписывалось обратить особое внимание на украинское духовенство, испытывающее сильное влияние католичества и заражающееся от него «многими ненасытного властолюбия началами», а также продолжающее, в отличие от российского,

владеть земельной собственностью. Он должен был изыскать способы для проведения на Украине ревизии для определения точного числа налогоплательщиков, выяснить объемы запасов строевого леса, урегулировать взимание таможенных пошлин за вывозимые товары и способствовать развитию местной промышленности. Особое внимание следовало уделить постепенному прекращению крестьянских переходов. При этом особо оговаривалось, что земледельцам необходимо растолковывать, что «полагаемые в земледелии труды их не токмо для них и их потомков на непременных селениях несравненно полезнее, но и, укоренясь на оных, вольности своей чрез то не лишатся по примеру крестьян многих европейских государств, где они, хотя некрепостные и некабальные, живут, однакож, и остаются для собственной своей выгоды всегда на одних местах». Точно так же, постепенно, Румянцеву предписывалось и все население Гетманщины убеждать в том, что общероссийские законы лучше и удобнее тех, что были там приняты. Когда народ увидит, что его освободили от власти маленьких тиранов (имелась в виду казацкая старшина), – уверяла Екатерина, – то будет благодарен и примирится с новыми порядками.

Нет сомнения, что инструкция Румянцеву – это типичный и яркий образец имперского мышления второй половины XVIII столетия, наполненный характерной социальной риторикой, использовавшейся для контроля над местными элитами, как в казацких украинских автономиях, так и в Прибалтике. Вполне очевидно, что ее составительница видела в Украине прежде всего источник государственных доходов. Но одновременно нельзя не признать, что забота о том, чтобы одна из частей империи была столь же полезна для нее, как и другие, для правительницы этой

империи была вполне естественной, а неспособность увидеть в украинцах самостоятельный народ с собственной культурой и традициями была связана, как уже говорилось, с тем, что Екатерина не мыслила, да и не могла мыслить категориями нации. Причем нововведения Екатерины вызвали определенное сопротивление консервативного характера. Так, например, в среде украинского крестьянства звучало требование вернуть казацкое звание и льготы, на приграничье наблюдалось усиление девиантности или, говоря современным языком, «социальный бандитизм», ярким представителем которого был идеализированный украинскими романтиками Семен Гаркуша.

Особого внимания заслуживает, конечно, то, что с самого начала императрицу волновал вопрос крестьянских переходов, причем волновал прежде всего в экономическом плане. Этот вопрос был окончательно решен через двадцать лет после ликвидации гетманства в мае 1783 года, когда последовал указ, запретивший крестьянские переходы, что означало юридическое оформление на Украине крепостного права. Как объяснить эту меру в свете того, что в целом, как известно, Екатерина относилась к крепостничеству резко отрицательно? К началу 1780-х годов императрица имела уже немало доказательств того, что русское общество не готово к ликвидации крепостного права и ее даже самые робкие намеки на подобную возможность наталкиваются на стену непонимания и враждебности. Между тем в Уложенной комиссии 1767–1768 годов представители украинской шляхты просили уравнять ее в правах с российским дворянством. Это вполне отвечало интересам власти, поскольку интеграция местных элит в состав общеимперской элиты и в России, и в других империях той эпохи всегда рассматривалась как важная мера по обеспечению единства державы. Но в

российских условиях это автоматически означало и получение украинскими помещиками права владеть крепостными душами. Показателен в этом отношении эпизод 1775 года, когда на представление белорусского генерал-губернатора о том, что «белорусское шляхетство издавна не имело сего в обыкновении, чтобы продавать крестьян без земли», Сенат отвечал: поскольку «дано им право пользоваться теми же привилегиями, какими и все российское дворянство пользуется, то за сим и не можно отнимать у них свободы в продаже людей без земли».

Что же касается указа от 3 мая 1783 года, то его основная цель состояла в определении размеров налогов для разных категорий населения украинских и белорусских губерний, а также взимавшихся на этих территориях торговых пошлин. Таким образом, по своим целям этот указ был сугубо административным и фискальным, но не социальным. При этом опять же речь шла о распространении на Украину общероссийского налогового законодательства, согласно которому среди прочего подушная подать в сельской местности уплачивалась крестьянским миром в соответствии с количеством зафиксированных ревизией душ, а ответственность за уплату возлагалась на помещика. Указ состоял из нескольких десятков пунктов и лишь в одном из них говорилось: «Для известного и верного получения казенных доходов в наместничествах Киевском, Черниговском и Новгород-Северском и в отвращение всяких побегов к отягощению помещиков и остающихся в селениях обитателей, каждому из поселен оставаться в своем месте и звании, где он по нынешней последней ревизии написан, кроме отлучившихся до состояния сего Нашего указа; в случае же побегов после издания сего указа, поступать по общим государственным постановлениям».

Процесс распространения на Украину общероссийского административного устройства начался со Слобожанщины, которая уже в 1765 году была преобразована в Слободско-Украинскую губернию с центром в Харькове. Казаки лишились привилегий (кроме привилегий винокурения, соледобычи и личной свободы) и стали так называемыми войсковыми обывателями, обязанными платить подушную подать. Казацкие слободские полки были преобразованы в регулярные – Сумской, Острогожский, Ахтырский и Изюмский гусарские и Харьковский уланский. При этом казачьей старшине был предоставлен выбор либо выйти в отставку, либо вступить в регулярные полки, получив армейские чины.

После ликвидации гетманского правления в 1764–1765 годах следующим шагом стала ликвидация в 1775 году символа казацкой вольности Запорожской Сечи. Рассматривая это событие, надо иметь в виду, что Сечь была своего рода бельмом на глазу и властей Речи Посполитой до вхождения Левобережной Украины в состав России, и российских властей, и украинских гетманов, с которыми у Сечи возникали постоянные конфликты. Фактически Запорожская Сечь была государством в государстве, с чем, конечно, имперская власть смириться не могла. Решение судьбы Запорожской Сечи ускорило и то, что после окончания русско-турецкой войны 1768–1774 годов (во время нее около 10 тысяч запорожских казаков сражались в составе армии П. А. Румянцева) она утратила свое значение как линии обороны от набегов крымских татар, и то, что между низовыми казаками и царским правительством, приступившим к этому времени к активному освоению земель Новороссии, возникали конфликты из-за земельных споров и казаки неоднократно нападали на колонии сербских поселенцев, и то, что запорожцы принимали

участие в восстании Пугачева и других социальных движениях на территории европейской части империи. Наконец, конечно же, не случайно, что Сечь была ликвидирована накануне начала осуществления губернской реформы. Необходимо также отметить, что, хотя в хозяйственном отношении Сечь развивалась довольно успешно, ее политическое устройство к концу XVIII века выглядело архаичным, а в военном отношении она значительно уступала регулярной армии. Вместе с тем Российская империя остро нуждалась в казачьих военных силах. Из остатков запорожцев в 1787 году было создано Черноморское казачье войско, а в 1792 году это войско было переселено на Кубань для осуществления российской политики на Кавказе.

После ликвидации Запорожской Сечи и успехов в борьбе с Османской империей правительство Екатерины сделало еще один важный шаг, существенно определивший ход украинской истории. Речь идет об изменениях в Северном Причерноморье и «греческом проекте» – попытках воссоздания Византийской («греческой») империи на руинах Османской.

Одной из важных черт Просвещения было не только рациональное устройство управления, но и изучение особенностей территорий посредством путешествий. В 1787 году состоялась знаменитая поездка Екатерины по украинским землям в Крым и Херсон. За день до приезда императрицы в Киев сгорел Межигорский монастырь, что позже было расценено как плохой знак. Киев и земли под управлением Румянцева не впечатлили императрицу и ее окружение, Екатерина довольно метко высказалась в отношении тогдашнего Киева: «Ничего не обрела, кроме двух крепостей и предместий; все эти разрозненные части зовутся Киевом и заставляют думать о минувшем величии этой древней столицы». Но более яркие сюжеты связаны с

путешествием к Херсону, на юг, в земли, которыми управлял екатерининский фаворит Г. А. Потемкин. Уже Кременчуг, городок на приграничье, развивавшийся как торговый и административный центр, вызвал в царском окружении положительные замечания. Во время продвижения на юг было решено создать новый столичный город для центра будущей Греческой империи и назвать его в честь Екатерины – Екатеринослав (ныне – Дніпро). Приезд императрицы сочетался с закладкой фундамента под новую Спасо-Преображенскую церковь, которая должна была быть по символическому замыслу не меньше, чем собор Святого Петра в Риме. Фундамент был заложен, но построенный храм был крошечным по сравнению с римским аналогом, а очерченный фундаментом периметр стал местом церковной ограды. Интересно также последующее путешествие в Херсон – новый порт на Черном море. Место под город и порт было не приспособленным, климат неподходящим из-за окружающих город болот и плавней. Для создания города были привлечены каторжники и солдаты. Но как большой порт город так и не реализовался и вскоре в 1792 году проект большого города и порта был перенесен западнее в новый город Николаев, а уже под конец правления императрицы в более приспособленные гавани Одессы.

Следует заметить, что новые города в этом регионе возникали преимущественно возле или на месте старых татарских и казацких поселений. Вопрос истории Южной Украины и своеобразия реализации проектов Просвещения стал одним из основных сюжетов украинской историографии последних десятилетий.

Распространение на Украину положений губернской реформы 1775 года и, соответственно, процесс ее интеграции в состав

Российской империи завершился в 1781 году, когда на всей Левобережной Украине было ликвидировано деление на полки и сотни и учреждены три наместничества – Киевское, Черниговское и Новгород-Северское, объединенные в генерал-губернаторство во главе с тем же Румянцевым. Значение этой, как уже упоминалось, самой значительной из екатерининских реформ, далеко выходило за рамки только изменения административно-территориального деления страны, причем при ее разработке императрица пользовалась советами в том числе и своих тогдашних статс-секретарей Безбородко и Завадовского, в результате чего реформа сочетала элементы английской, остзейской и даже малороссийской правовых систем с новейшими просвещенческими идеями. В ходе реформы были основаны новые города, преобразованы и получили значительно большие полномочия органы городского самоуправления, впервые созданы органы социального обеспечения населения, в ведении которых находились школы, больницы, богадельни, дома для умалишенных и т. д. Частью губернской реформы была реформа судебная, заключавшаяся в создании новой системы судебных органов, отделенных от административной власти. При этом Екатерина последовательно боролась за запрет пытки как средства дознания и проведение в жизнь принципа презумпции невиновности, который она впервые провозгласила еще в своем Наказе Уложенной комиссии. В рамках реформы происходит и преобразование всей пенитенциарной системы; как и в других европейских странах того времени, начинается строительство специальных тюремных зданий. В целом смысл реформы был связан с перераспределением власти между центром и регионами в пользу последних, наделенных значительной самостоятельностью в решении хозяйственных и финансовых

вопросов. Некоторые современные историки считают, что постепенная реализация положений реформы благотворно сказалась на изменении общественного сознания и способствовала зарождению в России элементов гражданского общества.

В рамках процесса унификации следует рассматривать и изменения в сфере образования. В целом на украинских землях эта сфера была традиционно гораздо более развита, чем в России, выше был уровень грамотности населения, а украинское духовенство значительно превосходило русское своей ученостью. Еще в XVII веке была основана Киево-Могилянская академия – первое в Восточной Европе православное высшее учебное заведение, официально получившее этот статус. Для Екатерины II, как верной последовательницы просветителей, задача образования подданных была одной из важнейших. Первая успешная реформа образования была реализована в Харькове, центре Слободско-Украинской губернии. Упраздняя автономию слободских полков, в проекте преобразований Екатерине понравилась мысль учредить при Харьковском коллегиуме «дополнительные классы» для изучения французского и немецкого языков, инженерного дела, геодезии. То есть на основе Харьковского коллегиума должно было возникнуть новое светское учебное заведение. Противоречия с духовными властями (белгородским епископом Епифанием Тихорским) не позволили полностью использовать ресурсы коллегиума, но «классы» возникли как независимая от церкви школа, впоследствии давшая многих интереснейших личностей, как, например, первый переводчик произведений Иммануила Канта на русский язык Роман Цебриков или один из самых ярких авантюристов Иван Тревогин.

В 1782 году указом императрицы была создана Комиссия для заведения в России народных училищ во главе с Петром Завадовским (одним из выпускников Киево-Могилянской академии). В соответствии с разработанным ею законодательством была создана сеть двухклассных училищ в уездах и четырехклассных в губернских городах. В них преподавали математику, историю, географию, физику, архитектуру, русский и иностранный языки. Показательно, что утверждая «План к установлению народных училищ», императрица внесла в него изменения, связанные как раз с изучением иностранных языков. Она сочла, что в народных училищах следует преподавать языки, связанные с историческими особенностями регионов. В частности, в Киевской, Новороссийской и Азовской губерниях в соответствии с задачами «греческого проекта» было предписано изучать греческий, в Белоруссии – латынь, в Казанской губернии – арабский и татарский, а в Иркутской – китайский.

Вновь создаваемые училища, как и было предусмотрено «Учреждениями» 1775 года, находились в ведении местных органов власти, которым поручалось следить за соблюдением множества нормативно-методических установлений; был издан ряд пособий для учителей, учебники, разного рода уставы и инструкции. Результатом реформы явилось возникновение единообразной системы государственных учебных заведений с единой методикой и однообразной организацией учебного процесса, основанной на классно-урочной системе. При этом следует отметить, что народные училища были бессословными, хотя то, что они существовали лишь в городах, практически закрывало доступ в них крестьянским детям. Реформа, конечно же, разрушила традиционную украинскую систему образования,

но ее достоинством было то, что новая система носила светский характер.

Модернизация гайдамаков

Отдельно необходимо остановиться на проблеме Колиивщины – гайдамацкого восстания 1768 года, благодаря поэме Т. Г. Шевченко приобретшего в украинском общественном сознании несколько романтизированный характер. Сразу надо сказать, что восстание стало результатом ошибочной политики российского правительства, которое начиная с 1763 года в своих отношениях с Речью Посполитой сделала ставку на уравнение польских православных в правах с католиками. В принципе защита православных и в Польше, и в других странах всегда находилась в повестке дня Российской внешней политики, однако дальше дипломатических демаршей дело, как правило, не шло. Екатерина же взялась за дело чрезвычайно активно. С одной стороны, это вполне отвечало просвещенным принципам веротерпимости, с другой, она очевидно стремилась укрепить свой авторитет защитницы православной веры в глазах собственных подданных. Однако из-за сопротивления польской шляхты дело оказалось гораздо более трудным, чем она предполагала, и практически неосуществимым. В 1768 году уравнение православных с католиками все же удалось продавить через польский сейм. Это привело к вполне ожидаемому результату – образованию шляхетской Барской конфедерации, отряды которой стали чинить расправы над православными, что, в свою очередь, и вызвало восстание гайдамаков. Между тем присоединение к Российской империи восточнославянских земель Речи Посполитой, на что надеялись восставшие, в это время в планы Петербурга никак не входило. Напротив, Россия стремилась сохранить целостность Польши, как своего рода подушки безопасности между империей и Западной Европой.

Вряд ли можно было рассчитывать и на поддержку имперской властью сугубо народного восстания, в котором участвовали и запорожцы, и беглые русские солдаты и крестьяне. Правда впоследствии, в 1790–1791 годах, когда возникла угроза военного столкновения с Польшей в союзе с Пруссией, Екатерина обсуждала с Г. А. Потемкиным план инициации подобного восстания, но и тогда на это так и не решились. Немаловажную роль сыграло и то, что гайдамаки отличились не меньшей жестокостью, чем их противники. Так, лишь во время Уманской резни в июне 1768 года ими были уничтожены по разным оценкам от 2 до 20 тысяч поляков, евреев, православных и униатов, причем считается, что среди православных жертвы были наиболее многочисленны.

Значительно больший успех имела политика присоединения к российской короне в результате разделов Польши «православных земель» части Украины и Беларуси при сохранении прав местных помещиков. Для интеграции присоединенных земель там были сохранены старые порядки и права местной шляхты, еще длительное время грезившей о возобновлении Речи Посполитой в границах 1772 года. Провести здесь сразу же интеграционные реформы, как в украинских казацких автономиях на Правобережной Украине, империя была не в силах.

Подводя итоги основных событий украинской истории периода правления Екатерины II, необходимо принять во внимание, что наряду с тем, что именно в это время завершился начавшийся несколькими десятилетиями раньше процесс поглощения Украины Российской империей, что в условиях империи было, по-видимому, неизбежным, российская политика, будучи имперской по своей сути, носила одновременно модернизационный характер. Секуляризация образования, новое, основанное на

выборном начале городское управление, зарождение рыночных отношений (Екатерина была противницей монополий в промышленности и торговле и при ней «всем и каждому» было позволено заводить промышленные и торговые предприятия без получения на это специального разрешения государственных органов), попытки дисциплинировать общество путем создания нового вида судов, тюрем, школ, больниц, расцвет культуры и искусства, прославившие в том числе украинцев В. Л. Боровиковского, Д. Г. Левицкого, В. В. Капниста, М. С. Бerezовского, Д. С. Бортнянского, – все это и многое другое в будущем составило основу буржуазного общества и создало почву для формирования украинского национального самосознания. Не случайно столь негативная оценка осуществленных Екатериной на украинских землях реформ сформировалась в украинской историографии и общественном сознании лишь позже, в XIX веке. Говоря о событиях второй половины XVIII века и оценивая их в исторической ретроспективе, нужно также помнить, что жившие тогда были людьми своего времени, они не могли предвидеть последствия многих своих поступков, а круг идей и представлений, которыми они руководствовались, сильно отличался от духовного мира их потомков. Одна из особенностей «века Екатерины» – это возникновение прослойки «вольнодумцев, людей», живущих идеалами Просвещения и жестоко сталкивающихся с реалиями. В общеимперском масштабе это известный писатель Александр Радищев. В украинском варианте – это авантюрист Иван Тревогин, рано покинувший Харьков и в Париже провозгласивший себя «голкондским принцем», написавший проект «империи знаний» с центром в Харькове, умерший в ссылке в Перми. Даже сторонники реформ, воспитанники

столичных заведений и завсегдатаи светских салонов делали подчас довольно своеобразные шаги вправление «благодетельницы». К примеру, Василий Капнист, чиновник, помещик и поэт, автор содержащей критику коррупции поэмы «Ябеда» (некоторые историки полагают, что это был его брат Петр), в Берлине в 1791 году договаривался с канцлером Эвальдом Герцбергом о поддержке в случае войны с Россией «казацкого населения», говоря при этом, что «российская Украина» доведена до отчаяния «тиранней» и особенно действиями Григория Потемкина.

Для современной украинской историографии – это сложный полигон. Политизированность ситуации – это прежде всего основа идеологической составляющей украинского национального видения истории, где история казачества, по наблюдению Андреаса Каппелера, – «несущий камень национального самосознания». Начиная изучение истории «екатерининского времени», украинский историк попадает в своеобразный капкан, имя которому непонимание сути Просвещения и просвещенного абсолютизма. Вторая главная сложность состоит в частом расхождении риторики центральной власти с местными практиками, множество проектов, оставшихся нереализованными. Например, во время Екатерины по всей империи было немало предложений об открытии университетов, но ни один из них так и не был открыт. По разным подсчетам, «украинских проектов» университетов во время Екатерины было двенадцать, один из самых заметных – неоткрытие такого учебного заведения в Екатеринославе. Возможно, Екатерина воспринимала университеты как центры схоластики или считала более важным осуществление школьной реформы.

Вне всякого сомнения, время Екатерины и сама императрица – это пример противоречий времен Просвещения. Можно по-разному воспринимать императрицу, но в деятельности ее были заложены важнейшие противоречия истории как Украины, так и империи в целом. Усиление роли дворянства и крепостное право – отнюдь не были идеалами Просвещения, а попытки рационального изменения государственного устройства часто приводили к острым социальным конфликтам. Показуха, коррупция, чиновничий произвол, образование для чинов, а не для знаний, фаворитизм – это тоже черты екатерининской эпохи, но главная черта – убеждение в способности изменения общества и географических пространств, ликвидации региональных отличий – вера во всемогущество рацио.

Валерий Солдатенко. Александр Шубин. Владимир Ленин. Благодетель или недруг Украины

На Украине свергают памятники Ленину. Освобождаются от «мрачного советского прошлого». Сверг памятник – освободился! Ленинопад оживил дискуссию: кем был Ленин для Украины – кровавым палачом украинской независимости или одним из создателей украинской государственности?

Октябрь и Брест

Когда Ленин пришел к власти 25 октября (7 ноября) 1917 года, Украина волновала его далеко не в первую очередь – как вскоре выяснится, очень напрасно. Первоочередные задачи вроде бы жестко диктовались ситуацией: удержать власть в Петрограде, взять под контроль центральные регионы России, подавить опасное восстание атамана Каледина на Дону, вывести Россию из Первой мировой войны и приступить к глубоким социальным преобразованиям. С украинской Центральной радой, контролировавшей Киев, можно будет как-то разобраться потом. Или договориться (все-таки там преобладают социалисты), или изменить – по примеру удавшегося опыта с Советами рабочих и солдатских депутатов – ее состав, а также состав ее местных органов (ведь Рада – это по-украински Совет) в свою пользу. А если опираться на Советы рабочих и солдатских депутатов, которые не просто конкурировали с Центральной радой, но и по влиянию во многих регионах, особенно в промышленных городах Левобережья и на Юго-западном фронте, прогрессирующее революционизировались, большевизировались, то перспектива выглядела обнадеживающе.

2 (15) декабря было заключено перемирие между Россией с одной стороны и Германией и ее союзниками – с другой. Перед правительством большевиков стояла нелегкая задача. С одной стороны, состояние армии было таким, что следовало немедленно заключать мир даже на невыгодных условиях. С другой стороны, это значило бы расписаться в том, что слухи о «немецком шпионстве» близки к истине. Большевики претендовали на роль авангарда мирового революционного движения, и капитуляция перед германским империализмом могла самым

катастрофическим образом подорвать репутацию коммунистического проекта. В этой ситуации большевистское руководство нашло, какказалось, не самый плохой выход: затягивать переговоры в надежде на углубление кризиса в Германии и Австро-Венгрии, используя Брест как трибуну революционно-миротворческой агитации.

Победив в Москве и других крупных центрах России, большевики двинули войска на Дон. Украина, какказалось, находилась на периферии брестской и донской проблем, на которых было сосредоточено внимание Ленина. Вскоре стало ясно, что она оказалась на их пересечении.

В Киеве большевикам и их союзникам в октябрьские дни не удалось взять власть. Пока большевики сражались со сторонниками уже свергнутого в Петрограде правительства, город оказался под контролем украинских частей, подчинявшихся Центральной раде.

29 октября исполнительный орган Центральной рады – Генеральный секретариат – официально заявил о взятии власти в Украине в свои руки. 7 (20) ноября III Универсал Центральной рады провозгласил Украинскую Народную Республику (УНР) автономной частью России, а Генеральный секретариат – правительством Украины в ее этнических границах. III Универсал определил, что в состав Украины входят Киевская, Черниговская, Волынская, Подольская, Полтавская, Харьковская, Екатеринославская, Херсонская губернии и материковая часть Таврической губернии (без Крыма).

В ноябре 1917 года III Универсал был, скорее, декларацией о намерениях. Он был оспорен, например, Харьковским советом, который 24 ноября призвал к проведению референдума относительно целесообразности вхождения в состав УНР. Советы

Донбасса тоже не хотели видеть его территорию частью Украины. И за пределами Донбасса в Екатеринославской губернии против Центральной рады выступали Советы Криворожского бассейна, Екатеринослава, Гуляй-поля, многих других населенных пунктов.

УНР должна была еще завоевать себе признание населения восточных и южных губерний. А это было непросто, учитывая, что главным образом через Харьков на подавление вооруженного мятежа Всевеликого войска Донского под командованием атамана Каледина, считавшегося наибольшей угрозой советской власти, направлялись красные отряды из России, а в Слобожанщине и Новороссии среди населения сторонники Центральной рады, судя по результатам выборов во Всероссийское учредительное собрание, вовсе не преобладали.

Свое кредо по вопросу украинской самостийности Ленин в ноябре 1917 года сформулировал так: «Мы скажем украинцам: как украинцы вы можете устраивать у себя жизнь, как вы хотите. Но мы протянем братскую руку украинским рабочим и скажем им: вместе с вами мы будем бороться против вашей и нашей буржуазии». Ленин согласен с широчайшей территориальной автономией Украины и ее независимостью – но только Советской Украины.

Украинская Центральная рада первоначально не считалась враждебным фактором, как «Южная Вандея» Каледина, или тем направлением, через которое немцы могли угрожать Петрограду – ключевому пункту с точки зрения сохранения власти Совнаркома.

Логично предположить, что Ленин и его партия стремились склонить Украину на свою сторону целиком, а не только Восток и Юг. Но сделать это было проще, опираясь на Восток и Юг, ориентированные именно на центр России экономически и во

многом культурно-исторически. К тому же к концу 1917 года регион был мощным оплотом большевизма, пользовавшегося все возрастающим авторитетом в пролетарской среде. Таким образом, объективно Ленину было выгодно включение Востока и Юга в состав Украинского государства.

Конфликт между сторонниками Центральной рады и советской власти постепенно обострялся.

30 ноября (12 декабря) националисты принялись разоружать в Киеве неукраинские части и высыпать красногвардейцев и солдат на восток. Попытка разоружения просоветских частей и роспуска местных Советов была предпринята и в других городах – Екатеринославе, Луганске, Мариуполе, Николаеве, Одессе, Полтаве, Виннице, Бердичеве. Был разоружен ряд гарнизонов в прифронтовой полосе. В Харькове солдатская секция Совета 4 декабря отвергла требование о разоружении. Здесь большевики имели военный перевес, перетянув на свою сторону ранее украинизированный 30-й полк, что послужило началом создания Червонного казачества, сформировали достаточно боеспособный отряд Красной гвардии. 6 декабря в Харьков из северных губерний прибыли красногвардейцы и матросы под командованием Николая Ховрина и Рудольфа Сиверса, направлявшиеся на борьбу с Калединым. Они вошли в город без боя. 10 декабря отряд Сиверса вместе с местными красногвардейцами и просоветским 30-м полком разоружили украинский бронедивизион, и Харьков был занят советскими войсками во главе с Владимиром Антоновым-Овсеенко. Собственно боевых действий еще не происходило.

Считая себя равноправной силой в отношении «Петроградского» Совнаркома, Центральная рада заявила свои претензии на участие в мирных переговорах. 23 ноября (6

декабря) Симон Петлюра за явил о выходе Юго-западного и Румынского фронтов из подчинения российского командования и превращении их в Украинский фронт. Конечно, реальных сил для обеспечения этого решения у Центральной рады не было, но парализовать снабжение этих фронтов Рада могла. У советского правительства не оставалось выбора – не имея реальной вооруженной силы, хочешь – не хочешь, надо было договариваться с Радой.

25 ноября (8 декабря) «Известия ЦИК» сообщили, что советская власть готова удовлетворить желание Рады включить представителей Украины в состав мирной делегации. Это была точка невозврата, после которой вовлечение Рады в процесс переговоров стало неизбежным. Делать было нечего – украинцы и без согласия Ленина могли явиться на Брестские переговоры.

К началу конференции у немцев уже была радиограмма Рады о том, что Украина признаёт результаты мирного договора только при условии, если ее делегация будет участвовать в переговорах самостоятельно.

9 (22) декабря 1917 года начались мирные переговоры между Россией и державами Четверного союза в Брест-Литовске. 18 (31) декабря 1917 года в Брест прибыла делегация Центральной рады. В условиях обострившегося конфликта с советской властью украинская делегация предприняла шаги, направленные на сепаратные контакты с державами Четверного союза. Представители последнего получили возможность продолжить переговоры по существу с двумя различными представительствами. В рамках конференции обозначилось два параллельных переговорных процесса, причем западные партнеры отдавали предпочтение украинской стороне.

Уже 21 декабря (3 января 1918 года) министр иностранных дел Австро-Венгрии Оттокар Чернин писал, что если русские не возобновят переговоры, «мы снесемся с украинцами». Прагматично оценив значение украинского фактора в переговорах, австро-германская сторона стала подталкивать Украину к провозглашению независимости, чтобы иметь юридическую возможность заключить с ней сепаратный мир. Формулировалось это как требование к Украине четче определиться со своим статусом. Ведь, согласно III Универсалу, УНР продолжала оставаться автономной частью федеративной Российской республики, что создавало формальные препятствия для полноценных международно-правовых межгосударственных отношений. Признание же самостоятельного статуса УНР должно было найти международное признание как раз в договоре с Четвертым союзом. Юридический круг замыкался – австро-немецкий блок стимулировал провозглашение украинской независимости с явным прицелом на перспективное удовлетворение собственных выгод.

Согласившись на словах принять российские предложения в качестве основы для переговоров, представители Четвертого союза всячески стремились дипломатически «переиграть» большевиков, выбив даже их идеологические козыри.

Хотите самоопределения? Пожалуйста – можно и «самоопределить» оккупированные территории, но под немецким контролем. Главное, чтобы Россия больше не претендовала на эти территории.

5 (18) января 1918 года германский генерал Макс Гофман предъявил советской делегации карту, на которой была начертана линия немецкой сферы влияния, почти совпадающая с

линией фронта. К западу от нее Германия сама позаботится о «самоопределении» Польши, Литвы и Курляндии.

Германская и австрийская дипломатическая и военная элита решала в этот момент жизненно важные для своих стран задачи: в условиях обостряющегося день ото дня продовольственного кризиса, начавшихся «голодных бунтов» явственно проглядывала перспектива революционных потрясений. Но нежелательный исход можно было предотвратить, во всяком случае существенно оттянуть умело выстроенной игрой с Украиной, располагающей серьезным продовольственным ресурсом.

В партиях большевиков и левых эсеров развернулась жаркая дискуссия: что делать? Зримое большинство большевиков и левых эсеров считало капитуляцию перед немцами неприемлемой (в этом их поддерживали и представители других партий).

Немецкий ультиматум уязвлял и патриотические чувства населения России, и принципы революционеров. Его принятие означало поражение мирового масштаба, так как капитуляция означала предательство германских левых и предоставляла Германии дополнительные ресурсы для укрепления режима.

В партии большевиков наиболее радикально против «похабного» мира с империалистами выступали «левые коммунисты» во главе с Николаем Бухариным. Они как раз «плыли по течению» массовых настроений, не ограниченных рамками кружков и доктрин.

8 (21) января на совещании ЦК с партийными работниками Ленин решил бросить вызов этим массовым настроениям и зачитал «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира». В тезисах с таким шокирующим названием Ленин предложил принять немецкий ультиматум. Он считал, что немногочисленные большевистские

отряды и разлагающаяся старая армия не смогут оказать сколько-нибудь эффективного сопротивления немецкому наступлению. Если падет Петроград – падет и советская власть. Потерявший столицу Совнарком не сможет удержаться. Из Петрограда Украина казалась не столь важной, скорее «тыловой» проблемой.

Характерно, что и 7 января, выступая за принятие немецкого ультиматума, Ленин все еще пытался приглушить значение украинского фактора. Он доказывал, что продолжать войну – значит воевать за освобождение Польши, Литвы и Курляндии. При этом Украина упоминается не в этом списке, а как пример страны, самоопределение которой обеспечивается Советской республикой, о чем в день прибытия на Брестскую конференцию украинской делегации официально заявил Лев Троцкий.

Похоже, Ленина вообще волновали не будущие границы (в преддверии мировой революции все они представлялись условными), а необходимость мирной передышки для организации принципиально новой, нетоварной экономики новой России на основе национализации промышленности и натурального продуктообмена между городом и деревней. Решив эту задачу за несколько месяцев, Ленин, очевидно, рассчитывал обеспечить мощную экономическую базу для новой армии и непобедимости социализма.

Троцкий пытался сблизить позиции «левых» и правых большевиков с помощью рискованной, по существу – авантюрной внешнеполитической игры. Если развал армии неизбежен, ее нужно распустить, получив, таким образом, поддержку солдат во внутренней борьбе (эта ставка оправдалась). Сопротивляться немецкому наступлению не получится, но положение противника также тяжелое – он вряд ли в состоянии продолжить войну. Велик шанс, что он не решится наступать. Можно рискнуть – отказаться

от заключения мира до лучших (для Германии и России) времен. Тогда тяжелый выбор, расслаивающий коммунистическую идею, разделивший партию надвое, становится излишним. Безусловно, это была опасная игра под лозунгом: «Ни мира, ни войны, а армию распустить».

Большинство участников совещания 8 (21) января (32 из 63) высказались за революционную войну, 16 – за позицию Троцкого и лишь 15 – за позицию Ленина.

11 (24) января ЦК поддержал (9 голосами против 7) план Троцкого. Ленин же добился решения затягивать переговоры, пока немцы не предъявят ультиматум. С этим согласился и Троцкий – ведь обстановка в Европе менялась с каждым днем. При этом вопреки решению ЦК Ленин продолжал настаивать на капитуляции перед немецкими условиями, а Троцкий считал обоснованным свой план.

Ситуация продолжала развиваться, но Ленин и Троцкий действовали уже несогласованно – один в Петрограде, другой в Бресте.

Затягивание заключения мира перед лицом острого продовольственного кризиса в Берлине, Вене и Будапеште, да еще и в условиях, когда русские предлагали честный мир, было чревато революцией в Германии и Австро-Венгрии. Но немецкие генералы были готовы рисковать, и не только из-за Прибалтики. Ставкой в игре стало украинское продовольствие.

Переговоры представителей Центральной рады и Четверного союза стали спасением для тех и других. Немцам нужно было как можно скорее завершить переговоры в Бресте и получить доступ к продовольственным ресурсам, а Рада стремилась отгородиться от большевиков (в том числе украинских) немецкими штыками.

Посланцы Центральной рады (в составе делегации были преимущественно молодые, неопытные люди – других было взять просто неоткуда) произвели хорошее впечатление на партнеров в Бресте: «Они значительно менее революционно настроены, они гораздо более интересуются своей родиной и гораздо меньше – социализмом», – писал Чернин. Однако сближение с украинцами немцы проводили не ради их патриотизма, а ради продовольствия и обнаружившейся глубокой бреши в российском дипломатическом фронте.

Таким образом, Ленин и Троцкий недооценили украинский фактор, считая его внутренним делом общероссийской революции. Спор в Бресте пошел не об уже и так завоеванных Германией Литве и Курляндии, но и об огромной территории Украины с ее хлебом и углем. Ленину и советскому государству нужно было срочно реагировать на этот вызов – внезапно Центральная рада стала критически опасна, потому что могла передать Украину «мировому империализму».

Два государства на одной территории

Расширяя свое влияние в Украине, большевики предложили Центральной раде провести совместный съезд Советов, в котором приняли бы участие посланцы местных рад. Поскольку авторитет и реальная власть последних неуклонно падали, принятие плана большевиков для Центральной рады было бы равнозначным самоубийству. Поэтому Рада отказалась участвовать в подготовке форума и начала кампанию по его срыву. Когда же стало очевидным, что съезд не удастся предотвратить и ничего хорошего от него ждать не стоит, Рада предприняла ряд решительных действий. Среди них, кроме упомянутого выше разоружения красногвардейцев и высылки их за пределы Украины, чтобы некому было защитить делегатов Советов, через подконтрольную Раде Селянскую спилку в срочном порядке в Киев были вызваны крестьяне из ближайшего региона. Их численность почти в десять раз превысила число делегатов, избранных по модусу представительства, определенному большевистским организационным комитетом по созыву съезда. Естественно, подобное собрание, проведенное 4–5 (17–18) декабря 1917 года в Киеве, выразило поддержку Центральной раде. Однако около 200 делегатов большевиков, левых эсеров и социал-демократов (и российских, и украинских), заявив протест по поводу силовой фальсификации съезда, покинули Киев и группами в течение нескольких дней переехали в Харьков, где объединились с начавшим работу 9 декабря III областным съездом Советов Донецкого и Криворожского бассейнов.

Форум, проходивший 11–12 (24–25) декабря, конституировался как Первый Всеукраинский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Он провозгласил Украину

республикой Советов, сохранив официальное название, данное Центральной радой, – Украинская Народная Республика. Этим лишний раз подчеркивалось принципиальное признание границ Украины. Одновременно Украина признавалась федеративной частью Российской республики.

Съезд избрал Всеукраинский центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов Украины (ВУЦИК или ЦИКУка), создавший через несколько дней Народный секретариат – советское правительство Украины, именовавшейся также Украинской рабоче-крестьянской республикой (УРКР). На ее территорию была распространена юрисдикция декретов и распоряжений ВЦИК и Совнаркома, одновременно отменена правомочность законодательства Центральной рады.

В телеграмме, направленной ленинским Совнаркомом ВУЦИКу, говорилось: «Приветствуя образование в Харькове истинно народной Советской власти на Украине, видя в этой рабочей и крестьянской Раде подлинное правительство Народной Украинской республики, Совет Народных Комиссаров обещает новому правительству братской республики полную и всемерную поддержку в деле борьбы за мир, а также в деле передачи всех земель, фабрик, заводов и банков трудящемуся народу Украины».

Становление Советской Украины проходило в тесном переплетении нараставшего конфликта между СНК и Центральной радой.

Еще 4 (17) декабря 1917 года советское правительство России в написанном Лениным манифесте признало право Украины на независимость, но при этом оно отрицало право Центральной рады представлять украинский народ. Центральная рада ответила, что стремится к автономии Украины в составе федеративного Российского государства, но не признает большевиков его

законным представителем, а СНК – центральным правительством страны. Таким образом, не признавшие друг друга де-юре правительства России и центральноукраинской Украины не имели принципиальных разногласий по вопросу о статусе Украины. Россия не будет возражать, если легитимная власть Украины потребует независимости, но Украина ее не требует и готова остаться в составе России, если в ней будет восстановлена легитимная демократическая власть.

Отвергнув содержащиеся в ленинском манифесте ультимативные требования, руководимая Центральной радой УНР формально оказалась в состоянии войны с Советской Россией, хотя никаких военных действий на протяжении целого месяца не велось. Вместо этого продолжались переговоры между СНК и Центральной радой, немало раздражавшие ВУЦИК и Народный секретариат.

Только 30 декабря Совнарком России заявил о полном разрыве переговоров с Радой из-за ее уклончивой позиции в отношении Каледина. При этом Ленин специально оговаривался: «Национальные же требования украинцев, самостоятельность их народной республики, ее права требовать федеративных отношений признаются Советом Народных Комиссаров полностью и никаких споров не вызывают». Характерно, что термин «независимость Украины» при этом не был использован.

Имевшие место вооруженные столкновения в середине декабря 1917 года не были собственно российско-украинскими, а являлись борьбой внутри украинских политических сил, одной из которых помогали российские большевики.

25 декабря комиссар по борьбе с контрреволюцией на Юге России Антонов-Овсеенко провозгласил общее наступление против Каледина и Центральной рады. Из прибывших в Харьков

из северных губерний и фронтов 32 тысяч красногвардейцев и революционных солдат 21 тысяча через Никитовку была направлена в сторону Ростова на борьбу с калединцами. Большинство личного состава остального воинского контингента двинулось на юг – на Екатеринослав, Александровск, Херсон, Nikolaev, то есть в регион, являвшийся по существу флангом военных действий против донской контрреволюции.

3 (16) января 1918 года из Харькова и Екатеринослава (к тому времени уже советского) было направлено два отряда численностью около двух тысяч бойцов в направлении на Полтаву – Киев. Половину формации составляли полк Червонных казаков и красногвардейцы Донбасса, пополнившиеся добровольцами после взятия Полтавы. С приближением к населенным пунктам советских войск им на помощь поднимались восстания местных жителей.

Столкнувшись с расширением сферы советского влияния в Украине, Центральная рада 12 (25) января, хотя на документах стоит дата 9 января 1918 года, IV Универсалом провозгласила независимость Украинской Народной Республики. Но национальная идея оказалась слабым мобилизующим фактором в условиях обострившихся социальных проблем и в развернувшейся борьбе социалистических проектов. Авторитет Рады стремительно падал.

15 (28) января началось руководимое большевиками восстание в Киеве, но к 22 января (4 февраля) оно было подавлено. С этого времени конфликт между Радой и советской властью перерос в скоротечную заключительную военную fazu.

Между просоветским востоком Украины и сторонниками Центральной Рады развернулась полномасштабная гражданская война, в которой Харьков получил поддержку Советской России

(тем более что Советская Украина де-юре была ее частью). Среди красных были и украинцы, и представители других народов Левобережья. Центральная рада добивалась, чтобы в состав Украины вошло как можно больше территорий на востоке. Вот теперь жители этого востока и шли на Киев, хотя в наступлении на столицу принимали участие жители и запада, и севера, представители других регионов России и Украины.

15 (28) января советские войска вошли в Бахмач. Но дальнейшее продвижение не вызвало значительного сопротивления. 16 (29) января войска Рады дали ограниченными силами юнкеров и студентов бой под Крутами и были разбиты. Украинские массы не бросились защищать украинское правительство. 26 января (8 февраля) 1918 года советские войска под командованием Михаила Муравьева взяли Киев. Центральная рада накануне бежала в Житомир и дальше на Волынь к линии фронта.

27 января (9 февраля) 1918 года представители Центральной рады подписали в Бресте договор с державами Четверного союза. Рада была признана на международном уровне. Это предопределило судьбу Украины, включая и те восточно-украинские земли, которые ни о какой Центральной раде слышать не хотели.

По мирному договору Четверного союза и Центральной рады Украина получала Холмщину и часть Подляшья. Секретным соглашением предусматривалось создание автономной Галиции в составе Австро-Венгрии (впоследствии соответствующий документ был аннулирован, и договоренность не была реализована). Рада обязалась предоставить Германии и Австро-Венгрии 1 млн тонн хлеба и большой объем другого продовольствия, способного смягчить там социальный кризис, и

приглашала германские войска в Украину, чтобы вытеснить сторонников советской власти.

Теперь представители Германии готовы были «разделаться» и с Россией. Чернин писал 8 февраля: «нет сомнения, что брестское интермеццо быстрыми шагами идет к концу».

Пределы нашествия: Ленин признает «географию Винниченко»

9 февраля 1918 года германский император Вильгельм потребовал от своих дипломатов предъявить ультиматум Троцкому – сдать всю Прибалтику до Пскова и Нарвы.

Но Троцкий не стал дожидаться практически неотвратимого.

10 февраля он провозгласил, что отказывается подписать аннексионистский мирный договор, добавив тем не менее пункт о прекращении состояния войны и демобилизации армии. «Мы не можем освящать насилия. Мы выходим из войны, но мы вынуждены отказаться от подписания мирного договора».

Немцы тоже не имели потенций для продолжения широкомасштабной войны на Восточном фронте. Но короткий удар они могли себе позволить. 13 февраля Коронный совет Германии решил провести ограниченную наступательную операцию до Нарвы и Пскова. Осаждать Петроград в условиях угрозы с запада Германия не собиралась. Но Ленин этого не знал. Для него осада Петрограда являлась синонимом гибели революции. Было не до Украины.

Когда началось немецкое наступление, 18 февраля Троцкий согласился поддержать Ленина в принятии немецких условий от 5 (18) января. Но «поезд уже ушел». Немцы выдвинули более жесткие условия (собственно, это как раз и были требования Вильгельма от 9 февраля).

Остатки разложившейся старой армии и отряды Красной гвардии не могли остановить противника (хотя, прорываясь к своим, российские части иногда наносили чувствительные удары по немцам – как это было под Псковом).

23 февраля Ленин пригрозил выходом из ЦК, чтобы добиться прекращения «политики революционной фразы» «левых коммунистов». Эта угроза позволила Троцкому обосновать свое согласие на более тяжелые условия мира угрозой раскола партии, исходящей от Ленина.

Продавив с помощью Троцкого через ЦК решение о заключении мира на немецких условиях, Ленин умело использовал властный ресурс: группа лидеров, входившая одновременно в ЦК большевиков и Совнарком, имела решающую роль при принятии решений формально демократическими советскими органами. ЦК РСДРП(б) добился повиновения большевистской фракции ВЦИК. Это позволило в ночь на 24 февраля с минимальным перевесом провести решение через ВЦИК. На заседание Совнаркома вопрос о капитуляции даже не выносился.

Делегация Совнаркома подписала 3 марта 1918 года «похабный» Брестский мир. По его условиям Россия отказывалась от прав на Финляндию, Польшу, Украину, Прибалтику и часть Закавказья, должна была выплатить контрибуцию.

Брестский мир стал одним из факторов, запустивших механизм широкомасштабной гражданской войны. Войска Германии и Австро-Венгрии заняли Украину по приглашению Центральной рады (которую оккупанты уже в апреле разогнали), а затем продвинулись и на Дон. Это нарушило связи центра страны с хлебными районами и промышленностью Донбасса, усугубляло продовольственную проблему и промышленную разруху, еще сильнее обостряло отношения горожан и крестьянства. Капитуляция перед Германией затронула глубинные пласти национальной психологии, настроив против большевиков миллионы людей, независимо от их социального происхождения.

Ситуация в Украине в связи с приходом австро-германской армии кардинально менялась. Борьба большевиков за Киев была практически безнадежной. А вот за Новороссию и Слободжанщину местные большевики надеялись побороться.

16 января в Одессе победило вооруженное восстание, организованное ВРК, в котором преобладали большевики. ЦИК Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области (Румчерод) совместно с Одесским Советом рабочих депутатов и представителей армии и флота провозгласили прерогативы своей власти на территории не только города, но и прилегающей области, начали формировать исполнительные органы, создав 30 января Совет народных комиссаров, который принято именовать Одесским Совнаркомом, а область – Одесской советской республикой.

30 января (12 февраля) 1918 года IV областным съездом Советов рабочих и солдатских депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов была провозглашена Донецко-Криворожская советская республика (ДКР). Их лидеры не считали свои территории частью Украины. Однако Донбасс и Причерноморье оставались частью РСФСР и в составе Советской Украины, и в случае выхода из нее. Так что статус ДКСР не мог определяться самостоятельно. Он зависел и от позиции центральной советской власти. Считала ли она этот регион частью своей Украины или нет? Во многом это зависело от Ленина и других членов ЦК большевиков.

Создание Донецко-Криворожской республики могло показаться удачным тактическим ходом. Мол, это не территория Украины. Но немцев подобная логика не убедила. На Украину двинулась почти пятисоттысячная армия Германии и Австро-Венгрии. После нескольких боестолкновений советские отряды откатились за

Днепр. В начале апреля немцы подошли к Харькову и Донбассу. Лидеры Донецко-Криворожской республики рассчитывали, что их Брестский мир не касается.

Ленин скептически относился к идее использовать ДКР для того, чтобы остановить немцев путем дипломатических ухищрений на границах Харьковской и Екатеринославской губерний. Он писал Григорию Орджоникидзе 14 марта: «Что касается Донецкой республики, передайте товарищам Васильченко, Жакову и другим, что как бы они не ухитрялись выделить из Украины свою область, она, судя по географии Винниченко, все равно будет включена в Украину, и немцы будут ее завоевывать. Ввиду этого, совершенно нелепо со стороны Донецкой республики отказываться от единого с Украиной фронта обороны». Под «географией Винниченко» (главы Генерального секретариата Центральной рады) имелся в виду III Универсал, определявший границы Украины на основе преобладания этнических украинцев в северном Причерноморье, Екатеринославской и Харьковской губерниях.

15 марта ЦК РКП(б) постановил: «На созываемый украинский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (речь о Втором Всеукраинском съезде Советов – 17–19 марта, Екатеринослав) должны приехать товарищи из всей Украины, в том числе и из Донецкого бассейна. На съезде необходимо создать единое правительство для всей Украины. Всех партийных работников обязать работать совместно для создания единого фронта обороны. Донецкий бассейн рассматривается как часть Украины». Таким образом, Ленин в принципе признал «географию Винниченко», то есть включение Центральной радой в состав Украинской Народной Республики Новороссии и Слобожанщины. Можно предположить, что в долгосрочной

перспективе Ленин не отказывался от надежд вернуть в состав советского пространства всю Украину.

Однако 18 марта Георгий Чicherin без особой надежды на успех протестовал против выхода германских войск за пределы Украины, требуя вывести их из Одессы. 26 марта аналогичнаяnota была отправлена с протестом против движения германских войск на Харьков и в Донбасс. 29 марта Германия ответила, что ориентируется на III Универсал Центральной рады. Так что ДКСР эта проблема тоже касалась. Таким образом, начиная с 18 марта 1918 года Новороссия и Слободжанщина, то есть территории Одесской, Таврической и Донецко-Криворожской советских республик, становятся спорными между РСФСР и УНР. После того как австро-германские силы все же оккупируют всю Украину, эта дипломатическая игра будет закончена, ЦК РКП(б) продолжит настаивать на включении парторганизаций от Одессы до Харькова в состав Коммунистической партии Украины.

Но и в марте 1918 года статус ДКР оставался неопределенным. Подчиняясь решению ЦК от 15 марта, Артем 17 марта прибыл на II съезд Советов Украины в Екатеринослав, правда, отмолчался – не сделал никаких заявлений. Это было расценено частью его товарищей как слишком проукраинская позиция, но конфликт закончился в пользу Артема. В целом в условиях германского наступления было не до раздела границ и определения статусов. 7 апреля немцы выбили советские войска из Харькова.

В марте – апреле 1918 года Харьковская и Екатеринославская губернии превратились в спорную территорию между УНР и Российской Федерацией. Спор этот силой германского оружия был решен в пользу Украины. Ленин с этим согласился и в дальнейшем, даже после денонсации Брестского мира в ноябре 1918 года, не оспаривал принадлежность этих губерний к

Украине (разумеется – уже Советской Украине). В этом нет ничего удивительного – ведь эти губернии считались руководством РСФСР частью Советской Украины уже с декабря 1917 года. Когда немецкая угроза исчезла, Ленин не возражал против идеи «большой Украины», которую в общем-то было легче привязать к общесоветскому пространству за счет востока республики. А замыслы харьковских и донецких коммунистов об объединении Донбасса были реализованы уже в рамках УССР – за счет расширения ее границ на восток.

Таким образом, Ленин стал одним из создателей Республики Украина в ее нынешних границах, о чём, скорее всего, даже не подозревают инициаторы и исполнители современного украинского «ленинопада».

Гражданская война – дело кровавое, и свой мрачный вклад в мартиролог жертв братоубийственных сражений внесли все – и красные, и петлюровцы, и белые, и разнообразные повстанцы. Свой счет есть и персонально у Ленина, который не намеревался делать революцию в белых перчатках. Но в отношении Ленина к Украине и России в 1919–1920 годах не было особой специфики – это был театр ожесточенной борьбы советского проекта с миром «капитала». Борьба с Петлюрой, белыми армиями, Речью Посполитой – все это были разные театры одной войны за мировую революцию и самосохранение Советской республики. Ленин и его партия выиграли эту борьбу на большей части территории Российской империи, включая и большую часть Украины. Болезненное поражение Красной армии под Варшавой предопределило раздел Украины с Польшей, но Ленин надеялся, что красные вернутся туда, откуда были отброшены в 1920 году. Эти мечты было суждено осуществить его преемнику Сталину. Но

в конце жизни Ленина между ними возник конфликт по вопросу, от которого зависела судьба Советской Украины.

Создатель СССР

После завершения революционных битв их итоги должны были быть оформлены в новые государственные формы. Необходимо было создать единую систему государственной власти, объединяющую разнородные республики, образовавшиеся в ходе революции и оказавшиеся под контролем коммунистов.

В результате перипетий 1917–1921 годов образовались «независимые» от России республики (Украина, Белоруссия, Грузия, Армения, Азербайджан, Бухара, Хорезм, Дальний Восток).

Дискуссия по поводу итоговой модели отношений советских республик сводилась к трем основным вариантам: 1) включение на правах территориальной автономии в состав Российской Федерации (по крайней мере, для стран бывшей Российской империи); 2) создание нового союзного государства, в которое новые республики войдут вместе с Россией в качестве учредителей; 3) конфедерация независимых государств, связанная внешнеполитическим, военным и хозяйственным союзами, а де-факто – подчиняющихся политическому руководству общей компартии. В разные периоды революции и гражданской войны на первый план выходили разные модели. В 1917 году даже лидеры национальных движений придерживались требований автономии в составе федеративной России. После Октябрьского переворота и Брестского мира отделение многих «окраин» от России стало реальностью, и большевики решили нейтрализовать или даже «перехватить» национальные стремления, признавая формальную независимость. Надежды на советизацию Венгрии, Германии и других стран, не входивших в Российскую империю, исключали автономизацию, оставляя на повестке дня союз и конфедерацию. Поражения сторонников

советской власти 1919–1920 годов отбросили их в пределы бывшей Российской империи, которую предстояло как-то обустраивать.

После Брестского мира, закрепившего формальную независимость ряда бывших частей Российской империи, уже неудобно было претендовать на включение их назад в Российское государство. VIII съезд РКП(б) выступил за федеративное объединение государств, организованных по советскому типу.

Колебания по этому вопросу были и у большевиков Украины. 21 декабря 1919 года Всеукраинский ревком определил, что УССР независима от России. 20 мая 1920 года IV Всеукраинский съезд Советов решил: «УССР, сохраняя свою самостоятельную государственную Конституцию, является членом Всероссийской Социалистической Советской Федеративной Республики».

Однако вхождение УССР в РСФСР вызывало возражения НКИД, который пытался застраховаться против обвинений Советской России в проведении имперской политики. На этом этапе вопрос стоял о форме, а не сущности отношений центра и «окраин».

1 июня 1919 года и 28 декабря 1920 года заключались договоры между РСФСР и УССР, в соответствии с которыми ключевые ведомства советских республик объединялись, то есть де-факто украинские подчинялись Москве.

Независимый статус УССР «пригодился» в период советско-польских переговоров 1920–1921 годов, что выгодно оттеняло интернационализм России на фоне захватнической политики Польши в Украине и в Белоруссии. Независимый статус УССР был закреплен в Рижском мирном договоре 1921 года.

В августе 1922 года нарком по делам национальностей и Генеральный секретарь ЦК РКП(б) Иосиф Сталин составил проект

решения о взаимоотношениях России и других советских республик, который предусматривал «формальное вступление независимых советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении в состав РСФСР» (вопрос о Средней Азии и Дальнем востоке на время был оставлен в стороне из-за дипломатических сложностей). На вступающие республики распространялась компетенция высших органов власти РСФСР и наиболее важных российских наркоматов. Это позволяло при некоторой автономии республик обеспечить главное с точки зрения Сталина: «организацию на деле единого хозяйственного организма на объединенной территории Советских республик с руководящим центром в Москве».

Позиция Сталина была компромиссом между унитаризмом и существующей конфедерацией формально самостоятельных советских республик. Stalin любил выглядеть творцом компромиссов. Но на этот раз выступить в такой роли ему не дал Ленин. 26 сентября он подверг критике сталинский проект, против которого уже выступили руководители Грузии. За более широкое обсуждение проекта будущего объединения выступали также представители Украины (Христиан Раковский), Белоруссии (Александр Червяков), Азербайджана (Самед Агамали-оглы).

В чем была суть разногласий? Для Сталина было принципиально важным наилучшим образом организовать то, что уже находилось во власти коммунистов. А для этого нужно было преодолеть хаос в отношениях между регионами, происходящий из бесконечных согласований между инстанциями разных республик. В письме к Ленину он возмущался «социал-независимцами», которые рассматривают вмешательство центра «как обман и лицемерие со стороны Москвы». Stalin предлагал замену «фиктивной независимости настоящей внутренней

автономией...». Ленин считал, что «Сталин немного имеет устремление торопиться». То есть направление его действий правильное, советское пространство должно управляться из одного центра. Но народам нужно показать, что советская власть несовместима с национальным угнетением, что новые советские страны не будут захвачены Россией, а войдут в добровольный союз с ней.

Переговорив по этому поводу, Ленин и Сталин быстро нашли решение, и формула Сталина была изменена: «Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии». После этого Сталин об «автономизации» не упоминал. Ленин трактовал новую формулу как «уступку» Сталина, будто речь шла не о согласовании решения в рабочем порядке, а о борьбе с политическим противником. За тактическим разногласием уже чувствовался более глубокий конфликт, который в это время разгорался между двумя лидерами, потому что Сталин, по мнению Ленина, сосредоточил в своих руках слишком большую власть.

Сталин парировал и обвинение в торопливости, уличив Ленина в стремлении слишком быстро объединять наркоматы республик. Эта «„торопливость“ даст пищу „независимцам“ в ущерб национальному либерализму т. Ленина». Неучтивые возражения Сталина рассердили Ленина. «Ильич собрался на войну в защиту независимости... Отказался даже от вчерашних поправок», – тут же просигнализировал Сталину Сергей Каменев (видимо, он же пересказал Сталину обидные слова Ленина о торопливости, которые Генсек тут же вернул вождю). Stalin предпочтел уступить Ленину – в конце концов, главное, что партийная структура РКП(б) оставалась централизованной. После образования союза республик РКП(б) была переименована во Всесоюзную – ВКП(б),

а отдельную партию для России создавать не стали. Так что национальные партии остались автономными образованиями в составе ВКП(б). На деле власть была построена в соответствии с идеей «автономизации», но формально – полностью в соответствии с предложениями Ленина, рекомендовавшего создать Союз ССР как «новый этаж, федерацию равноправных республик». Stalin и возглавляемая им комиссия ЦК переработали резолюцию в соответствии с ленинскими пожеланиями, и она была принята на пленуме ЦК 6 октября.

Коммунистические партии республик, в том числе и КП(б)У, поддержали идею добровольного союза равноправных республик. Состоявшийся 16–17 октября 1922 года пленум ЦК Компартии Украины одобрил решения пленума ЦК РКП(б) о путях создания федеративного союза советских республик, обязав при этом Политбюро ЦК КП(б)У «при конкретной разработке этой схемы учитывать реальное обеспечение интересов Украины в разных союзных органах».

Ленина волновали возможности глобального расширения коммунистической системы, он готов был идти на уступки национальным группировкам номенклатуры. Это усиливало «цепь» режима с этнокультурной и местной социально-экономической почвой, но в долгосрочной перспективе подрывало целостность коммунистической системы. Это противоречие преследовало коммунистическое движение всю его историю.

Ленинская модель союзного государства обеспечила сохранение Украинской республики как равноправного с Россией преемника Российской империи. Вопреки собственному желанию этим он обеспечил возможность в будущем провозгласить независимость Украины.

Валерий Солдатенко. Александр Шубин. Симон Петлюра. Отец-основатель или неудачник

Симон Васильевич Петлюра родился в Полтаве 10 (22) мая 1879 года. После окончания бурсы учился в духовной семинарии. Но стать священником ему не довелось. В 1900 году Петлюра вступил в Революционную украинскую партию (РУП) и вскоре был исключен из семинарии в результате конфликта с ее руководством. В 1902 году юноша опубликовал статью о народном образовании в издававшемся во Львове М. Грушевским «Литературно-научном вестнике». Переехав на Кубань, Петлюра учителяствовал, участвовал в сборе документов и написании «Истории Кубанского казачьего войска». В конце 1903 года Петлюра был арестован и после освобождения в 1904 году эмигрировал во Львов, где сотрудничал с Грушевским, редактировал издания РУП.

После амнистии 1905 года Петлюра вернулся в Киев. При расколе РУП в 1905 году Петлюра вошел в Украинскую социал-демократическую рабочую партию (УСДРП). В эти годы он приобрел известность как публицист. Важным фактором в развитии мировоззрения и карьере Петлюры стала принадлежность к масонам. Переехав в 1909 году в Москву, он работал бухгалтером, в 1912–1916 годах редактировал русскоязычный журнал «Украинская жизнь». В 1916 году получил должность помощника главного интенданта фронтовых поставок на Западном фронте.

В когорте руководителей Украинской революции

Национально-освободительное движение, получившее мощный импульс в результате свержения самодержавия, приобрело такие масштабы и сущностные специфические особенности, которые позволяют говорить об Украинской революции как составной части революционных процессов в России. Одной из важных слагаемых национальной революции явилась стихийно возникшая украинизация в армии – вычленение воинов-украинцев из существовавших частей и создание новых военных формирований на национальной основе. В сформированной украинскими социалистическими партиями Центральной раде доминировали автономистско-федералистские устремления и пацифистские настроения. Дополненные опасениями вызвать недовольство и даже, по условиям военного времени, репрессии со стороны Временного правительства и командования российской армии, они обусловили стремление лидеров национального движения сдерживать движение снизу. В этих условиях М. С. Грушевский и В. В. Винниченко сделали ставку на С. В. Петлюру, не имевшего четких политических взглядов и, какказалось, готового проводить линию поведения, диктуемую руководством Центральной рады.

Пребывая весной 1917 года на Западном фронте, Петлюра возглавил Украинскую фронтовую раду в Минске. Как ее представитель в апреле он принял участие во Всеукраинском национальном конгрессе, в мае – во Всеукраинском воинском съезде, под давлением руководства Центральной рады возглавил избранный съездом Украинский генеральный воинский комитет. 8 мая вместе со всем составом УГВК (18 человек) Петлюра был кооптирован в Центральную раду. Оказавшись на руководящей

роли в движении украинизации армии, Петлюра с образованием Генерального секретариата Центральной рады 15 июня был выдвинут на должность Генерального секретаря по военным делам. В этот период Петлюра выступал против развала общероссийского фронта. Так, 11 августа в связи с новым наступлением немцев Симон Петлюра призвал украинцев: «Если в виду военных обстоятельств придется ехать на какой-то фронт, безусловно нужно ехать, ибо фронт един».

Ситуацию кардинально изменил Октябрьский переворот. Большевистский Совнарком и утвердившаяся в Киеве Центральная рада не признавали друг друга. Петлюра заявил о выходе Юго-западного и Румынского фронтов из подчинения российского командования и превращении их в Украинский фронт. Реальных сил для обеспечения этого решения у Центральной рады не было, но парализовать снабжение, дезорганизовать управление этих фронтов Рада вполне могла. Так что у советского правительства возникла альтернатива – договариваться с Радой или уничтожить либо кардинально преобразовать ее. Пока не было возможности решить проблему силой, приходилось искать пути к согласию.

Задача Петлюры как военного министра автономной Украинской Народной Республики, провозглашенной 7 (20) ноября 1917 года, заключалась прежде всего в том, чтобы готовиться к возможному вооруженному столкновению со сторонниками советской власти. Но 18 декабря 1917 года он был отправлен в отставку из-за противоречий с другими членами Рады, по существу за провал кампании по украинизации армии.

15 (28) января началось большевистское восстание в Киеве. Красная гвардия укрепилась на заводе «Арсенал» и на Подоле. Вместе с двумя просоветскими полками красногвардейцы

захватили почти весь центр города. Но 20 января Петлюра и Коновалец подошли с подкреплениями и выбили восставших из центра Киева. «Арсенал» был окружен, и 21 января (3 февраля) сопротивление его защитников было сломлено. Восстание было подавлено, произошли массовые бесследные расстрелы пленных.

В это время войска красных во главе с Михаилом Муравьевым шли на Киев. 15 (28) января советские войска заняли Бахмач. Продвижение советских войск не вызывало значительного сопротивления. 16 (29) января войска Рады, состоявшие из нескольких сот юнкеров и студентов, дали им бой под Крутами и были разбиты. 22 января войска Муравьева заняли левобережные пригороды Киева и стали обстреливать город из артиллерии.

Петлюра принял участие в организации обороны. Однако ряды сторонников Центральной рады неуклонно таяли, и 25 января Центральная рада выехала из Киева сначала в Житомир, а затем в Сарны – к самому немецкому фронту. 26 января (8 февраля) 1918 года Киев был взят советскими войсками. Но, подписав 9 февраля мир с немцами в Бресте, УНР была признана странами Четверного союза.

Центральная рада пригласила войска «союзных» Германии и Австро-Венгрии в Украину. Немцы без большого труда выбили с Украины красных, а 28–29 апреля 1918 года разогнали и саму Центральную раду, передав власть гетману Павлу Скоропадскому. При Скоропадском Петлюра стал председателем киевского земства. 27 июля он был арестован за нелояльное отношение к режиму.

С началом ноябрьской революции в Германии и эвакуации австро-германских войск режим Скоропадского потерял свою главную опору. Петлюра был освобожден из заключения.

13 ноября Украинский национальный союз – воплощение идеи единого национального фронта – создал Директорию во главе с левым социал-демократом Владимиром Винниченко. В нее также вошли Симон Петлюра, Федор Швец, Андрей Макаренко и Афанасий Андриевский. Военными силами Директории – повстанческими войсками – командовал Петлюра, провозгласивший себя Главным атаманом.

14 ноября Директория начала восстание против «насильника и узурпатора» Скоропадского. Параллельно с возвзванием от имени всей Директории персональное обращение к украинцам распространил Петлюра, что вызвало недовольство и сожаление председателя Директории Винниченко: «„Петлюра идет на гетмана“, „Петлюра призывает против немцев“... Словом, этим сразу было внесено в движение как раз все то, чего хотели избежать партии: персональный характер дела, отсутствие коллективности и даже отсутствие республиканского характера движения... Имя Петлюры стало маркой всего движения».

15 ноября директора прибыли в Белую церковь, где базировались сечевые стрельцы Евгения Коновальца, ставшие ядром выступления, поддержанного многими украинскими военными частями и их командирами – атаманом Петром Болбочаном в Харькове, серожупанной дивизией на Черниговщине и др. Восстание было популярно среди крестьян. «Хлеб и всякие другие продукты привозили к нам возами», – вспоминал Винниченко. В 1919 году эта поддержка резко ослабнет.

17 ноября созданный немецкими солдатами Совет подписал с Директорией соглашение о нейтралитете. Немцев интересовало одно – скорейшая эвакуация на родину. 18 ноября у Мотовиловки гетманские силы были разбиты и отошли к Киеву. Повстанцы,

памятуя о немецком факторе, тоже пока не беспокоили столицу. После того как 12 декабря последний эшелон с немецкими военными покинул Киев, 14 декабря гетман отрекся от власти и бежал. 17 декабря 1918 года повстанцы заняли Киев. УНР была восстановлена.

Директория обещала вернуть все завоевания революции и созвать Учредительное собрание. Винниченко предложил перенять у большевиков лозунг советской власти, создать демократические Советы: «будучи введена по инициативе и по указаниям самой Директории, советская власть могла бы быть организована по такому принципу, чтобы ее национальный украинский характер сохранился в полной мере...» – вспоминал Винниченко. Но Петлюра и большинство директоров не поддержали эту идею, так как она означала неизбежный конфликт с Антантою и в то же время не гарантировала дружелюбия большевиков. Петлюра, приверженный идеи парламентаризма, утверждал, что советскую идею не поддержат и атаманы – вожди формирующихся частей национальной армии. В действительности их мнения разделяются, что катастрофически скажется на состоянии фронта – Волох и Григорьев перейдут на сторону советской власти, а Болбочан и Оскилко окажутся противниками Петлюры справа.

В итоге дискуссии директоров с участием руководства политических партий был выработан компромисс – наряду с парламентом предполагалось создать трудовые Советы, которые должны были стать основой Республики трудового народа, созвать с этой целью как первый шаг Конгресс трудового народа – определенный аналог Съезда Советов. В реальности же власть переходила к комендантам и комиссарам Директории – по сути к полевым командирам – атаманам.

Первоначально Директория провозгласила довольно левый курс, во многом созвучный чаяниям рабочих и крестьян. Декларацией Директории от 26 декабря была восстановлена правомочность законодательства Центральной рады, предполагалось создание демократически избранных органов местного самоуправления, введена «национально-персональная» автономия для национальных меньшинств, восстановлен 8-часовой рабочий день, был обещан рабочий контроль, государственное управление ведущими отраслями промышленности и борьба со спекуляцией. «Впредь до полного разрешения вопроса о земельной реформе» Директория УНР оповестила, что «все мелкие крестьянские хозяйства и все трудовые хозяйства остаются в неприкосновенности в пользовании прежних их владельцев, остальная же земля переходит в пользование безземельных и малоземельных крестьян, а в первую очередь тех, кто вступил в войска республики для борьбы с б. гетманом». В этом тексте крестьян, наученных горьким опытом гетманата, не могло не смутить «впредь до полного разрешения...». То есть в переживаемый момент права на землю в УНР еще не гарантировались. Такое «учредительство» было достаточно скомпрометировано, и большевики, уже передавшие землю безо всяких отсылок к будущему парламенту, представлялись крестьянам гораздо предпочтительнее.

Декларация 26 декабря определяла (правда не очень четко) порядок выборов делегатов на Конгресс трудового народа. Он должен был получить права верховной власти до созыва Учредительного собрания, которое намечалось на время после завершения войны.

На практике власть перешла в руки атаманов, которые, по словам Винниченко, «решали не только военные дела, но и политические, социальные и национальные. Вся верховная, то есть реальная, действительная власть находилась в руках атамана, именно в штабе сечевых стрельцов, с которыми Петлюра совершенно солидаризировался и всякими способами заискивал у них ласки. Они вводили осадное положение, они вводили цензуру, они запрещали собрания... Директория и кабинет министров играли только декоративную роль ширмы и громоотводов».

Не имея военного образования и не продемонстрировав в этой сфере сколько-нибудь исключительных личных способностей, Петлюра безоговорочно солидаризовался с военными специалистами (в том числе и теми, кого судьба неожиданно и далеко не всегда оправданно связала с военной карьерой). И когда «гражданские» политики стремились доказать Петлюре нецелесообразность тех или иных, часто априори сомнительных, ошибочных решений, действий, он от них отворачивался, продолжал и дальше доверять военным, полагаться исключительно на их мнения.

Психологическая подоплека поведения Главного атамана заключалась в том, что наивысший свой взлет он пережил во главе республиканского повстанческого войска во времена антигетманского восстания. Это был действительно его «звездный час». Именно тогда он на собственном опыте убедился, какие огромные возможности представляет в условиях гражданской войны военная власть, власть «человека с винтовкой». Он активно выступал против политического контроля Директории в армии, считая, что такой контроль ослабит его личное влияние и влияние преданных ему командиров и рядовых.

В этом и заключался главный корень расхождений Петлюры с тогдашними лидерами Украинской революции. Однако Главный атаман настойчиво навязывал режим «атаманщины», опираясь на отряды уже выдвинувшихся или назначенных им же полевых командиров. А те устанавливали свою диктатуру на местах, не собираясь согласовывать свою политику с Директорией и соблюдать хоть какие-либо демократические принципы. «Из всех властей, которые царили над нами за эти пестрые четыре года, ни при одной не расцвели таким пышным цветом налеты, грабежи и вымогательства. Разгулявшиеся хулиганы спешили снять сливки с понаехавшей в Киев при гетмане денежной публики... Бороться против налетов было очень трудно, и случаев ареста налетчиков, насколько я помню, почти не было», – вспоминал киевский адвокат Алексей Гольденвейзер.

Внедрение режима «атаманщины» вызывало довольно широкое недовольство и даже вооруженное сопротивление на местах, направленное против режима Директории в целом, а также политическую критику изнутри системы УНР.

16 января 1919 года Директория объявила войну Советской России. В тот же день Болбочан сдал Полтаву. Попытка Петлюры отбить город оказалась неудачной. Фронт УНР рушился из-за многочисленных восстаний, перехода атаманов на сторону советской власти. Красные развернули наступление в направлении Киева и Одессы. Формально Украинская Народная Республика в это время расширилась на запад – 22 января на основе Акта соборности (объединения) в ее состав вошла Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР), возникшая на территории Восточной Галиции и Северной Буковины.

Петлюра скептически относился к намерениям главы Директории Винниченко создать полусоветскую систему

правления в Украине и договориться с большевиками о мире. В это время Петлюра уже решительно порвал с социал-демократическими идеями и стремился создать обычное национальное государство, а в переговорах с представителями Антанты обещал построить «первую масонскую республику».

Посланники Директории не смогли договориться в Москве о мире (миссия Семена Мазуренко). 6 февраля красные заняли Киев. Еще 2 февраля 1919 года Директория обосновалась в Виннице. Перевес тогда приобрели сторонники Петлюры, ориентировавшиеся на Антанту. Еще 15 декабря 1918 года в Одессе высадился 15-тысячный англо-французский экспедиционный корпус. Вскоре лидирующее место в интервенции на Украину заняла Франция, так как Британии была определена сфера влияния восточнее – от Дона до Средней Азии. К французам присоединились греки, сербы и другие воинские контингенты Антанты. Командующий французской дивизией генерал д'Ансельм потребовал от войск УНР очистить Одессу и прилегающие территории, что и было сделано. 7 февраля генерал д'Ансельм и его начальник генштаба Фройденберг провозгласили, что «Франция и ее союзники не забыли усилий, которые Россия сделала в начале войны, и теперь они пришли в Россию с целью дать всем благонадежным элемен там и патриотам возможность восстановить в стране порядок, уже давно уничтоженный ужасами гражданской войны». Патриоты России в данном контексте – это совсем не украинские национальные деятели. Антанта вообще не собиралась поддерживать Директорию, делая ставку на белое движение.

В приказе Ансельма говорилось, что «Франция и ее союзники пришли в Россию, чтобы дать возможность всем факторам доброй воли и патриотизма восстановить порядок в стране». Стало

предельно ясно, что французское командование считает Украину неотъемлемой частью России, а за Директорией может признать разве что статус одного из российских «факторов доброй воли».

Французы выдвинули политические условия на переговорах с представителями УНР: устранение представителей левых партий из Директории, передача французам контроля над железными дорогами и финансами Украины, проведение аграрной реформы только на принципах вознаграждения собственника. В начале февраля Директория отвергла это грубое вмешательство в дела своего государства, но переговоры продолжила. От имени директории их вел Сергей Остапенко, который призывал Антанту признать УНР и помочь в отражении агрессии большевиков. Того же добивалась и украинская делегация на Парижской мирной конференции, впрочем безуспешно.

В условиях наступления Красной армии и развала фронта Антанта оставалась последней надеждой на спасение для лидеров УНР. 9 февраля УСДРП отозвала своих представителей из Директории и правительства, надеясь таким способом облегчить достижение соглашения с Антантою. Винниченко оставил пост главы Директории и вскоре уехал за границу.

Лидер украинской Народной Республики

Роль «первой скрипки» в Директории перешла к Петлюре, который уже официально вышел из УСДРП, чтобы не ассоциировать своего имени с социализмом. По решению своей партии из Директории вышел также эсер Федор Швец. В правительство согласились войти либералы – социалисты-федералисты (слово «социализм» в их названии было чистой условностью), социалисты-самостийники и народные республиканцы. Правда, поиску внешней опоры это не помогло – Антанта предпочла поддерживать Колчака и Деникина, выступавших за единую и неделимую Россию. Отряды гайдамаков один за другим переходили на сторону большевиков – левые идеи были в Украине популярнее, чем правый национализм.

13 февраля поредевшая Директория назначила премьер-министром Остапенко, также дезертировавшего из УПСР. Теперь на него возлагались надежды на соглашение с французами. Но они оказались иллюзией. После эвакуации войск Антанты из Одессы переговоры с делегацией УНР продолжались уже в Париже. Отдел по русским делам МИД Франции не лишал украинцев надежд, оговаривая возможную помошь прекращением борьбы с Польшей и Деникиным. Конкретную помошь должна была обеспечить делегация Антанты, которая так и не прибыла в район дислокации Директории. Представители Франции и США на Парижской мирной конференции не принимали всерьез существования украинского народа и исходили из перспективы возрождения «единой и неделимой» России, естественно, с вхождением в ее состав Украины.

Тем временем повстанцы, выступившие против немецкой оккупации и гетманата, и частично поддержавшие Директорию,

теперь разворачивали фронт против нее, в поддержку советской идеи, отвергнутой Директорией несмотря на усилия Винниченко. Популярность идеи советской власти и связанных с ней радикальных социальных преобразований обеспечила быстрое продвижение красных на Украине.

Однако Петлюра не намеревался сдаваться. 15 марта его войска перешли в наступление, взяли Коростень и подошли к Киеву на 50 км. Гайдамаки заняли Житомир. Однако на других участках фронта красные продолжали наступать, и 18 марта 1-я Украинская дивизия Николая Щорса вошла в Винницу, а 20 марта – в Жмеринку. 26 марта петлюровцы были разбиты на реке Тетерев и отступили 21 марта, командование отрезанного красными Юго-Западного фронта УНР (атаманы Волох и др.) провозгласило переход на советскую платформу.

После эвакуации интервентов из Одессы отступившие в Ровно члены Директории (Петлюра и Макаренко) 9 апреля назначили премьер-министром украинского социал-демократа Бориса Мартоса, который сформировал более левое правительство УНР. Однако члены Директории Афанасий Андриевский и Евгений Петрушевич (последний – украинский национал-демократ, лидер Западно-Украинской Народной Республики – был приглашен в Директорию вместо выбывшего Винниченко) выразили несогласие с коррекцией курса. Связанный с Андриевским атаман Владимир Оскилко 29 апреля поднял мятеж против Петлюры и Мартоса в Ровно, арестовал ряд членов правительства и провозгласил себя Главным атаманом. Однако мятеж провалился, а фронт УНР оказался окончательно разваленным. Оставив Ровно, Директория продолжила кочевать на запад. Как шутили тогда, «в вагоне Директория, под вагоном территория». 9 мая

председателем Директории был избран Петлюра, а 13 мая из ее состава вывели Андриевского.

Пока Петлюре было не до наведения порядка в своем войске, разыгрались шовинистические инстинкты атаманщины. В феврале – марте погромы охватили Балту, Проскуров и другие населенные пункты. 27 мая Директория приняла закон о создании Особой следственной комиссии по расследованию погромов. Но существенных последствий эта мера не имела, так как комиссия не могла арестовать петлюровских командиров, творивших произвол против евреев. Петлюре осталось только обвинять в провоцировании погромов... большевиков. Якобы «враги нашего государства – большевики расстреливали, насиловали женщин и детей, учиняли погромы еврейского населения, забирали последние материальные средства к жизни». А теперь погромную агитацию ведут их провокаторы. А вот «рыцарское войско, которое несет всем нациям Украины братство, равенство и свободу, не должно спокойно слушать всяких пройдох и провокаторов, жаждущих человеческого мяса. Также оно не может быть причастно к тяжелой участи евреев».

14 мая польская армия под командованием Галлера, сформированная при помощи Франции, двинулась на Волынь. Силы УНР спасло тогда от полного разгрома только то, что в конце мая поляки столкнулись у Радзивилова с красными. Директория переехала в ЗУНР, в Тернополь. Но поляки 2 июня заняли город, и Петлюре, начальнику штаба армии Василию Тютюнику пришлось прорываться в сторону красных на Проскуров. В этот момент вся территория УНР, включая ЗУНР, сократилась до полосы в 10–20 км в районе станций Богдановка и Волочиск на западном берегу реки Збруч. Если бы Директория с ее армией не смогла пробиться на восток, за Збруч, то она

оказалась бы под властью поляков уже в июне 1919 года. Но 3 июня петлюровцы все же пробились на восточный берег. Красные, ослабленные в условиях наступления Деникина, не удержали переправу через Збруч, оставили Проскуров, что позволило Директории вернуться 6 июня в Каменец-Подольский.

Поляков тоже отвлекли дела на западе, и украинцы 9 июня взяли Чертов, а 15 июня – Тернополь. Но дальнейшее наступление на Львов обернулось катастрофой. Пилсудский, заручившийся согласием Антанты на занятие всей Галиции, разбил Украинскую галицкую армию (УГА) 28 июня, и 17 июля она оставила Галицию.

Двум «половинкам» УНР снова нужно было мириться. Причем примирение было достигнуто на условиях потерпевших военное поражение галичан – ведь Петлюра сочувствовал именно их правому курсу. 12 августа Директория приняла декларацию, в которой левая риторика уже отсутствовала, власть в УНР должна была опираться на весь народ и все слои общества, политическая программа основывалась на парламентаризме. Мартос ушел в отставку, и новое, более правое правительство 27 августа возглавил Исаак Мазепа. Петрушевич вернулся в состав Директории.

В условиях раз渲ала фронта красных в августе объединенная украинская армия представляла внушительную силу – около 80 тысяч бойцов, хотя около половины из них сосредотачивались в обозе, других вспомогательных службах. Она заняла Жмеринку и Винницу и стала развивать успех на Киев и Одессу. При этом Петлюра надеялся, что белые ограничатся наступлением на левобережье Днепра и с ними можно будет договориться.

12 августа Деникин выступил с обращением, которое не оставляло никаких иллюзий по поводу его отношения к

украинской идеи: «Стремление отторгнуть от России малорусскую ветвь русского народа не оставлено и поныне. Былые ставленники немцев – Петлюра и его соратники, положившие начало расчленению России, продолжают теперь совершать свое злое дело создания самостоятельной Украинской державы и борьбы против возрождения единой России». Украинский язык в государственных школах допускался только в начальных классах.

30 августа части УГА под командованием галицийца генерала Антона Кравса заняли Киев, но ненадолго – менее чем на сутки. К Киеву подошли белые части генерала Николая Бредова, который потребовал от украинских войск очистить Киев, на что пришлось согласиться. Это был сильнейший удар по авторитету УНР. 6 сентября Петлюра писал: «Прошу президента Петрушевича повлиять на галицийских тыловых командиров, которые неосмотрительно обсуждают не имеющую оснований тему контакта с Деникиным, тем самым разлагая общественность и армию. Безосновательность ее ярко подтверждает манифест Деникина населению „Малороссии“, в котором он называет нашу власть предательской и предрекает борьбу с нами под лозунгом единой и неделимой России».

24 сентября Директория объявила войну деникинцам. 7 октября она направила державам Антанты воззвание, в котором говорилось: «Генерал Деникин, взяв за основу реакционные законы старого времени, беспощадно уничтожает украинскую культуру, лишает нас права и возможности учиться в украинской школе, запрещает пользоваться украинским языком в церкви, закрывает наши культурные учреждения, запрещает украинские книги...» Однако Антанта проигнорировала жалобу.

В середине октября петлюровцы потерпели поражение от белогвардейцев. К тому же ряды армии УНР, в первую очередь ее

наиболее многочисленной составляющей – Украинской галицкой армии, – буквально «косила» эпидемия тифа. 10 ноября белые взяли Жмеринку. 6 ноября командующий галицийской армией Мирон Тарнавский подписал с Деникиным соглашение о переходе украинских войск в подчинение белым. Петрушевич отменил это соглашение и отдал Тарнавского под суд, но уже 12 ноября выяснилось, что его возмутила форма, а не содержание случившегося. 16 ноября руководство ЗУНР эмигрировало, а вновь назначенный командующий галицийской армией Осип Микитка подтвердил соглашение с Деникиным. 16 ноября поляки заняли Каменец-Подольский. Директория, опять оставшаяся почти без территории, переехала в Проскуров и здесь 15 ноября передала всю власть Петлюре. 22 ноября белые ворвались в Проскуров, и Петлюра вынужден был ретироваться в последний оплот – Староконстантинов (его белые захватили через 10 дней).

Анализируя развитие военных событий в 1919 году, можно прийти к таким выводам: под руководством Петлюры армия УНР могла потерпеть полный крах значительно раньше, чем это случилось на самом деле. Но на выручку приходили преимущественно вовсе не качества военного руководителя, даже не ратные способности воинов армии УНР, а в одних ситуациях непредвиденные паузы, связанные с обстоятельствами борьбы на других фронтах, которые допускали в своих действиях войска то «белых», то «красных», в других – своевременная подмога УГА, которую выбили из территории ЗУНР, а также стихийные восстания в тылу у врагов. «Подарки судьбы», которые получал Петлюра, были результатом противоборства в стане его врагов, когда тем было просто не до петлюровцев. Об успешной военной стратегии, военно-политическом искусстве Петлюры

говорить не приходится, а спасение, оттяжка окончательного краха обусловливались факторами, неподвластными Главному атаману, председателю Директории УНР.

И все же, невзирая ни на что, катастрофа УНР (она именуется ноябрьской, или Любарской – по названию городка, в котором были проведены последние военные совещания) оказалась неотвратимой. И она наступила. Оставалось одно – любым способом и любой ценой добиться соглашения с Польшей, с руководством которой Петлюра начал налаживать контакты еще с весны 1919 года.

Инструктируя главу чрезвычайной дипломатической миссии УНР в Польше Андрея Ливицкого, Петлюра писал 30 октября: «Никогда не забывайте, что Великая Россия, да еще такая – черной масти, как деникинская, – для нас неприемлема, и мы должны искать союзников нашей позиции относительно Деникина. В связи с этим комбинация союза против России: Польша – Украина – Латвия – Литва – Эстония совершенно приемлема для нас. Когда с помощью Польши мы получим оружие, военная удача тогда перейдет на нашу сторону, а это приблизит возможность вступления в такой союз Кубани, Грузии и Азербайджана, реализуя таким образом систему коалиции Балтийско-Черноморских государств». Поляки, правда, не торопились делиться оружием, их «смущали» восстания украинцев против Второй Речи Посполитой на Волыни.

Выступая на политическом совещании 26 ноября – по сути с прощальной речью, Петлюра заявил: «Мы вступили на арену истории тогда, когда весь мир не знал, что такое Украина. Никто не хотел ее признавать как самостоятельное государство, никто не считал наш народ отдельной нацией. Только борьбой, упорной и бескомпромиссной, мы показали миру, что Украина есть, что ее

народ живет и борется за свое право, за свою свободу и государственную независимость... Давайте признаем без гордости и без лишней скромности, что во время двухлетней нашей борьбы мы создали украинскую нацию, которая и далее будет активно бороться за свои права, за право самостоятельно и независимо от кого бы то ни было хозяйничать на своей земле».

2 декабря делегацией УНР была подписана Варшавская декларация, согласно которой межгосударственной границей признавался Збруч и, таким образом, закреплялся отказ в пользу Польши от Восточной Галиции. Более того, предполагалось, что отдельное соглашение защитит польских собственников от аграрной реформы в Украине. Декларацию осудил Украинский национальный союз, многие ведущие деятели УНР, Петлюра оказался в изоляции на политической сцене своей страны, но это было не важно, потому что сама эта сцена оказалась на территории, контролируемой поляками, или в эмиграции.

Ставка на Польшу

5 декабря Петлюра выехал в Варшаву. Диктатор ЗУНР Евгений Петрушевич уехал в Вену, где 20 декабря 1919 года официально денонсировал Акт соборности от 22 января 1919 года.

На территории, занятой поляками, Петлюру ждало разочарование. Украинские военные были разоружены и по большей части интернированы в лагеря. В январе 1920 года Петлюра жаловался Пилсудскому: «Даже горячие сторонники политики продолжения сближения Украины и Польши жалуются теперь на то, что отмеченная декларация (Варшавская декларация от 2 декабря 1919 года. – Авт.) остается мертвым словом в сравнении с суровой, далекой от этого слова действительностью». Несмотря на это, Петлюра продолжил сближение в Польшей, поглощавшей украинские территории и воспринимавшей украинского союзника только на условиях его полной марионеточности.

6 декабря остатки петлюровских войск во главе с Михаилом Омельяновичем-Павленко начали партизанский рейд по тылам Деникина («Первый зимний поход»). 24 декабря отряд Омельяновича-Павленко занял Винницу, но находившиеся рядом силы галицкой армии не присоединились к нему, продолжая хранить верность Деникину. 31 декабря петлюровцы вошли в Умань. Вскоре тыл белых превратился в тыл красных, где петлюровцы рейдировали до 6 мая 1920 года, когда соединились с поляками. А вот Галицкая армия перешла на сторону красных и стала называться Красной (червоной) Украинской галицкой армией (ЧУГА).

Несмотря на настойчивые предложения мира со стороны Советской России, Польша завершала подготовку к наступлению

на Киев. Союзником поляков в этом походе стали и поредевшие петлюровские части. В связи с подписанием украино-польского договора Петлюра заявлял 19 апреля 1920 года: «теперь украинская армия будет сражаться не одна, а вместе с армией дружественной нам Польской республики против красных империалистов, угрожающих также и свободной жизни польского народа... а после окончания борьбы с большевиками польские войска будут немедленно отведены в рубежи своей Республики». Пилсудский также обещал, что когда «на рубежах встанут отряды украинского народа, способные защитить эту страну от новой агрессии, – польский солдат вернется домой». Весь предыдущий опыт украино-польских отношений ставил эти обещания под сомнение (во всяком случае, пока существовало сильное Российское государство, можно было сомневаться в способности украинцев самостоятельно противостоять ему). Тем более что, как пишет биограф Начальника Речи Посполитой Володимеж Сулея, Пилсудский в 1920–1921 годах «еще не отказывался от объединения в рамках федерации Польши, Украины и Белоруссии, а в случае благоприятных условий – Литвы». Но Петлюра сделал свой выбор и 21 апреля подписал договор, признававший польскую границу 1772 года. Таким образом, Украина была разделена, и западная ее часть отходила к Польше с согласия лидера УНР. В 1921 году Петлюра писал: «Когда я в апреле 1920 г. заключал соглашение с поляками, моей целью было начать значимым политическим актом упорную борьбу со склонностями и тенденциями в нашем обществе к политическим соглашениям и договорам с Москвой, которую я считаю историческим и вечным врагом нашим». Впрочем, цена историческим апелляциям в мировоззрении была невелика – ведь и к полякам у украинцев было много исторических

претензий. Но тут Петлюра был куда как более гибок. Мол, поляки – неважные колонизаторы, и их попытка сделать своими Волынь и Полесье «не будет иметь никаких последствий».

Говоря о национальных задачах украинского народа, Петлюра утверждал: «Наша национальная сокровищница содержит в себе множество непостижимого и еще неразвитого, что мы должны будем долгие века работать над развитием этих богатств».

25 апреля 1920 года польские войска вторглись в Советскую Украину. Вместе с польской армией действовали две украинские дивизии, а затем еще и «армия Зимнего похода». «Червоная» УГА перешла на сторону Петлюры. 6 мая поляки вошли в Киев.

Однако 13 июня РККА перешла в контрнаступление. 1-я Конная армия прорвала фронт, и поляки стали стремительно отходить. В июле войска УНР отошли за Збруч, а в августе – за Днестр.

Польское руководство в сложившихся условиях было готово признать границей линию, рекомендованную Советом Антанты 8 декабря 1919 года: Гродно – Валовка – Немиров – Брест-Литовск – Дорогоуск – Устилуг – Крылов – восточнее Перемышля и западнее Равы-Русской. 11 июля министр иностранных дел Великобритании Джордж Керзон направил наркоминделу Чичерину ноту, в которой потребовал признать эту линию, отвести войска на 50 км от нее и заключить перемирие с Польшей и Врангелем. В случае отказа Керзон угрожал, что Антанта поддержит Польшу силой. Советское руководство отвергло ноту Керзона и потребовало, чтобы Польша сама обратилась с просьбой о перемирии. В этом случае ей была обещана даже более выгодная граница, чем «линия Керзона». Польские лидеры не обратились с просьбой о перемирии, Красная армия вошла на территорию этнической Польши и подошла к Варшаве и Львову.

16 августа Пилсудский перешел в контрнаступление на Седлец во фланг Западному фронту РККА. Фронт красных был прорван и смят. Воспользовавшись отступлением советских войск по всему фронту, армия УНР перешла в наступление и вместе с поляками заняла Тернополь и Проскуров.

12 октября в Минске было заключено советско-польское соглашение о перемирии. Силы УНР, находившиеся восточнее демаркационной линии за Збручем, попытались сопротивляться Красной армии, но были разбиты. 14 ноября правительство УНР во главе с Ливицким оставило Каменец-Подольский, переехав в Польшу. 21 ноября 1920 года остатки украинской армии отошли за Збруч и были интернированы поляками.

Находясь некоторое время в Польше (в Тарнове и Варшаве), Петлюра стремился продолжать (или имитировать) государственную деятельность. Но решаемые вопросы становились все мельче и бесперспективнее, иногда – просто бессмысленными. Сказывалось и то, что, оказавшись в эмиграции, значительная часть украинских политических сил усматривала в Петлюре основного виновника упущенного шанса на возрождение национальной государственности. Оппозиционные настроения переросли в попытки устраниТЬ Петлюру с позиции лидера в государственном центре УНР в эзиле (изгнании). И главе Директории стоило немалых усилий и серьезных контрмер, чтобы сорвать посягательства соперников на его эфемерную власть.

Тем временем 18 марта 1921 года был заключен Рижский мир. Делегацию УНР, невзирая на все попытки принять участие в переговорах, на конференцию не допустили. Согласно подписанному договору Западная Украина до реки Збруч отходила к Польше. Стороны обязались не поддерживать

враждебных действий друг против друга, так что Петлюра формально перешел на нелегальное положение, что не мешало ему в 1921–1922 годах готовить диверсии на советской территории.

Последней попыткой спровоцировать крестьянское восстание против советской власти, разжечь новое пламя гражданской войны в Украине стал «второй зимний поход» петлюровцев во главе с Юрием Тютюнником. Три колонны вооруженных самостийников вторглись на территорию Советской Украины из Польши и Румынии 19 октября – 4 ноября. Тютюнник ворвался в Коростень, но был выбит оттуда 17 ноября, после чего был полностью разгромлен Котовским и бежал назад в Польшу.

В апреле 1922 года ВУЦИК объявил амнистию всем украинским повстанцам, всем, кто воевал против большевиков в Украине, за исключением семи самых заклятых врагов – Симона Петлюры, Павла Скоропадского, Нестора Махно, Юрия Тютюнника, Петра Врангеля, Александра Кутепова и Бориса Савинкова.

Правительство Советской Украины в 1923 году обратилось к польским властям с требованием выдать Петлюру, чтобы судить его как врага украинских трудящихся. После этого Петлюра вынужден был переехать в Венгрию, затем – в Австрию и Швейцарию. В 1924 году он обосновался вместе с семьей во Франции. В Париже 25 марта 1926 года он был убит поэтом и анархистом Самуилом Шварцбардом.

Состоявшийся осенью 1927 года парижский суд присяжных оправдал убийцу, доказывавшего, что это была месть за еврейские погромы, осуществлявшиеся на подконтрольной Директории территории, когда главой УНР был Петлюра.

Валерий Солдатенко. Александр Шубин. Иосиф Сталин. «Отец всех народов» или свирепый отчим украинцев

Отношение к Сталину в наше время на постсоветском пространстве во многом характеризует политические взгляды человека. Споры о нем не утихают: «Сталина на вас нет!»; «Кровожадный маньяк!»; «Губитель страны!»; «Спаситель страны!».

Перед Украиной у Сталина и своя дополнительная вина, и свои заслуги. В ее историю Stalin входил постепенно. Как нарком по делам национальностей, он оказался ключевой фигурой в определении позиции правительства Советской России в борьбе за политическую власть в Украине в конце 1917 – начале 1918 года. Его мнение было решающим в выборе линии поведения относительно Украинской Народной Республики, Центральной рады и в подходе к вопросам о судьбе Донецко-Криворожской советской республики, о границах Советской Украины вообще, ее государственном статусе. В октябре 1918 – марте 1919 года Stalin был членом ЦК КП(б)У, членом его Заграниценного бюро, то есть фактически представителем КП(б) Украины в ЦК РКП(б). В 1919 году Stalin проводил решение о ликвидации автономной партийной структуры «Донкривбасса». А в марте следующего года на IV конференции Компартии (большевиков) Украины он по существу предотвратил раскол республиканской организации из-за противоречий с демократическими социалистами, хотя вскоре ЦК РКП(б) пошел на беспрецедентный и единственный во всей истории КП(б)У шаг – распуск избранного форумом ЦК и назначение временного руководящего органа. Параллельно

Сталин деятельно участвовал в подъеме из руин, восстановлении Донбасса.

Во время советско-польской войны Сталин был членом реввоенсовета Юго-западного фронта. Его роль в неудачном штурме Львова и опоздании 1-й Конной армии на Западный фронт в августе 1920 года потом бурно обсуждалась военными, проигравшими польскую кампанию.

Став Генеральным секретарем ЦК РКП(б) в 1922 году, Сталин продолжал считаться ведущим, наиболее авторитетным специалистом партии по национальному вопросу и даже конфликтовал с Лениным по поводу будущего национально-государственного устройства советских республик. Ленин отверг идею Сталина об «автономизации», благодаря чему Украина стала союзной республикой, а не автономной частью России.

Но решающее влияние Сталина на судьбу Украины приходится на 1930-е годы. Помимо того что Украина, как и другие республики, попала под удар террора, она пережила тяжелейший голод, а в конце десятилетия начала осуществлять вековые мечты о территориальном объединении.

«Устраивал» ли Сталин «украинский голодомор»?

Голод в СССР, который особенно сильно ударили по Украине, югу России и Казахстану, был вызван изъятием продовольствия у крестьянства на нужды форсированной индустриализации.

Можно ли было добиться быстрой индустриальной модернизации иначе? Почему такими большими оказались жертвы голода? Споры об этом не утихают.

Отказ от переживавшей глубокий кризис модели НЭПа и «прыжок в социализм» (переход к форсированным индустриализации и коллективизации) стали результатом победы Сталина и его сторонников в борьбе с «правым уклоном», умеренными коммунистами во главе с Николаем Бухариным, Алексеем Рыковым и Михаилом Томским. Разгромив правых, Сталин сделал ставку, от которой уже не мог отступить. Его напряженный план индустриализации должен был сработать, иначе грозил политический крах.

XVI партконференция (23–29 апреля 1929 года) приняла «оптимальный» вариант первого пятилетнего плана. Все накопления НЭПа предполагалось разом «ухнуть» в пятилетку. Если за время НЭПа капиталовложения составили 26,5 млрд рублей, то теперь их уровень планировался в 64,6 млрд, при этом темпы вложения в промышленность значительно ускорялись и повышались – с 4,4 млрд до 16,4 млрд рублей, то есть теперь 78 % этих вложений направлялись на производство средств производства, а не потребительской продукции. Это означало изъятие огромных средств из хозяйства, которые могли дать отдачу через несколько лет. Промышленная продукция должна была возрасти за пятилетку на 180 %, а производство средств производства – на 230 %. 16–18 % крестьян предполагалось

коллективизировать, а большинству тех, кому новая форма жизни не подходит, была обещана возможность жить как раньше, и даже лучше. Производительность труда должна была вырасти на 110 %, зарплата – на 71 %, а доходы крестьян – на 67 %. Процветание виделось прямо за горизонтом – надо только поднапрячься. В результате, как обещала резолюция конференции, «по чугуну СССР с шестого места передвинется на третье место (после Германии и Соединенных Штатов), по каменному углю – с пятого места на четвертое (после Соединенных Штатов, Англии и Германии)». Качество продукции при этом в расчет не принималось, партийную элиту завораживали цифры валовых показателей. Сельское хозяйство должно было расти на основе подъема индивидуального крестьянского хозяйства и «создания общественного земледелия, стоящего на уровне современной техники», то есть, говоря иными словами: количество колхозов не может превышать количество необходимых для них тракторов. Зачем объединять крестьян, если не для совместной эксплуатации техники. Stalin знал, что есть принципиально другие мотивы, но пока молчал. План представлял собой компромисс позиций Сталина и Бухарина. Но реальность 1929 года заставит отказаться от компромиссов.

Еще в июле нарком внешней и внутренней торговли Анастас Микоян писал Григорию Орджоникидзе по поводу хороших видов на урожай: «И страну выведем из затруднений, и наших правых друзей оставим в дураках». Но взять выращенный хлеб оказалось непросто. И в сентябре тот же Микоян писал Молотову: «Все говорят об августовских хороших заготовках, умалчивая о начале сентября, когда всюду, где я был, произошло падение заготовок». Как и следовало ожидать – крестьянин не отдавал хлеб.

Сталин решил, что больше ждать нельзя. 7 ноября 1929 года он выступил со статьей «Год великого перелома», в которой утверждал, что «оптимальный вариант пятилетки... превратился на деле в минимальный вариант пятилетки», что удалось достичь коренного перелома «в развитии земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому колективному земледелию... в недрах самого крестьянства... несмотря на отчаянное противодействие всех и всяких темных сил, от кулаков и попов до филистеров и правых оппортунистов».

Эти оптимистические строки не раскрывали подлинного смысла происходящего. В секретных письмах и директивах Сталин предлагал снимать с должности и предавать суду председателей колхозов, продающих хлеб на сторону. В этом и заключалась необходимость коллективизации для осуществления напряженных планов индустриализации – создать послушную систему управления каждым крестьянином, получить возможность брать весь хлеб, оставляя крестьянину лишь минимум.

Пленум ЦК 10–17 ноября сделал новый шаг в стимулировании индустриального скачка и коллективизации, темп которой превзошел «самые оптимистические проектировки». Из этого следовало, что и остальные цифры пятилетки можно пересматривать во все более оптимистическом духе. Теперь уже признавалось, что можно создавать колхоз безо всякой техники. Для обслуживания нескольких колхозов создавались машинно-тракторные станции (МТС). Благодаря этому колхозники превращались в батраков государства, технически полностью зависимых от государственной структуры. И не только технически.

«Первая пятилетка» – это план. Но то, что хозяйство в 1929–1932 годах развивалось по плану, – оказалось мифом.

Руководство страны поощряло нарушение плана в сторону увеличения, что в итоге порождало хаос. На это обратил внимание, например, Роберт Конквест: «Целью было „перевыполнение“, и премию получал директор, который даст 120 % нормы. Но если он добивался такого перевыполнения, то где он брал сырье? Оно, очевидно, могло быть добыто только за счет других отраслей промышленности. Такой метод, строго говоря, вряд ли может быть назван плановой экономикой».

Одни отрасли вырывались вперед, за ними не успевали другие. Директора бесчисленных строек конкурировали в борьбе за ресурсы, которые в результате разбазаривались. Торопливое строительство при постоянной нехватке квалифицированных рабочих и инженеров приводило к авариям. Эти катастрофы объяснялись «вредительством буржуазных специалистов» и тайных контрреволюционеров. Если одни руководители производства отправлялись на скамью подсудимых, то другие получали премии и повышения за способность в кратчайшие сроки построить «гиганты индустрии», даже если для них еще не были построены смежные производства. Чем был вызван этот отказ от планомерного развития? Во-первых, Сталин понимал, что у государства нет средств для одновременной модернизации всех отраслей, и «оптимальный» план в этом отношении был уступкой бухаринской «электрике», призывав наступать сразу во всех направлениях. Задачей этого периода было наращивание приоритетных отраслей под видом фронтального «подъема промышленности», выявление тех кадров, которые способны добиваться выполнения любых задач. Главное внимание (финансирование, снабжение и т. д.) оказывалось 50-60 ударным стройкам. Для их нужд осуществлялся и массированный ввоз машин из-за рубежа. Во-вторых, уже выступление Сталина 7

ноября 1929 года показывает: что-то кардинально изменилось. И дело не только в тайных замыслах Сталина – следовало вынужденно бросить «до лучших времен» часть строек, чтобы спасти важнейшие. Около 40 % капиталовложений в 1930 году пришлось заморозить в незавершенном строительстве.

Что случилось? Индустриализация требовала огромных затрат и на ввоз техники, и на поддержание минимального жизненного уровня рабочих, занятых как на самих стройках, так и на добыче сырья для них. Вроде бы берегли каждый рубль, и вдруг – такое распыление средств. Почему?

Дело в том, что в капиталистическом мире как раз в это время разразился кризис перепроизводства, Великая депрессия. Конъюнктура мирового рынка резко ухудшилась. Ресурсы резко подешевели. Этого не могли предугадать ни Сталин, ни советские планировщики. Все расчеты, на которые опирался Stalin, рухнули. Страшные пророчества Троцкого о том, что строительство социализма обусловлено состоянием мирового рынка, оказались суворой правдой. Перед Сталиным встала альтернатива: или провал, фактическая капитуляция перед правыми, или продвижение ускоренными темпами через критическую экономическую полосу, форсирование экспорта и, следовательно, – наступления на крестьян, строительство лишь части запланированных объектов, чтобы можно было предъявить партии хоть какие-то осязаемые успехи и заложить хотя бы основу дальнейшего промышленного роста. Но и для этого следовало резко увеличить поставки хлеба государству, нагрузку на хлебопроизводящие районы и прежде всего – Украину.

В 1930–1932 годах партия столкнулась с крупнейшим после 1921 года социальным кризисом. Система существовала на пределе социальных возможностей. Страну захлестнули не только

организованные, но и стихийные социальные перемещения, вызванные «великой реконструкцией». Миллионные массы двигались из деревни в города, из одних городов – в другие, на стройки пятилетки, в ссылки и концлагеря, обратно домой или в более безопасные места. Между переписями 1926 и 1939 годов городское население выросло на 18,5 миллиона человек (на 62,5 %), причем только за 1931–1932 годы – на 18,5 %. Количество «ртов» увеличивалось, рабочих рук на селе – сокращалось. Даже полуголодный паек еле обеспечивал нужды горожан.

Уровень коллективизации в Украине и на Северном Кавказе был выше, чем в среднем по СССР, – государство стремилось установить жесткий контроль прежде всего за крестьянством основных зернопроизводящих регионов. В конце 1932 года на Украине было коллективизировано 70 % дворов с 80 % обрабатываемых площадей. Было создано 592 машинно-тракторные станции, которые могли обслуживать примерно половину коллективных хозяйств. Это подтверждает, что механизация сельского хозяйства не была основным мотивом коллективизации. Колхозы сделали крестьянство «прозрачным» для власти и позволили более эффективно провести главную тактическую операцию – изъятие хлеба. То, что не удалось Ленину в 1919–1921 годах (а неудача продразверстки заставила перейти к НЭПу), то получилось у Сталина. Теперь крестьяне не могли оказать такого же сопротивления, как в завершающей фазе гражданской войны. Вожаки, деревенский актив были обескровлены массовыми репрессиями и раскулачиванием. Деревня была пронизана коммунистическими структурами, «просвещена» ОГПУ. Колхозы, хоть и охватившие только часть крестьянства (в СССР – 61–62 %), сделали деревню более

«прозрачной» для контроля сверху. Теперь хлеб было гораздо труднее спрятать от всевидящей власти. После коллективизации и единоличники уже не могли укрывать продовольствие – вокруг было слишком много голодных глаз, да и внимание репрессивных органов было обращено в первую очередь на единоличников как потенциальных «кулаков». ВКП(б) Сталина смогла выстроить социальный насос, способный при необходимости высосать из деревни все до крошки.

В январе 1933 года в некоторых районах СССР этот насос действительно достиг самого дна. Выполняя завышенные планы поставок продовольствия на стройки пятилетки, исполнители высочайшей воли изымали у голодных людей уже не только хлеб, годный на экспорт, но и овощи, даже сушеные, грибы, которые можно было бросить в котел рабочих столовых Днепрогэса и Сталинградского тракторного. Несмотря на голод, наращивался экспорт – нужно было докупить оборудование, чтобы «доделать» задачи пятилетки.

В 1928–1932 годах урожайность упала с 8 до 7 центнеров с гектара (валовой сбор зерна понизился с 733 млн центнеров до 699 млн центнеров). А заготовки в 1928–1935 годах выросли с 11,5 млн тонн зерна до 26 млн тонн. У крестьян не оставалось запасов «на черный день». 1931–1932 годы были неурожайными. Запасы зерна у крестьян снизились с 50 млн тонн до 33 млн тонн в 1931 году и 37 млн тонн в 1932 году. В 1932 году заготовки были уменьшены в сравнении с 1931 годом всего на 13 % и составили 1181,8 млн пудов. Зато в 1933 году заготовки резко выросли до 1444,5 млн пудов. Планы экспорта и снабжения растущих городов не подлежали пересмотру. Именно этот нажим на крестьян – и на колхозников, и на единоличников – в 1932–1933 годах вызвал голод в ряде регионов страны.

В августе 1931 года внешняя задолженность достигла 1233 млн рублей при экспорте 811 млн рублей. В первой половине 1932 года импорт был сокращен на треть, с июля 1932 года началось снижение капиталовложений. Однако, чтобы избежать дефолта и выполнить оставшуюся минимальную программу строительства, нужно было получить ресурсы, и в том числе – продовольственные, предназначенные как на экспорт, так и на пропитание возросшего числа рабочих. В 1931 году было экспортировано 5,2 млн тонн хлеба. Только в начале 1933 года внешняя задолженность СССР существенно снизилась до 1 млрд рублей, и стало ясно, что в 1934 году, когда подходил срок платежей, СССР сможет избежать дефолта.

Чудовищный голод – результат тяжелого выбора сталинской группы: либо – сколько-нибудь успешное завершение индустриального рывка, либо нехватка ресурсов и полный экономический распад, гигантская «незавершенка», памятник бессмысленному распылению труда. И конечно, крах Сталина. Для того чтобы закончить рывок, достроить хоть что-то, коммунистическому руководству страны нужны были еще ресурсы, и оно безжалостно забрало их у крестьян. На фоне «величия задач социалистического строительства» судьбы крестьян не интересовали ни верховного руководителя, ни местных исполнителей, перегибавших палку еще сильнее, чтобы быть на хорошем счету у «хозяина».

Гибель даже одного человека – это трагедия. И хотя факты массовой смертности от голода нередко встречаются на страницах мировой истории, то, что произошло в 1932–1933 годах, воспринимается как беспрецедентный феномен.

Количественные данные умерших от голода в историографии существенно различаются – от 2 до 12 миллионов человек в

СССР, в том числе в Украине – от 1,5 до 5 миллионов. Такие гигантские потери населения в мирное время стали общей трагедией народов бывшего СССР. Огромный удельный вес гибели граждан Украины в массе пострадавших не является доказательством «запрограммированной, спланированной антиукраинской акции», сознательным «геноцидом украинском нации», зверски осуществленного «террора голодом».

Признавая и факт голода 1932–1933 годов и его огромные масштабы и чудовищные последствия, следует отметить, что трагедия произошла как следствие действий руководства СССР (Сталина и его ближайшего окружения – Молотова, Кагановича и др.), а также УССР (Косиора, Чубаря, Хатаевича и др.), направленных на масштабную реорганизацию сельского хозяйства, имевшую комплексную цель: мобилизация ресурсов сельского хозяйства для обеспечения потребностей социалистической модернизации, ликвидация традиционного сельского уклада как экономически непродуктивного и социально враждебного, превращение села в «социалистическую фабрику» и, соответственно, преодоление сопротивления крестьянства этой политике. Такие действия привели к масштабной дезорганизации аграрного сектора экономики, они сопровождались крайними проявлениями насилия относительно сельского населения. К этому присовокупились неблагоприятные погодные условия, намеренное обострение социального конфликта на селе и некомпетентность партийных и государственных функционеров.

Голод 1932–1933 годов разразился на фоне международных процессов, усиливавшегося противостояния СССР и капиталистического мира, практически неизбежного в будущем широкомасштабного военного столкновения. Это требовало от советского руководства поиска ответных решений, прежде всего

неизбежного повышения уровня обороноспособности для отражения вероятной агрессии и ведения большой войны, что, в свою очередь, потребовало значительных валютных средств, которые могли дать только экспортные поставки, в частности украинского сырья. Причем на Украину, как традиционно главный производитель товарного зерна, возлагались особые надежды, выдвигались необоснованные требования и делались попытки их беспрекословного, жесткого, во что бы то ни стало, исполнения.

Вызвав непредвиденный кризис и масштабные бедствия, Сталин и его окружение оказались неспособными преодолеть негативные тенденции и процессы, хотя и предпринимали попытки в этом направлении. В 1933 году был снижен уровень планов заготовки и направлено в Украину 200 тысяч тонн продовольственного зерна, в том числе и посевного материала. Только с 7 февраля до 20 июля 1933 года было принято 35 постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) и декретов СНК СССР о выдаче продовольственного зерна голодющим регионам. Совокупный объем помощи составил 320 тысяч тонн зерновых культур. При этом в Украину и Кубань, особенно сильно пораженные голодом, было направлено 264,7 тысячи тонн, тогда как во все остальные, вместе взятые, регионы СССР – 55,3 тысячи. Конечно, предпринятых мер оказалось явно недостаточно, они не смогли существенно повлиять на масштабы беды.

Параллельно руководством страны делались и другие организационно-политические и экономические выводы. В частности, уже в январе 1933 года было решено перейти от практики хлебозаготовок к фиксированным государственным закупкам зерна на налоговой основе.

В 1933 году в УССР было засеяно зерновыми культурами на 2 млн гектаров площадей больше, чем в предыдущем году.

Вместе с другими факторами (увеличение поставок техники, налаживание колхозного строительства, повышение уровня агрокультуры, благоприятные климатические условия) это обеспечило рост объема урожая на 70 %. И даже при условии отправки 26 % годичного валового сбора зерна в счет государственных заготовок на селе осталось такое количество хлеба, которое дало возможность надежно, гарантированно преодолеть массовый голод.

В начале 1933 года Сталин решил объявить об окончании рывка в светлое будущее и о переходе к более планомерной, ритмичной работе. Выступая на пленуме ЦК и ЦКК 7 января 1933 года, он заявил, что пятилетка выполнена досрочно за четыре года и четыре месяца и что «в результате успешного проведения пятилетки мы уже выполнили в основном ее главную задачу – подведение базы новой современной техники под промышленность, транспорт, сельское хозяйство. Стоит ли после этого подхлестывать и подгонять страну? Ясно, что нет в этом теперь необходимости».

Фактические итоги «досрочно выполненной» пятилетки были гораздо скромнее сталинских замыслов 1930 года. Оптимальный план 1929 года был выполнен по производству нефти и газа, торфа, паровозов, сельхозмашин. По производству электроэнергии, чугуна, стали, проката, добычи угля, железной руды не был выполнен даже отправной план 1929 года. Производство тракторов только-только дотянуло до него. К планам 1930 года не удалось даже приблизиться. «Спецы» оказались правы в оценках реальных возможностей роста. Но только, вопреки оптимизму правых коммунистов, выяснилось, что для достижения этих результатов в реальных условиях 1929–1933 годов были необходимы гораздо большие ресурсы.

То, что заложила Первая пятилетка, доделывали во время Второй. Но без Первой Вторая была бы невозможна. Разумеется, отечественная промышленность возникла не во время Первой пятилетки. Промышленное развитие началось еще при царе. Но во время двух первых пятилеток модернизация действительно продвинулась вперед в области энергетики, металлургии, машиностроения, автомобиле- и авиастроения, электротехники. Большое значение в условиях 1930-х годов имело создание современного военно-промышленного комплекса. В годы первых пятилеток были построены такие гиганты промышленности Украины, как Днепрогэс, Криворожсталь, Азовсталь, Запорожсталь, Харьковский тракторный завод, Краматорский завод тяжелого машиностроения.

Можно ли было добиться создания новой индустриальной базы без таких жертв? Задним числом можно все подсчитать, оценить. Только при этом нужно заранее учесть Великую депрессию, начавшуюся в самом начале реализации сталинского плана.

Вина Сталина не в том, что он будто бы сознательно стремился уничтожить как можно больше крестьян, а в холодном равнодушии к жизни современных ему людей, если ставка – будущий экономический успех. Stalin в этом отношении был подобен капиталистическим менеджерам в США и Западной Европе, которые в это же время безжалостно увольняли миллионы людей, обрекая их на голод. С тем же хладнокровием Stalin во время Большого террора уничтожал кадры коммунистической номенклатуры, офицерства, интеллигенции и других городских слоев, в которых видел угрозу своему господству и своему пониманию коммунистического проекта.

Роль в объединении Украины

Во время Гражданской войны и лидеры УНР, и большевики выступали за объединение, «соборность» в рамках одного государства тех территорий, где украинцы составляли большинство населения. Однако позиция западных стран на Парижской мирной конференции в 1919 году закрепляла Восточную Галицию и Западную Волынь за Речью Посполитой, аннексированные Северную Буковину, Бессарабию и Придунайские земли – за Румынией, а Закарпатье – за Чехословакией. Продолжением этой политики была решительная поддержка Польши в войне против советских республик в 1920 году, стремление создать непреодолимый «санитарный кордон» для социализма. Сказались и неудачи Красной армии в походе на Львов и Варшаву, и невероятная всеобщая усталость, физическое изнеможение, тотальная разруха от почти непрерывных семилетних военных действий в регионе, что вынудило руководство РСФСР и УССР сесть за стол переговоров с польской стороной и подписать в марте 1921 года Рижский мирный договор. Не считая его условия исторически справедливыми, пришлось согласиться с тем, что территории за рекой Збруч (Западная Украина) оставались за Польшей. Вполне возможно, что Сталин мог воспринимать такой результат и как личное поражение (с чем он не привык мириться) – и как наркомнаца, и как политического руководителя Юго-Западного фронта. Нельзя сказать, что Сталин спал и видел, как разгромит Польшу и вернет Львов в состав Украины. Но его политика была нацелена на территориальное расширение советской системы, а значит – и на объединение Украины, разделенной советско-польской границей.

Стремление решить украинский вопрос совпало с военно-стратегической задачей отодвинуть границу СССР подальше на запад и служило для этого поводом. Но украинский вопрос стремился решить не только Сталин.

После заключения Мюнхенского договора 1938 года, изолировавшего СССР, в европейских дипломатических кругах широко обсуждалась «украинская проблема» как возможный повод для германо-польского военного вторжения в СССР. Слухи о том, что Гитлер может превратить автономную часть Чехословакии – Карпатскую Украину – в «украинский Пьемонт», беспокоили Сталина, пока Закарпатье не было с согласия Гитлера поглощено Венгрией в марте 1939 года. Однако опыт военной тревоги конца 1938 года не прошел зря. Начав в 1939 году сближение с Германией, Сталин использовал украинский вопрос для территориального расширения СССР. На повестку дня встал вопрос об объединении всех этнических ветвей Украины в рамках СССР.

Однако эта идея выкристаллизовывалась постепенно. Во время советско-германских переговоров 23–24 августа о разделе сфер влияния в Европе немецкий министр иностранных дел Иоахим Риббентроп предложил линию к западу от линии Керзона (объявленную британским министром иностранных дел в 1919 году границу этнической Польши), за которую германские войска не намерены заходить в случае войны. ТERRитория восточнее этой линии была признана сферой интересов СССР.

Секретный протокол предусматривал, в частности:

«В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены примерно по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих Сторон сохранение независимости Польского государства, и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических событий.

В любом случае оба Правительства разрешат этот вопрос путем дружеского согласия». Здесь еще не говорится о полной ликвидации Польского государства.

Заключая пакт с Германией, Сталин должен был принимать в расчет разные возможности, которые вытекали из него. Могло состояться германо-польское соглашение под давлением Великобритании и Франции, «новый Мюнхен», но уже с участием СССР. После нападения Германии на Польшу могло начаться эффективное наступление англо-французской коалиции на западном фронте в момент нападения немцев на Польшу, которое оттянуло бы силы Гитлера на запад и спасло поляков от быстрого разгрома.

Включив в сферу своих интересов территории существовавшего к тому времени Польского государства, Сталин «застолбил» возможность участия СССР в решении судьбы в том числе и Западной Украины.

Вскоре после нападения Германии на Польшу стало ясно, что Великобритания и Франция не собираются проливать кровь ради своего союзника и поляки будут разгромлены. В этих условиях Сталин решил, что пора включить в СССР восточную часть Польского государства (Западную Белоруссию и Западную Украину), но одновременно уделял большое внимание тому, чтобы при этом не вступить во Вторую мировую войну. Как это было возможно? Для этого следовало избежать конфликта с Великобританией и Францией. Ведь именно военный конфликт Великобритании, Франции и Германии носил мировой характер.

Немцы не были уверены в том, что советское вторжение в Польшу вообще состоится, так как оно не было прямо предусмотрено Пактом Молотова – Риббентропа, а только подразумевалось. 3 сентября Риббентроп приказал послу в Москве Шулленбургу сообщить Молотову: «понятно, что по военным соображениям нам придется затем действовать против тех польских военных сил, которые к тому времени будут находиться на польских территориях, входящих в русскую сферу влияния». Было важно выяснить, «не посчитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в настоящий момент против польских сил в русской сфере влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию». Для Германии удар СССР по Польше в первую неделю войны был крайне важен. Это могло втянуть СССР в войну против Великобритании и Франции, а одновременно лишить Польшу надежд на длительное сопротивление. В условиях советского вторжения союзники не станут атаковать линию Зигфрида, и в крайнем случае можно будет быстро перебросить части вермахта из Польши на запад, уступив русским честь штурмовать Варшаву. Риббентроп еще не знал, что союзники Польши и так не предпримут попыток помочь ей и Германии нечего бояться.

Однако Сталин не торопился получить свой кусок исчезающего государства и воссоединить таким образом белорусские и украинские земли. Чтобы не втянуться в войну двух блоков на стороне Германии, Сталин решил пока выждать, ссылаясь на неготовность Советской армии: «Красная армия рассчитывала на несколько недель, которые теперь сократились до нескольких дней», – объяснял Вячеслав Молотов германскому послу Вернеру фон Шулленбургу промедление с вводом советских войск в «сферу интересов СССР». В действительности, с введением 1 сентября

закона о всеобщей воинской повинности СССР мог проводить неограниченную мобилизацию. 6 сентября в западных военных округах в Красную армию было призвано 2,6 миллиона человек. Сосредоточение советских войск было назначено на 11 сентября.

Молотов говорил Шулленбургу: советское правительство намеревается заявить, «что Польша разваливается на куски и что вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым «угрожает» Германия. Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст возможность Советскому Союзу не выглядеть агрессором». Получалось, что СССР все же считает Германию агрессором. Под давлением немцев утверждение об угрозе с их стороны пришлось заменить пацифистским тезисом об угрозе войны для мирного населения Украины и Белоруссии.

Когда все было готово для удара с востока, 14 сентября «Правда» выступила с программной статьей о причинах поражения Польши, где разоблачала угнетательскую политику польского руководства в отношении национальных меньшинств. И вывод: «Многонациональное государство, не скрепленное узами дружбы и равенства населяющих ее народов, а наоборот, основанное на угнетении и неравноправии национальных меньшинств, не может представлять крепкой военной силы».

Впоследствии официальная пропаганда объявит последний советско-польский военный конфликт «мирным освободительным походом». Но в войсках, которые готовились к «мирному походу», никаких иллюзий не было – предстояла «революционная, справедливая война».

16 сентября немецкие клещи замкнулись у Бреста, Польша потерпела поражение. В это же время было заключено советско-японское соглашение об урегулировании пограничного спора на

Халхин-Голе. Теперь Сталин решил, что настал час действовать. 17 сентября армия СССР перешла границу. Польскому послу в Москве была вручена нота с официальным объяснением советских действий: «Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать». В действительности правительство продолжало жить и работать в Коломые близ румынской границы. Использовались аргументы, введенные в дипломатический оборот Чемберленом после распада Чехословакии. Если государство распалось, то и договоры с ним не действуют: «Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей». Это был главный тезис, ради которого нужно было сообщать об «исчезновении» польского правительства. Далее вступали в силу ключевые для советской внешнеполитической пропаганды мотивы безопасности: «Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам». Это означало, что СССР выходил из режима нейтралитета, то есть, по сути, вступал в войну. «Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными». «В виду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и

Западной Белоруссии». Это был важный поворот в советской идеологии, который стал новым этапом в длительной эволюции от интернациональных к национальным приоритетам. Если раньше СССР планировал «освобождать» и «защищать» все народы, то теперь – только те, которые уже имели свои территориальные образования в составе СССР. Этот акцент не вписывается в миф о том, что Сталин стремился прежде всего восстановить Российскую империю. Сталину важно было взять населенную преимущественно украинцами Восточную Галицию, которая не входила в Российскую империю, но он готов был с легкостью отказаться от собственно польских земель, которые прежде были частью Российской империи: «Вождь народов» руководствовался прагматическими соображениями.

В Польшу вводилась советская группировка в 617 тысяч солдат и 4736 танков. Затем она была увеличена до 2,4 миллиона человек при 6096 танках. Такая армия могла противостоять не только полякам, но в случае чего – и немцам.

«Политическое и военное руководство Польши никак не ожидало открытого военного вмешательства СССР». Некоторое время даже было непонятно, на чьей стороне собираются действовать советские войска – танковые колонны шли походным порядком, танкисты сидели на башнях с открытыми люками, приветствовали население.

Польский командующий Эдвард Рыдз-Смиглы отдал приказ: «Советы вторглись. Приказываю осуществить отход в Румынию и Венгрию кратчайшими путями. С Советами боевых действий не вести, только в случае попытки с их стороны разоружения наших частей. Задача для Варшавы и Модлина, которые должны защищаться от немцев, без изменений. Части, к расположению

которых подошли Советы, должны вести с ними переговоры в целях выхода гарнизонов в Румынию или Венгрию».

Дальнейшее сопротивление Польши стало бессмысленным. Поздно вечером 17 сентября польское правительство покинуло страну.

Белорусский и Украинский фронты, охватывая территорию востока Речи Посполитой с севера и юга, встретили несоизмеримо меньшее, чем немцы, сопротивление слабых польских сил, еще оставшихся в этом регионе. Группа «Полесье» предпочла уклониться от столкновения и ушла на Запад. Там – настоящая, хотя и безнадежная, война. Здесь – непонятно что и тоже без шансов на успех.

Лишь в нескольких местах произошли серьезные советско-польские столкновения, которые, однако, позволяют говорить о том, что имела место война, а не военная прогулка. Вооруженные столкновения произошли под Вильно, Гродно, Ковелем, Рудно, Кожан-Городком, Красне, Сутковице, Рудно-Колено. Но это уже не было организованное сопротивление. Советские фронты зачищали пространство, время от времени натыкаясь на разрозненные очаги сопротивления. Советские потери к 1 октября составили 2599 солдат и командиров, в том числе 737 убитых и 1862 раненых.

Армии Германии и СССР шли навстречу друг другу. Львов оказался под ударом двух армий – немецкой и советской. Немецкие офицеры до последнего уговаривали поляков: «Если сдадите Львов нам – останетесь в Европе, если сдадитесь большевикам – станете навсегда Азией». Командующий Украинским фронтом С. Тимошенко и член военного совета фронта Н. Хрущев докладывали 22 сентября: «В результатеочных боев в гор. Львов в 8-40 22 сентября начальник гарнизона

гор. Львов генерал Лангер явился лично на командный пункт Командующего Восточной группой тов. Голикова и сдал нам город Львов... Принял меры к полному удовлетворению населения питанием». В Львове было взято 15 000 пленных. 23 сентября была достигнута договоренность с немцами об их отходе на львовском направлении на 5-10 км.

В городе Брест, который находился в советской сфере, но который заняли немцы, при смене немецких войск на советские было проведено торжественное прохождение войск этих двух армий.

19 сентября было опубликовано советско-германское коммюнике, в котором СССР вынужден был поставить свои вооруженные силы на одну доску с вермахтом: «Задача этих войск... заключается в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенное распадом собственного государства, и помочь населению Польши пере устроить условия своего государственного существования». Четвертый раздел Польши, одним словом. Но Сталин хотел бы провести раздел не собственно Польши, а многонациональной Речи Посполитой – отделить районы, населенные поляками, от районов, населенных белорусами и украинцами. Об этом 19 сентября был проинформирован Шулленбург. 25 сентября Сталин лично объяснил Шулленбургу свои мотивы. Раздел собственно польского населения может вызвать трения между СССР и Германией. Поэтому можно обменять польскую часть советской сферы влияния до Вислы на Литву.

Сталин умолчал о других мотивах. Не претендую на захват части этнической Польши, Сталин искусно уклонялся от обвинения в агрессии. Агрессию совершила Германия, а СССР просто взял под защиту народы, большая часть которых проживает в СССР. На

поляков Советский Союз не покушается. Никакого угнетения. Первоначальное включение части Польши в советскую сферу влияния было нужно Сталину на случай, если бы события привели к сохранению Польши в урезанных границах. Тогда это государство было бы зависимо и от Германии, и от СССР. Теперь такая необходимость отпала, и Гитлер мог получить лавры покорителя Польши в полном объеме и со всеми вытекающими из этого международными последствиями. Расчет Сталина оказался верным. Страны Запада предпочли не считать СССР агрессором.

28 сентября Варшава пала. В этот день Германия и СССР заключили договор о дружбе и границе. Стороны провозглашали стремление обеспечить «мир и порядок», «мирное сосуществование народов» и делили Речь Посполитую по новой линии. Отказываясь от уступок при разделе польского государства, Stalin ссылался на то, что территории «обещаны украинцам». Что же это за «украинцы», которым были обещаны территории и которые прямо-таки «держали Сталина за горло», не давая ему идти на уступки немцам? Конечно, это была фигура речи, но за ней стояли и реальные обстоятельства. Stalin твердо и неуклонно следил за тем, чтобы под контролем немцев не оставалось украинских территорий (в 1940 году он, уже вопреки новому секретному протоколу, устранил и еще один потенциальный «украинский Пьемонт» в Северной Буковине, вызвав неудовольствие Германии). Поторговав национальным чувствам украинцев и тем укрепляя поддержку коммунистического режима, подорванную голодом 1932–1933 годов, Stalin в то же время демонстрировал всему миру свою приверженность принципам национально-этнического формирования границ, из которого Великобритания и Франция исходили в 1930-е годы, идя на уступки Гитлеру в Австрии и

Чехословакии. Этот националистический подход обеспечивал восприятие сталинской внешней политики как вполне справедливой не только в Берлине, но и в Лондоне.

Украина не была субъектом этой борьбы, но ее ресурсы были одной из важнейших ставок, а «украинский вопрос» – одной из важнейших лакмусовых бумажек международной ситуации. И за эти риски украинский народ был вознагражден объединением осенью 1939 года двух своих главных (хотя бы по численности населения) ветвей – Надднепрянской Украины и Галицкой Украины.

Можно сколько угодно критиковать режимы, лидеров (естественно, Сталина в их числе и в первую очередь), заключавших в 1939 году соглашение, но с точки зрения украинских национальных интересов нельзя поколебать значение вхождения Западной Украины в состав Украинской ССР. Были отброшены Рижский мирный договор от 18 марта 1921 года, навязанный Советской России и Советской Украине силой и оставлявший в составе Польши захваченные ею в ходе военных действий этнически украинские земли, а также решения Совета послов Антанты в марте 1923 года, подтверждавшие аннексионистские «права» Второй Речи Посполитой на «восточные крессы». Реализовались освободительные идеалы тех западных украинцев, которые весь межвоенный период вели борьбу за свое социальное и национальное освобождение и воссоединение с основным национальным массивом.

Важным масштабным шагом в реализации дальнейших планов соборности стало вынужденное (под напором могущества СССР) возвращение Украине Румынией в конце июня 1940 года Северной Буковины, Бессарабии (со значительным удельным весом украинских анклавов) и Придунайских земель.

Входя в союзное государство, эти земли через соответствующие законодательные процедуры становились составными частями единой Украинской ССР со всеми правами остальных областей республики. Более того, учитывая экономическую и культурную отсталость населения «прирошенных» территорий, предпринимались оперативные и весьма масштабные усилия для их безотлагательного «подтягивания» до уровня более развитых районов национально-государственного образования. В создании соответствующей социально-экономической и духовно-культурной инфраструктуры просматривается несомненная забота о воссоздании органичной целостности этноса, его соборном развитии и прогрессе (естественно, в меру понимания этих задач тогдашним партийно-советским руководством, прежде всего – Сталиным).

В Западной Украине развернулась агитация масс за советский образ жизни. Кинематограф, выступления советских артистов, относительно корректное поведение военных – все это контрастировало с карикатурными картинами советской жизни, которые рисовались в довоенной Польше. Население в большинстве своем решило, что его просто обманывали, и жизнь в СССР гораздо лучше, чем в довоенной Польше. Контрпропаганда 1939 года была подавлена репрессивными органами.

Определение новых границ Украины проходило не без трений в руководстве ВКП(б), где возник украино-белорусский территориальный спор. Никита Хрущев выдвинул проект разделения территорий, где к Украине отходили Брест, Пружаны, Столпин, Пинск, Лунинец, Кобрин и большая часть Беловежской пущи. Белорусское руководство во главе с Пантелеимоном Пономаренко категорически с этим не согласилось. Обе стороны

апеллировали к этнографическим и историческим данным. 22 ноября Хрущева и Пономаренко принял Сталин. Между ними уже произошел конфликт в приемной, и Сталин начал с примиряющих шуток: «Здорово, гетманы, ну, как с границей? Вы еще не передрались? Не начали еще войну из-за границ? Или договорились мирно?» Выслушав аргументы сторон, Сталин заявил: «Невозможно сколько-нибудь серьезно говорить, что Брест и Беловежская пуща являются украинскими районами». Выяснилось, что мотивы «территориальных претензий Украины» – стремление получить лес, которого не хватает республике. В итоге УССР получила некоторые лесные районы, но в основном были приняты предложения белорусской стороны.

После присоединения к СССР Северной Буковины и Южной Бессарабии, 7 августа 1940 года в составе УССР появились Черновицкая и Аккерманская области.

Западная Украина стала преобразовываться по советскому образу и подобию. Сюда был выброшен «десант» советских партийно-хозяйственных работников, проведена национализация промышленности, аграрная реформа. Помещичьи земли были конфискованы и распределены между 747 тысячами безземельных и малоземельных семей. Из Западной Украины выселялись осадники, «кулаки» и другие «буржуазные элементы» – более миллиона человек, из которых более половины – поляки. Развернулась борьба против влияния униатской и католической церквей.

Представители новых властей среднего звена, прибывшие на запад Украины, теперь уже вели себя не самым корректным образом – выселяли «бывших» из квартир, запрещали публичные выступления на польском языке (включая лекции), взяточничали и т. д. Однако на жалобы населения новые структуры власти

реагировали, нередко принимая сторону пострадавших и защищая польское население, даже наказывая проштрафившихся чиновников и милиционеров. 6 августа 1940 года Политбюро ЦК КП(б)У приняло даже специальное постановление «О незаконных действиях органов советской власти во Львове».

В Западной Украине было создано 174 МТС. Развернулась коллективизация сельского хозяйства, но в 1940 году она шла медленно – было создано только 529 колхозов. В 1941 году коллективизация ускорилась, был создан уже 2651 колхоз с 177 тысячами крестьян. Была ускорена индустриализация. В Львовской области было построено 440 новых промышленных объектов.

На присоединенных территориях стремительно развертывалась военная инфраструктура. Строились новые укрепрайоны и военные аэродромы. В соответствии с постановлением СНК УССР и ЦК КП(б)У об обеспечении строительства оперативных аэродромов Киевского особого военного округа от 6 июня 1941 года исполнкомы облсоветов и секретари обкомов должны были обеспечить выход на работы по строительству 297 аэродромов «необходимого количества рабочей силы и гужтраспорта, в порядке платной гужповинности» и также предоставить строительную технику, которой и самим не хватало. Эта задача была поважнее выполнения народнохозяйственных планов. СССР готовился к новому военному столкновению, в горнило которого Украина вместе со всем СССР погрузилась совсем скоро – 22 июня 1941 года.

Нацисты самым циничным образом продемонстрировали свое негативное отношение к украинской нации в целом, ее государственности, чаяниям населения (причем даже без различия идеино-политических ориентаций). Оккупируя Украину,

нацистская Германия отвергла Акт провозглашения Украинской державы 30 июня 1941 года во Львове с призывом воссоздавать суверенную, соборную Украину, подвергла репрессиям Степана Бандеру, Ярослава Стецька, других его инициаторов. Даже на робкие протесты Бандеры, Стецька, Андрея Мельника относительно бесцеремонного раздирания Украины или не реагировали, или отвечали репрессиями. А ведь Организация украинских националистов (ОУН) рассчитывала на возрождение с помощью вермахта независимой, соборной Украины. Расчеты не оправдались, и результаты оказались совсем иными.

Украина была грубо расчленена на четыре части, а если не исключать Закарпатья – их было даже пять. Оккупанты старались жестко изолировать одну от другой украинские территории, согласно известному плану «Ост», предполагали «освободить» их почти на 60 % от коренных жителей и довольно оперативно приступили к вывозу на каторжные работы в Германию и страны-союзницы трудоспособного населения.

Правительство Польши в эмиграции в Лондоне настойчиво требовало от советского руководства возвращения в послевоенном европейском устройстве к границам Польши, существовавшим на 1 сентября 1939 года. Советские лидеры, прежде всего Сталин, заняли в этом вопросе жесткую, практически неуступчивую позицию, методично добиваясь ее признания партнерами по антигитлеровской коалиции. Проявлением такой линии явились решения Ялтинской (февраль 1945 года) конференции, последующие конкретные меры по урегулированию польско-украинской границы, обеспечившие сохранение почти в полном объеме завоевания украинской соборности на данном направлении.

Поражение в войне вместе с Германией и ее сателлитов (среди них Румынии) гарантировало возвращение к украинским границам июня 1940 года, а в проблемных пунктах размежевание с юго-западным соседом обеспечило максимальный учет украинских интересов.

Руководство возрождавшейся после войны Чехословакии согласилось с самоопределением украинцев Закарпатья, признав несправедливыми решения Парижской мирной конференции (договор в Сен-Жермен ан Ле от 10 сентября 1919 года). 26 ноября 1944 года съезд Народных комитетов в Мукачево единогласно принял манифест о выходе Закарпатья из состава Чехословакии и о воссоединении Закарпатской Украины с УССР. Проведенные затем советско-чехословацкие переговоры завершились подписанием в Москве 29 июня 1945 года договора о присоединении Закарпатья к УССР.

Маршрут истории оказался таким, что именно в огне и дыму наиболее масштабного и самого кровавого исторического катаклизма осуществились вековые чаяния украинцев. Александр Довженко писал: «Какой бы ни была устрашающей разрушительная война, каким бы грозным ураганом она ни пронеслась по Украине, ее величайшее позитивное значение для истории украинского народа неоспоримо. В этом пожаре, хаосе и крови слились воедино все украинские земли. И какой бы ни была, очевидно, вначале их судьба тяжкой и трудной, в конечном итоге украинский народ сделал решительный и неизбежный шаг вперед». К этому можно добавить разве только то, что без великой победы советского народа над нацизмом такой итог был бы просто невозможен. Объединение Украины было достигнуто благодаря содружеству, совместным ратным и трудовым усилиям всей многонациональной семьи народов СССР. Конечно, надо

помнить и то, что на алтарь общей победы было принесено около 10 миллионов жизней граждан Украины.

И какими бы непростыми и противоречивыми ни были эти страницы истории, достигнутые тогда результаты живут до сих пор в современной объединенной Украине (равным образом – в Белоруссии и Литве). Юридических оснований для отмены этих результатов нет – они были подтверждены соглашениями, заключенными после Второй мировой войны. Роль Сталина стала ключевой и в международном признании объединенной Украины, ставшей одним из соучредителей ООН.

Алексей Баканов. Георгий Касьянов. Степан Бандера. Антифашист или нацистский преступник

Вряд ли найдется украинский исторический деятель, более известный и вызывающий больше противоречивых суждений, чем Степан Бандера. Кто он: нацистский преступник или узник гитлеровских концлагерей? Антифашист или лидер фашистской националистической организации? Главарь бандитов или предводитель национально-освободительного движения?

Рассуждая об историческом персонаже, имя которого заявлено в заголовке, важно отдавать себе отчет: кто или что является предметом внимания. «Кто» – это конкретный человек, рассказ о жизни которого укладывается в некий набор дат и фактов. «Что» – это некий образ, созданный усилиями других людей: соратников и противников, историков, политиков, журналистов. В нашем конкретном случае «кто» и «что» настолько переплелись, что разделить их крайне сложно. Мы все же попытаемся это сделать, хотя бы для того, чтобы понять, о ком или о чем спорят политики, журналисты, историки и все те, кто неравнодушен к истории, для кого прошлое живет в настоящем и влияет на него.

Биография конкретного человека Степана Андреевича Бандеры вполне вписывается в некий стандарт его поколения, жизнь которого совпала с двумя мировыми войнами, революциями, крушением империй и катастрофическими изменениями в миропорядке и повседневной жизни. Степану Бандере было 5 лет, когда началась Первая мировая война, 9 лет, когда исчезла страна, в которой он родился, 19 лет, когда его впервые арестовали, 24 года, когда он возглавил крупную подпольную

организацию, 25 лет, когда он первый раз сел в тюрьму, и 32 года, когда он продолжил карьеру политзаключенного, 50 лет, когда его настигла насильственная смерть. Степан Бандера – профессиональный революционер, ничем другим во взрослой жизни, кроме подпольной организационной деятельности и партийной публицистики, он не занимался.

Стоит упомянуть и то, что на формировании личности Степана Бандеры могли сказаться некоторые особенности его психофизиологического развития и семейные обстоятельства: будущий подпольщик в 13 лет остался без родителей (умерла его мать), в некотором смысле ему не повезло с физическими данными. Маленький рост, неприметная внешность, слабое здоровье, из-за которого ему удалось вступить в украинскую скаутскую организацию «Пласт» только с третьего раза, – все это, возможно, способствовало формированию и развитию определенных волевых и психологических качеств и навыков, впоследствии оказавшихся на его социальном поведении, тяготению к власти и вождизму.

Степан Бандера родился 1 января 1909 года в селе Старый Угринив (современный Калушский район Ивано-Франковской области) в многодетной семье украинского греко-католического сельского священника. В разворачивавшейся в начале века борьбе украинской, москвофильской и польской идентичностей его отец Андрей занял проукраинскую позицию и во время польско-украинской войны 1918-1919 годов служил капелланом. Четверо его детей, включая С. Бандеру, стали участниками украинского националистического движения. Вскоре после окончания Первой мировой войны в 1919 году С. Бандера поступил в Сtryйскую украинскую гимназию. В последовавшей за присоединением Западной Украины к Польше полонизацией

учебных заведений украинские гимназии оставались островками украинского образования и культуры. Большинство лидеров украинских националистов в межвоенный период обучались именно в частных украинских, а не польских государственных гимназиях. С молодых лет С. Бандера был членом внешкольных украинских патриотических организаций. В 1922 году С. Бандера вступил в «Пласт» – украинский аналог скаутского движения, приучавший своих членов служить «Богу и Украине».

Круг его повседневных интересов и увлечений (спорт, музыка), общественная деятельность (участие в украинских скаутских организациях, студенческих кружках) и довольно скромные бытовые запросы, отсутствие вредных привычек (не употреблял алкоголь и табак) – все вписывается в среднестатистическую биографию, жизнь средней руки агронома – именно эту сугубо мирную специальность он выбрал, поступив во Львовскую высшую политехническую школу в 1928 году.

Однако уже будучи студентом, Бандера попал в поле зрения польской полиции – из-за недозволенной политической деятельности, – в 1927 году Бандера стал членом Украинской военной организации (УВО). В 1929 году он вступает в Организацию украинских националистов, Первый Конгресс которой состоялся в Вене, и становится частью той когорты молодых революционеров, которая впоследствии составит основу «революционной ОУН», противопоставившей себя эмигрантской части этой организации, состоявшей из ветеранов революции и «освободительной войны» 1917–1920 годов.

В Восточной Галиции, отданной Лигой Наций в состав Второй Речи Посполитой, действовала так называемая «краевая экзекутива» ОУН, которой до 1932 года фактически руководили «старшие товарищи» из Украинской военной организации –

подпольной структуры, сформированной бывшими офицерами украинских армий, воевавших в 1918–1920 годах. Центральным программным положением УВО была идея о том, что Восточная Галиция является украинской территорией, оккупированной Польшей. УВО практиковала политический террор, с 1923 года начала сотрудничество с немецкими разведывательными службами и даже пыталась в 1924 году получить финансовую поддержку в УССР, высшее руководство которой рассматривало «панскую Польшу» как внешнего врага № 1.

В 1931 году Бандера стал референтом пропаганды ОУН на украинских землях Польши. В 1933 году 24-летний Бандера возглавил «краевую экзекутиву» ОУН на западных украинских землях.

В те времена, когда Бандера созревал как подпольщик, в западно-украинском обществе доминировало «легалистское» направление политической деятельности: сформировавшийся еще при Габсбургах украинский политический класс делал ставку на легальные формы организации политической и общественной жизни в Польской республике: политические партии (самая известная и влиятельная – Украинское национально-демократическое объединение, имевшее депутатов в Сейме), кооперативы, культурные и спортивные товарищества и т. п.

Однако политический контекст деятельности легальных украинских структур сильно отличался от тех времен, когда они возникли. Западноукраинское общество пережило мировую войну, крах государственности, тем более тяжелый, что он произошел в борьбе с поляками, восстановившими свою государственность и получившими во владение земли, которые считались «Украинским Пьемонтом». Молодые украинцы поколения Бандеры были недовольны «стариками»,

интегрированными в польское общество, занимающими в нем пусть и второстепенное, но стабильное положение. В Европе росла популярность праворадикальных движений, исповедовавших националистическую идеологию: фашизм в Италии, нацизм в Германии, Аксьон Франсэ во Франции. В Центрально-Восточной Европе и на Балканах возникали движения, аналогичные ОУН: «глинковцы» в Словакии, Железная гвардия в Румынии, четники в Сербии, усташа в Хорватии.

В этих условиях неизбежной была радикализация настроений украинцев, особенно молодежи, уже сформировавшейся в культурно-национальном смысле, приученной к насилию, нетерпеливой и нетерпимой, разочарованной «соглашательством» и неповоротливостью старших политиков-легалистов. Это была благоприятная среда для культа силы и действия, набиравшего популярность в Европе, особенно в странах, «обделенных» или «обиженных» результатами послевоенного передела мира. В этой среде и рос Степан Бандера, уже в старшей школе начавший карьеру подпольщика.

Летом 1930 года подполье ОУН на западноукраинских землях организовало целую серию так называемых саботажных акций: поджоги имущества польских осадников, блокирование железнодорожных путей, обрывы телеграфных проводов, акты экспроприации и нападения на польских чиновников. «Саботажная» акция по словам ее инициаторов была ответом на ужесточение антиукраинской политики в Восточной Галичине. В ответ польское правительство организовало широкомасштабную «пацификацию» на этих территориях – массовую репрессивную акцию с участием армии, сопровождавшуюся многочисленными актами жесточайшего насилия над украинским населением, разрушением и закрытием украинских культурных,

просветительных, религиозных и финансовых учреждений. Эти действия, вызвавшие осуждение мировой общественности, еще больше радикализировали ситуацию.

Бандера возглавил ОУН, когда эта организация рассматривалась репрессивными органами Польши как серьезный фактор дестабилизации (вторым важным врагом было коммунистическое движение, поддерживаемое из СССР). «Боевым крещением» нового лидера националистов «в крае» стала так называемая «школьная акция» сентября 1933 года: украинские школьники должны были отказываться петь польский гимн, рвать польские учебники и требовать украинские, срывать со стен портреты польских деятелей и герб страны, устраивать обструкции учителям истории и польского языка, выкрикивать украинские лозунги, писать на стенах антипольские и проукраинские лозунги и т. п. Все это сопровождалось разбрасыванием агитационных листовок. По поводу «боевого крещения» Бандеры есть разные мнения: апологеты описывают его как сногшибательный успех, критики считают акцию провальной и указывают на то, что она только спровоцировала неприятности для детей и их родителей, к тому же не достигла желаемых масштабов.

Тогда же была начата кампания активной борьбы против коммунистической идеологии, которая, помимо пропаганды, проявлялась в нападениях на коммунистов и террористических актах против прокоммунистических учреждений.

На период руководства Бандеры приходится и активизация террористической деятельности ОУН, причем не только против поляков, но и против других «врагов украинского народа». Так, в октябре 1933 года членом ОУН Николаем Лемиком был убит сотрудник Львовского консульства А. П. Майлов (убийство было

представлено как акт возмездия за голодомор). 15 июня 1934 года был убит министр внутренних дел Польши Бронислав Перцацкий – в этот раз речь шла о возмездии за пацификацию 1930 года. Через месяц был убит и директор украинской академической гимназии Львова Иван Бабий – и вновь расплата за «предательство» – трибунал ОУН приговорил бывшего офицера украинской армии к смерти за «сотрудничество с польской полицией».

После убийства Перцацкого польская полиция взялась за организацию всерьез. Фактически в течение нескольких месяцев ОУН была разгромлена. За решеткой оказалась большая часть лидеров ОУН. Этому способствовало то, что в руки полиции попал так называемый архив Емельяна Сеника, члена высшего руководства ОУН. В 1935–1936 годах над Бандерой и другими членами организации состоялись процессы сначала в Варшаве, а затем во Львове. На суде Бандера хорошо держался, и его имя стало символом мужества для юных членов ОУН. Будущий вождь получил смертный приговор, замененный после амнистии несколько экзотическим двойным пожизненным заключением. Но долго сидеть в тюрьме Бандере не пришлось. С нападением Германии на Польшу и аннексией Советским Союзом западноукраинских земель Бандера и его соратники вышли из лагеря и возобновили свою деятельность на территории Генерал-губернаторства – так немцы окрестили свою часть оккупированной Польши. Здесь, в отличие от попавшей под власть Советов Галичины, где ОУН стала объектом репрессий со стороны НКВД, организация, остававшаяся подпольной, не встречала препятствий со стороны властей.

К этому времени в самой ОУН произошли серьезные изменения. Главный враг организации, Польша – прекратила

существование. Еще в мае 1938 года в Роттердаме советским агентом Павлом Судоплатовым был убит глава ОУН Евгений Коновалец. После убийства Коновальца организацию возглавил полковник Андрей Мельник, представитель старшего поколения ОУН, избранный на римском съезде в августе 1939 года. В 1930-е годы он не занимался националистической деятельностью и не пользовался безоговорочной поддержкой всех националистов, особенно проживавших в «крае». Мельнику ставилось в вину, что он стал во главе организации в обход мнения актива националистов, а также его покровительство Ярославу Барановскому и Емельяну Сенику, которые подозревались в работе на польскую полицию. С выходом Бандеры на волю недовольные «краевики» получили в свое распоряжение подходящую фигуру на роль вождя.

В феврале 1941 года Бандера созвал «альтернативный» съезд ОУН в Кракове, где его сторонники и почитатели избрали его вождем. Таким образом, Бандера организационно оформил раскол ОУН: с этого времени существуют две ОУН: ОУН (революционная) – или ОУН(б) бандеровцы и ОУН(м) – мельниковцы. Краковский съезд ОУН принял свою программу, которая идеологически мало отличалась от программы «мельниковцев».

В краковский период жизни Бандера не только занимался организационными делами, но и устраивал свою личную жизнь. В 1940 году он женился на дочке священника Ярославе Опаривской. Вскоре она родила ему дочь. Всего у них было трое детей.

Говоря о начале войны, нельзя обойти вниманием вопрос сотрудничества украинских националистов с германскими спецслужбами. В советской пропаганде, историографии и

публицистике было распространено изображение украинских националистов как прямых гитлеровских агентов. В действительности их отношения складывались значительно сложнее.

Собственно сотрудничество украинских националистов (представленных тогда УВО Коновалца, будущего главы ОУН) с немцами началось еще в 1920-е годы, то есть до прихода Гитлера к власти и, так или иначе, продолжалось все 1930-е годы. У подобного рода сотрудничества были объективные причины: Германия воспринимала условия европейского дипломатического порядка, установившегося после Версальского мира, как унизительные и стремилась к их пересмотру. Схожую ревизионистскую позицию в отношении к Версалю занимали украинцы, поскольку «Версальская система» закрепила разделение этнических территорий Украины между четырьмя странами (Польшей, Чехословакией, Румынией, СССР). Интересы украинских националистов с Германией в этом вопросе совпадали – они стремились использовать Германию и ее будущую войну с Польшей и Советским Союзом для достижения независимости Украины.

В 1941 году с началом войны Германии против СССР вслед за немцами в Украину двинулись походные группы украинских националистов, целью которых было создание украинской администрации. 30 июня 1941 года одна из таких походных групп вошла во Львов, где с балкона здания «Просвіти» провозгласила возобновление украинского государства. Было создано правительство во главе с Ярославом Стецько, куда вошли как националисты, так и представители других политических течений Западной Украины межвоенного периода. Украинское государство было провозглашено во многих других населенных

пунктах Галичины и Волыни. Однако создание подобного государства не входило в планы Германии. После отказа официально денонсировать создание независимого украинского государства 5 июля 1941 года Бандера был помещен под домашний арест (через несколько месяцев он будет отправлен в концентрационный лагерь Заксенхаузен), большая часть членов правительства Стецько была арестована. Тем не менее украинские националисты пока еще не выступали против немцев, а походные группы продолжили движение вглубь Советской Украины.

Акт провозглашения независимости Украины 30 июня 1941 года и последовавшие за ним аресты украинских националистов до сих пор не дают покоя публицистам и общественности России и Украины. В историографии СССР и современной российской публицистике всячески подчеркивается коллаборационистский характер акта 30 июня (помимо прочего, в нем провозглашалось, что украинцы будут строить дружественные отношения с Адольфом Гитлером и немецкой армией). Современная апологетическая украинская историография и публицистика всячески подчеркивает то обстоятельство, что после 30 июня начались репрессии немцев против ОУН.

Другой острой проблемой сотрудничества ОУН и немцев в начале войны является участие украинских националистов в уничтожении евреев. На данный момент существует достаточное число фактов, позволяющих утверждать, что украинская полиция (в составе которой было немало членов ОУН) принимала непосредственное участие в экстерминациях, начавшихся диким львовским погромом. Насколько было вовлечено в эти действия высшее руководство ОУН? В программных документах и идеологических публикациях ОУН 1930-х годов нетрудно найти

откровенно антисемитские формулировки, смысл которых сводится к тому, что евреи – во-первых, эксплуататоры украинцев и, во-вторых – основа большевистского режима. Сам Бандера на эту тему предпочитал публично не высказываться, зато его ближайший сподвижник Стецько был убежденным антисемитом.

Безусловно, украинские националисты позиционировали себя в начале войны как союзники гитлеровской Германии, но союзники равноправные. Расчет строился на том, что немцы будут нуждаться в лояльных союзниках в тылу, ведя войну на Востоке, тем более что в высшем руководстве Рейха были люди, готовые поддерживать их устремления (Альфред Розенберг). Однако у Гитлера были свои взгляды на этот вопрос, и, судя по мемуарам руководителей ОУН, эти взгляды им были известны. Отказ немецких властей считаться с ОУН и украинским вопросом и последовавшие вскоре репрессии охладили пронемецкий пыл оуновцев. Тем не менее к активной антинемецкой пропаганде украинские националисты перешли только в начале 1942 года, то есть уже после арестов членов правительства Стецько, актива ОУН и членов «походных групп» осенью 1941 года и расстрелов украинских националистов зимой 1941/42 года.

Одними из первых повстанческих формирований на Волыни стали отряды Тараса Бульбы-Боровца, возникшие в 1942 году на основании распущенной немцами в ноябре 1941 года «Полесской Сечи». К осени 1942 года на Волыни возникли вооруженные отряды украинских националистов, в связи с этим 14 октября, Покров день, отмечается как символическая официальная дата создания Украинской повстанческой армии (УПА). Однако УПА не как разрозненные отряды, а как боевая сила, проводящая наступательные операции, возникла только к весне 1943 года, после ухода нескольких тысяч украинских полицаев Волыни к

украинским (националистическим) партизанам. При создании УПА основной целью было формирование партизанской армии, способной противостоять аналогичному формированию, созданному под эгидой правительства в изгнании Второй Речи Посполитой, – польской Армии Крайовой и польскому подполью. Антинацистская составляющая деятельности УПА была скорее дополнением к основной задаче, чем главной целью.

Заметим, что в советской историографии, а вслед за ней в значительной части современной российской публицистики утвердилось убеждение, что УПА была прямым детищем вермахта, никаких боевых действий против немцев не проводила, а если и проводила, то делала это только для отвода глаз и привлечения местного антинемецких настроенного населения в свои ряды. Эта концепция, возникшая еще во время Второй мировой войны, была главенствующей на территории СССР вплоть до перестройки. Несмотря на свою научную несостоятельность, идея, что УПА была прямо инспирирована немцами и не вела никаких боевых действий против них, активно распространена в российских массмедиа. С другой стороны, в современной украинской историографии и особенно публицистике всячески преувеличивается вклад УПА в борьбу с немецкой оккупацией.

Если в современной российской историографии и публицистике преуменьшается размах антинемецких действий повстанцев и акцент делается на их переговорах и сотрудничестве с немцами, то в современной украинской – напротив, сотрудничество УПА с немцами воспринимается как «тактическое» и малозначимое, а УПА предстает едва ли не единственной в европейской истории силой, одновременно бросившей вызов сразу двум тоталитаризмам – гитлеровскому и сталинскому.

В действительности, с весны 1943 года украинские повстанцы осуществили ряд нападений на немецкие гарнизоны (пусть и малочисленные) в местечках и селах Волыни. Силами повстанцев были освобождены небольшие территории – «партизанские республики», солдаты УПА срывали сборы продуктов немцами, препятствовали угону украинского населения в Германию и т. п. Всего, по подсчетам некоторых исследователей (возможно завышенным), в столкновениях с УПА погибло до 10 тысяч немецких солдат. К осени 1943 года немцы провели контрнаступление против украинских партизан, партизанские республики были разгромлены. Одновременно победивший в партийной борьбе и сменивший Николая Лебедя на посту главы Провода ОУН (бандеровцев), к осени 1943 года вставший во главе УПА Роман Шухевич издал распоряжение не проводить активных вооруженных действий против немецких войск. В ОУН была принята концепция, согласно которой не Германия, и так терпевшая поражение на всех фронтах, а СССР являлся главным врагом Украины, поэтому повстанцам следовало не распылять силы и готовиться к столкновению с Красной армией. Вступать в столкновения с вермахтом теперь надлежало только в ответ на нападения на отряды УПА или его агрессивные действия в отношении местного украинского населения. Во время войны в этих условиях не было недостатка, поэтому небольшие столкновения отрядов УПА с немцами продолжались практически до изгнания немцев с территории Украины.

Весной 1944 года состоялась серия встреч между руководством УПА и представителями немецкой стороны. В результате было достигнуто соглашение о нейтралитете и взаимном сотрудничестве. Немецкой стороной было передано украинским повстанцам вооружение, повстанцы передавали немецкой

стороне разведданные о советских войсках^[8]. О результатах переговоров почти сразу стало известно советским властям, которые не преминули воспользоваться фактом переговоров как очередным доказательством службы «украинских буржуазных националистов» немецким «хозяевам». Примечательно, что руководство УПА стремилось скрыть от низового актива факты переговоров с немцами и оставляло за собой монопольное право на подобные переговоры. Некоторые представители командного звена УПА за самовольные переговоры с немцами «на местах» были расстреляны. Тем не менее несанкционированные сверху переговоры представителей УПА и вермахта на местах эпизодически продолжались.

Однако основным объектом нападений УПА в 1943 году стали не немецкие вооруженные силы, а поляки, причем преимущественно мирное население. Историография «Волынской резни» и украинско-польского вооруженного противостояния во время Второй мировой войны крайне обширна. Выяснение причин конфликта, его характера и хода развития, числа жертв и сегодня является предметом споров не только украинской и польской сторон, но и украинских и польских историков внутри своих стран друг с другом.

Определенно можно сказать, что весной – летом 1943 года УПА начала антипольскую кампанию, фактически этническую чистку, жертвами которой на Волыни стали десятки тысяч поляков, преимущественно представителей мирного населения. К 1944 году антипольская акция была расширена на земли Галичины, однако на этой территории поляки были уже в состоянии дать отпор отрядам УПА, в результате чего жертв среди мирного польского населения было сравнительно меньше. Поляки не оставались у украинских повстанцев в долгу и на смешанных польско-

украинских землях, где польское население составляло большинство (Холмщина, Грубешовщина), провели аналогичную этническую чистку украинского населения. Стоит заметить, что сам факт обоюдного характера украинско-польского противостояния и уничтожения мирных украинцев поляками практически полностью отсутствует в современном российском популярном образе тех событий.

После изгнания немцев с территории Западной Украины на эти земли вернулась советская власть. Многие украинцы, помня о советских депортациях и арестах и желая жить в независимой Украине «от Сана до Дона», рассматривали эту власть как оккупационную и для борьбы с ней пополняли отряды УПА. Изначально украинские националисты, помня об опыте распада империи в результате Первой мировой войны, надеялись, что война истощит силы Германии и СССР, чем воспользуются украинцы и другие народы СССР, которым удастся поднять антисоветские восстания, результатом которых станет создание независимой Украины и других национальных государств на территории Советского Союза. После того как стало очевидным, что эти расчеты потерпели крах, украинские националисты стали связывать свои основные надежды с будущей третьей мировой войной между странами Запада и Советским Союзом. Однако и эти ожидания в итоге не оправдались. После освобождения западноукраинских территорий от немцев масштабные столкновения УПА и советских сил были сравнительно редки (большая их часть приходится на 1944 год). В результате повстанцы перешли к тактике небольших партизанских отрядов и кратковременных вылазок.

Жертвами украинских повстанцев становились, как правило, представители советского репрессивного аппарата (НКВД, судьи,

прокуроры, председатели партийных комитетов) и люди, рассматривавшиеся ими как коллаборационисты (председатели колхозов, члены партии, агитаторы, учителя и директора школ, представители советской власти).

Одним из распространенных в российском обществе стереотипов является стереотип о повстанцах, стрелявших в спины советским солдатам, продвигавшимся во время войны на запад. В свою очередь в Украине распространен стереотип, что жертвами повстанцев становились исключительно сотрудники НКВД. В действительности ситуация была сложнее. Известно немало указаний, запрещавших повстанцам первыми нападать на красноармейцев, однако известно немало примеров, демонстрирующих, что эти приказы систематически нарушались.

Фактически в 1944–1954 годах на территории Западной Украины шла масштабная война государства против украинского национализма, в ответ шла партизанская и подпольная борьба, возглавляемая ОУН. Эта война сопровождалась взаимными зверствами и массовыми жертвами гражданского населения. Со стороны ОУН и УПА потери, согласно официальным советским данным, составили более 153 тысяч убитых и около 88 тысяч отправленных в лагеря, более 200 тысяч членов семей украинских националистов были депортированы (около трети из них погибло). С противоположной стороны потери составили около 31 тысячи человек.

Где все это время был Бандера? В конце 1944 года Бандера был выпущен немцами на свободу с расчетом на то, что ОУН станет основой диверсионной сети в тылах Красной армии, однако дальнейшее сотрудничество не сложилось в связи с крахом нацистской Германии. Да и сам Бандера в некотором смысле оказался «не у дел»: непосредственного влияния на тех,

кто воевал за свободу Украины, он уже не имел, он был символом, но не был властью. Сама «бандеровская» ОУН «в крае» сильно изменилась: контакты с «большой Украиной» показали, что программа февраля 1941 года нереалистична, и в 1943 году была принята другая программа, более «демократического» толка, отвергавшая идею диктатуры «надпартийной» ОУН.

Все это не устраивало Бандеру, и он развернул активную деятельность, направленную на восстановление своего авторитета и влияния. Пока «в крае» разворачивалась масштабная трагедия партизанской войны УПА и подполья ОУН против «Советов», сопровождавшаяся масштабными репрессиями, депортациями и гибелью десятков тысяч людей, Бандера энергично «восстанавливал авторитет» в структурах ОУН, действовавших в лагерях перемещенных лиц в английской и американской зонах оккупации. Одновременно он добивался возврата к довоенным догмам авторитарного радикального национализма, что резко противоречило позиции партийных публицистов, находившихся в подполье в Украине, и, собственно, позиции «практиков», боровшихся с «Советами» не словом, а делом. Бандера попробовал себя и в роли теоретика и публициста, впрочем, без особого успеха.

Здесь надо сделать небольшое отступление и рассказать о дискуссиях об идеологической природе украинского национализма ОУН. Одним из обвинений, выдвигаемых в отношении Бандеры и руководимой им организации, является обвинение в фашизме. Об идеологии ОУН, и уж тем более фашизме вообще, были написаны горы литературы. Была ли Организация украинских националистов, какой она сложилась в 1930-е годы, фашистским движением, а Бандера лидером и идеологом фашистской организации?

Деятели ОУН поддерживали контакты с итальянскими фашистами и считали систему организации общества, предложенную Муссолини, подходящей для Украины. Политические расчеты, связанные с итальянскими фашистами, состояли в том, что Лига Наций может отдать Муссолини мандат на управление Восточной Галицией. В трудах идеологов ОУН конца 1920-х – 1930-х годов нетрудно найти ссылки на итальянский фашизм, как на пример, достойный подражания. В то же время практически все публицисты ОУН настаивали на особом пути развития украинского национализма, а в послевоенный период прилагались немалые усилия, чтобы оградить ОУН от аналогий с итальянским фашизмом.

Точно так же строились и отношения с немецким национал-социализмом: признавались некие сходные черты мировоззрения, но отвергалась идея идентичности.

Первоначально в момент создания ОУН на I съезде в 1929 году организация, несмотря на наличие идеологических принципов, еще не имела четкой ясно очерченной политической идеологии. ОУН возникла путем объединения нескольких небольших организаций вокруг подпольной Украинской военной организации. Однако со временем настроения основателей на украинских землях все более радикализировались и они встали на путь вооруженной борьбы.

Во многих аспектах будущее общественно-политическое устройство Украины, каким его видели идеологи ОУН, было схоже с фашистскими и парашютистскими образцами. Война помешала украинским националистам создать четкое учение о будущем устройстве независимого украинского государства, а события военных лет практически не дали им возможности воплотить их идеологические построения в жизнь. Тем не менее ряд

исследователей считает, что к началу нападения Германии на СССР украинские националисты вплотную приблизились к черте, отделяющей идеологию ксенофобского антидемократического и антилиберального интегрального национализма от фашизма, или переступили ее.

В целом, поскольку ОУН четко вписывается в стандарт тоталитарного движения, основанного на принципах диктатуры одной политической силы, можно отыскать немало аналогий, позволяющих любому желающему окрестить ОУН «фашистами» – вплоть до сходства формальных ритуалов (клятвы, приветствия, символы) и принципов (вождизм, культ силы и насилия). Подобного рода отождествление украинского национализма с «фашизмом», и что чаще с «нацизмом», активно использовалось советскими и российскими властями. Однако применение таких формальных аналогий должно сопровождаться выяснением и различий между ОУН, немецким нацизмом и итальянским фашизмом: в отличие от последних, украинский радикальный национализм возник как реакция на уничтожение украинской государственности, в борьбе против национального угнетения, как крайняя форма этой борьбы. Несмотря на то что идеологическая природа украинского национализма является предметом научной дискуссии, прямое отождествление украинского национализма с «нацизмом» не имеет ничего общего с научным анализом данного явления – это пропагандистский инструмент, десятилетиями используемый для дискредитации реальных или воображаемых политических оппонентов.

Ярлык «фашистов» был пришил ОУН советской пропагандой и используется с тех пор исключительно в целях политического клейма, которым охотно пользуются политики и публицисты в интересах текущей политической борьбы. Самым свежим

примером можно считать использование этого ярлыка (с явными отсылками к временам Второй мировой войны) в нынешних условиях: в 2004 году кандидата в президенты Виктора Ющенко в Донецке называли «фашистом» и проводили аналогии с ОУН, в 2013 году представители тогдашней власти (Партия регионов) называли оппозицию «фашистами» (используя наличие реальных радикальных националистов в рядах этой оппозиции). В 2014 году «фашистами» окрестили власть в Киеве, а ссылки на ОУН, «Бандеру» и «бандеровцев» стали удобным пугалом для мобилизации жителей Восточной Украины против «киевской хунты».

Вопрос о «фашизме» ОУН нужно рассматривать и в свете идеологической эволюции отдельных ее частей. После III съезда ОУН(б) в августе 1943 года ОУН отошла от многих положений своей прежней идеологии в сторону большей либерализации и демократизации. Каковы бы ни были реальные причины подобной идеологической трансформации (необходимость переориентации на союзников или встреча непонимания прежней идеологии у населения «Большой Украины») и степень восприятия идеологических перемен лидерами и рядовыми участниками повстанческого движения, говорить после III съезда об ОУН(б) как о «фашистской» организации не приходится.

После Второй мировой войны существовало три ОУН: бандеровская, которая после 1954 года окончательно вернулась на позиции довоенного «интегрального» национализма, так называемые «двийкари» – отошедшая от ОУН(б) фракция, исповедовавшая принципы III съезда ОУН; и ОУН (мельниковцев), эволюционировавшая в сторону обустройства демократического национального государства (именно «мельниковцы» в конце

концов объединились с правительством Украинской Народной Республики в изгнании).

Догматичный и оторванный от реалий украинской политической жизни Бандера не желал признавать изменений в идеологии ОУН, зафиксированных на III съезде в 1943 году (признание политического и мировоззренческого плюрализма, демократических прав и свобод и т. д.). Фактически с 1946 года Бандера вел изнурительную борьбу со своими оппонентами в Закордонных частях ОУН (полномочия которым делегировали оуновцы «в крае»), не желавшими брать за образец довоенную идеологию ОУН. Конфликт длился почти восемь лет, доходило до личных демаршей Бандеры, демонстративно «складывавшего» с себя полномочия, и до того, что третейским судьей должен был выступать главнокомандующий УПА Шухевич. Усилия Бандеры, воспользовавшегося в своем варианте «партийного строительства» особенностями организации низовых ячеек ОУН, закончились очередным расколом в 1954 году. Во второй половине 1940-х ОУН стала объектом внимания спецслужб Великобритании, с которыми было налажено сотрудничество в диверсионной деятельности: правда, оно было не очень удачным – куратором бандеровцев был агент НКВД-МГБ Ким Филби... Оппонентами Бандеры, так называемыми «двойкарями», оказавшимися в решающем меньшинстве, занялось ЦРУ, обеспечившее деятельность издательства «Пролог» и персональную протекцию некоторым деятелям Закордонных частей ОУН.

Послевоенный период деятельности Бандеры был посвящен преимущественно строительству организации имени его самого в эмиграции. Оуновские «пятерки» создавались в лагерях для перемещенных лиц в оккупационных зонах западных союзников:

вновь вся «черная» работа легла на плечи десятков и сотен рядовых членов организации и ближайшего окружения Бандеры, сам вождь сконцентрировал всю свою волю и время на координации их деятельности и борьбе за власть. Одновременно ОУН(б) успешно откатывалась на идеологические позиции довоенного «интегрального» национализма. С переездом значительной части членов ОУН(б) на североамериканский континент им удалось установить контроль над многими легальными институтами украинской диаспоры – кооперативами, общественными и молодежными организациями. Тем временем в Украинской ССР оуновское подполье к середине 1950-х было ликвидировано. ОУН(б) окончательно превратилась в эмигрантскую организацию.

Убийство Бандеры, совершенное агентом КГБ в 1959 году, произошло в период, когда угроза для безопасности СССР со стороны ОУН(б) была минимальной. Это был акт скорее символический, чем рационально обоснованный, но его последствия оказались парадоксальными – к харизме вождя добавился ореол жертвы и героя.

В апологетической литературе о Бандере часто встречается слово «символ». Пожалуй, оно наиболее адекватно отражает состояние дискуссий об этом историческом персонаже. И те, кто носит его портреты на факельных шествиях, и те, кто не жалеет ругательных эпитетов в его адрес,apelлируют не к конкретному человеку или персонажу, в их сознании присутствует некий образ.

Наиболее интересным можно считать то обстоятельство, что обе стороны – иконописцы и иконоборцы – своим усердием дополняли друг друга. В результате довольно заурядная личность разрослась до масштабов весьма значительного персонажа, популярность которого явно не адекватна его вкладу в историю.

Все большие события, связанные с организацией, принявшей и поднявшей его имя, прошли без его участия. В развитии идеологии украинского радикального национализма его вклад тоже весьма специфичен: ему удалось одолеть «ревизионистов», которые на основе практического опыта пытались адаптировать идейные постулаты ОУН(б) к реальности, и практически остановить какую-либо эволюцию в этой сфере.

С обретением Украиной независимости его кульп стал важной частью националистической субкультуры украинской общественно-политической жизни, оттеснив на второй план таких лидеров украинского национального движения, как Андрей Мельник и Роман Шухевич, не говоря уже о непопулярном и мало кому известном лидере «двойкарей» Льве Ребете.

В современной Украине миф о «Бандере-герое» активно культивируется той частью общества, которая склонна к радикальному национализму, экстремизму и простому способу решения сложных общественных проблем. Все праворадикальные националистические организации используют этот миф в своих идеологических интересах.

Антимиф о Бандере (и конечно же, бандеровцах) как исчадии ада культивировался левыми, прежде всего коммунистами, привычно использовавшими штампы советской пропаганды, весьма живучие среди советско-ностальгической части общества.

Некий смутный негативный образ Бандеры, скроенный по лекалам советской пропаганды, пригодился организаторам аннексии Крыма и сепаратистского движения на Донбассе. На этих территориях слово «бандеровцы», еще недавно имевшее несколько иронический подтекст, превратилось в страшное клеймо, лишающее его носителя человеческих черт.

В Западной Украине образ Бандеры уже стал предметом культа значительной части населения – впрочем здесь стилистика репрезентации этого образа и его восприятия уже достигает карикатурности культа Ленина – не зря памятники и памятные знаки Бандере (количество которых перевалило за 40) так поразительно напоминают памятники «вождю мирового пролетариата». Как и всякий культ с его крайностями, культ Бандеры провоцирует анекдотические ситуации: во Львове местные шутники называют улицу Степана Бандеры улицей Стиви Уандера...

Имя Бандеры зазвучало и в мировой политике. В «войне памятей» между Россией и Украиной 2007–2010 годов Бандера – один из самых важных символов. Бандера и его организация имеют крайне негативную репутацию в Израиле и Польше. Присвоение Бандере звания Героя Украины президентом Виктором Ющенко в 2010 году вызвало международный резонанс: от вполне ожидаемых гневных реплик со стороны политических деятелей и МИД РФ до «выражения сожаления» в Европарламенте и резких заявлений еврейских организаций.

Во время Евромайдана и последовавшей за ним «революции достоинства» (ноябрь 2013 – февраль 2014) на центральной площади украинской столицы некоторое время красовался большой портрет Бандеры, установленный Конгрессом украинских националистов – политическим «зонтиком» ОУН(б). Впрочем, здесь он особого ажиотажа у большинства участников протестов не вызывал. Ежегодное факельное шествие «Свободы» 1 января 2014 года (день рождения Бандеры) в Киеве вызвало весьма неоднозначную реакцию на Майдане и в обществе.

Зато лозунг ОУН – «Слава Украине – Героям слава!», – занесенный на Майдан националистической организацией ВО

«Свобода», неожиданно обрел новую жизнь и новое звучание: его стали адресовать тем, кто сражался на Майдане в Киеве, а затем он стал неофициальным лозунгом «революции достоинства». При этом большинство тех, кто использовал его, вряд ли имели представление о его происхождении.

Миф о Бандере, его символический иконописный образ не имеют серьезных шансов утвердиться в украинском национальном пантеоне как один из центральных общенациональных символов, слишком специфичен и противоречив шлейф деяний организации, носящей его имя, слишком много желающих использовать этот образ в прямо противоположных идеологических контекстах и политических целях. Для большинства своих сторонников Бандера – не столько конкретная личность, сколько символ борьбы за независимость, икона, памятник. Равным образом для идеологических противников украинского радикального национализма Бандера – антигерой, олицетворение неких темных сил. И те и другие до неузнаваемости искажают реальный исторический образ, и те и другие заинтересованы не в том, чтобы приблизить этот образ к реальности, а в том, чтобы и дальше культивировать миф.

Об авторах

ВАДИМ ЮРЬЕВИЧ АРИСТОВ

кандидат исторических наук, сотрудник Института истории Украины Национальной академии наук Украины, старший преподаватель кафедры истории Национального университета «Киево-Могилянская академия». Автор более двадцати пяти научных работ, в том числе: Происхождение сообщений Киевской летописи // Ruthenica. Київ, 2011. № 10; Свод, сборник или хроника? (О характере древнерусских летописных памятников XI–XIII вв.) // Studia Slavica et Balkanica Petropolitana. СПб., 2013. № 1. Январь – июнь; Шахматовские исследования летописей в европейском контексте XIX – начала XX в. // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб., 2015.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ БАКАНОВ

кандидат исторических наук, ведущий специалист Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Автор нескольких работ по истории украинского национализма, в том числе монографии: Ни кацапа, ни жида, ни ляха: Национальный вопрос в идеологии Организации украинских националистов, 1929–1945 гг. М., 2014.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ ДАНИЛЕВСКИЙ

доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», автор более двухсот двадцати работ, в том числе: Древняя Русь глазами современников и потомков, IX–XII вв... М., 1998; Русские земли глазами современников и потомков, XII–XIV вв. М., 2001;

Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.

АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ КАМЕНСКИЙ

доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», автор около трехсот публикаций, в том числе книг: Под сению Екатерины: Вторая половина XVIII в. СПб., 1992; От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века. М., 1999; Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006.

ГЕОРГІЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАСЬЯНОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом новейшей истории и политики Института истории Украины Национальной академии наук Украины. Автор около двухсот научных и научно-популярных работ, в том числе: Теорії нації та націоналізму. Київ, 1999; Україна 1991-2007: Очерки современной истории. Київ, 2008; A Laboratory of Transnational History: Ukraine and Recent Ukrainian History to 2009. Budapest; New York, 2009 (в соавторстве с Ф. Тером); Danse macabre: Голод 1932-1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії, 1980-ті – початок 2000-х. Київ, 2010.

ІГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ КУРУКИН

доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета. Автор двенадцати монографий, в том числе: Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. Рязань, 2003; 19 января – 25 февраля 1730 года: События, люди,

документы. М., 2010; Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия, 1722-1735. М., 2010.

ВЛАДИМИР ЛЕОНТЬЕВИЧ МАСЛИЙЧУК

кандидат исторических наук, редактор сайта [www.historians.in.ua]. Автор более ста публикаций и переводов, в том числе монографии: Несовершеннолетние преступники в Харьковском наместничестве 1780-1796 гг. Харьков, 2011.

ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ СОЛДАТЕНКО

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Украины, главный научный сотрудник Института политических и этно-национальных исследований им. И. Ф. Кураса НАН Украины, автор более шестисот публикаций, среди которых около пятидесяти монографий, в том числе: Україна в революційну добу: Історичні есе-хроніки: В 4 т. Харків, 2008; Київ, 2009-2010; Революційна доба в Україні, 1917-1920: Логіка пізнання, історичні епізоди, ключові постаті. Київ, 2011; Проект «Україна», 1917-1920 pp: Постаті. Харків, 2011.

АЛЕКСАНДР ВЛАДЛЕНович ШУБИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, автор более двадцати научных монографий, в том числе: Махно и его время. М., 2013; Великая депрессия и будущее России. М., 2009; Великая Российская революция: От Февраля к Октябрю 1917 г. М., 2014. Соавтор коллективной монографии «История Украины» (М., 2015).

ВЛАДИСЛАВ БОРИСОВИЧ ЯЦЕНКО

кандидат исторических наук, глава исторической секции Харьковского историко-филологического общества (ХІФТ) и член редколлегии научного сборника «Збірник ХІФТ. Нова серія». Автор свыше девяноста научных публикаций, в том числе монографии: Інтеграція козацтва Слобідської України до соціальної структури Російської імперії, друга половина XVII–XVIII ст. Харків, 2009.

Сноски

1

Возникшее во время козацкой революции 1648–1657 годов государство получило название Войско Запорожское. Несколько позже для его обозначения появилось еще одно название – Гетманщина, получившее распространение в украинской историографии XIX – XX веков. Уже во второй половине XX века сначала в англоязычной историографии, а на рубеже XX – XXI веков и украинской стали использовать еще один термин – Гетманат. Новосозданное государство имело название созвучное с названием запорожского козачества, центр которого находился на Сечи. Уже после смерти Хмельницкого это привело к тому, что лидеры Запорожья нередко стремились проводить самостоятельную политику, противоречившую политической воле гетмана. Вследствие этого во второй половине XVII века за запорожской вольницей закрепилось иное название, подчеркивающее определенную независимость от Гетманщины, – Войско Запорожское низовое.

[Вернуться](#)

2

Термин весьма своеобразный, восходящий еще к сталинским компаниям по борьбе с «украинским буржуазным национализмом» и не учитывающий существующую в современной украинистике периодизацию и историографические направления.

Вернуться

3

В начале 2000-х годов на страницах российского журнала «Родина» было выдвинуто предложение о разграничении при написании исторических текстов о Средневековье и раннем Новом времени непосредственно русских от русских представителей украинско-белорусского сообщества, проживавших на территории Великого княжества Литовского и Короны Польской, а позднее Речи Посполитой.

Вернуться

4

Коваль А. В. Україні визначили найвидатніших українців усіх часів [www.uamodna.com/articles/v-ukrayini-vyznachyly-nayvydatnishi-ukrayinci-vsih-chasiv].

Вернуться

5

Обсуждение монографии Т. Г. Таировой-Яков левой «Иван Мазепа и Речь Посполитая империя: История „предательства“» (М.: Центрполиграф, 2011) см.: Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 2. С. 115–172.

Вернуться

6

Буганов В. И., Зырянов П. Н., Сахаров А. Н. История России, конец XVII–XVIII век: Учебник для 10-х классов общеобразовательных учреждений. М., 2010. С. 20; Павленко Н. И., Ляшенко Л. М., Твардовская В. А. История России XVIII–XIX веков: Учебник для 10-х классов общеобразовательных учреждений. М., 2003. С. 18–20; Левандовский А. А. История России с древнейших времен до конца XIX века: 10-й класс. М., 2011. С. 28–29.

[Вернуться](#)

7

Спор по этому поводу см.: Павленко С. О. Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники. Київ, 2004. С. 573; Артамонов В А Украино-русская конвергенция в последней трети XVII – XVIII веке // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2005. Вип. 5. С. 621.

[Вернуться](#)

8

См. например: Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны: Документы: В 2 т. / Под ред. А. Н. Артизова. М., 2012. Т. 2: 1944–1945. С. 75–83.

[Вернуться](#)